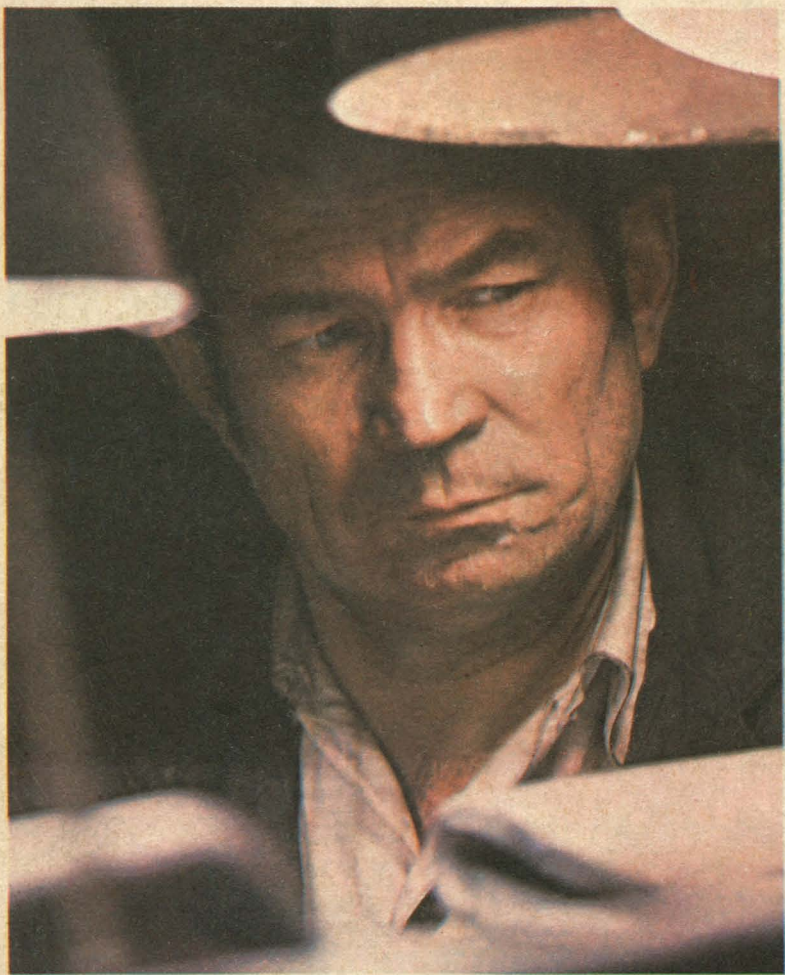

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1976

7

Народный судья Тушинского районного народного суда Москвы Борис Сергеевич Кузьмин принимает посетителей.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР» МОСКВА

7(67) ИЮЛЬ 1976

Издается с 1971 года

Главный редактор С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПАТОВ,
М. П. МАЛЯРОВ, Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь),
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ, В. И. ТОНКИХ, А. М. ЯКОВЛЕВ.

Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!

Н. ГАВРИЛОВА. Люди одного коллектива **4**

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ: **16**

Ленинские уроки права

А. ЛИКАС. В. И. Ленин и культура советского суда **17**

Ю. ЛЯПУНОВ. Правовая охрана природы в СССР **26**

СОБЕСЕДНИК:

Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!

А. ЛАРЬЯНОВСКИЙ. Нарушений стало меньше **37**

Письмо с комментарием

В. ТОНКИХ. «Я жду ребенка...» **42**

Растить гражданина

В. РОМАНКО. «Хочешь часы — пожалуйста!» **49**

Обсуждаем письмо «Как мне жить!»

М. МЕРКУЛОВ. Нельзя терять веру в себя! **52**

По следам неопубликованных писем **53**

После выступления журнала **54**

Суд идет!

М. ИВАНОВ. Комбайны на свалке **55**

Книжная хроника **61**

Опыт друзей

Л. ПЭК. Польша: уроки права **62**

Главный художник **В. Т. СЕЛИВАНОВ.**

Технический редактор **Л. Л. ЕЖОВА.**

Корректоры **Т. И. НИЗАМОВА, А. В. ЕЛИЗАРОВА.**

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
 Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы 271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем и консультаций 271-11-20, международной и внутренней информации 271-08-63.

Ю. ФЕОФАНОВ. Из зала суда. Заметки журналиста 65

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ. Наводнение. Повесть. (Окончание) 80

ВИКТОР ПРОНИН. Белые перчатки. Очерк. 109

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Новое в законодательстве

П. СЕДУГИН. Дополнительные льготы работникам угольной и сланцевой промышленности 122

Читатель на приеме у юриста

Льготы, которыми пользуются доноры 125

Увольнение работников по инициативе администрации в порядке дисциплинарного взыскания 126

Сохранение стажа, необходимого для получения северных льгот, у женщин, временно оставивших работу для ухода за ребенком 128

ВАСИЛИЙ СМИРНОВ. Преступность в США — социальная проблема № 1 130

Зарубежная мозаика 144

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: слесарь по ремонту оборудования Московского шинного завода Павел Петрович Пархач. (Читайте очерк «Люди одного коллектива»).

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Может быть, еще немного подумаете?..»

Сдано в набор 29/IV-76 г. Подписано в печать 8/VI-76 г. А11147. Формат 84 × 108/32. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 8,91. Заказ 188. Тираж 3 315 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.). Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

*Решения
XXV
съезда КПСС —
в жизнь!*

ЛЮДИ ОДНОГО

Точно считать и эффективно использовать каждый рубль, каждый час труда, каждую тонну продукции, до конца изжить бесхозяйственность и разгильдяйство — это наш высокий партийный долг. Ибо экономим мы ради самого для нас дорогого — ради богатства и могущества Родины, благосостояния и процветания нашего народа.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

КОЛЛЕКТИВА

ПРЕДПРИЯТИЕ ВЫПУСКАЕТ ПРОДУКЦИЮ ТОЛЬКО ПЕРВОЙ И ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ; ТРЕТЬ ЕЕ ОТМЕЧЕНА ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЗНАКОМ КАЧЕСТВА.

В МИНУВШЕМ ГОДУ ЗДЕСЬ ИЗГОТОВЛЕНО СОРОК ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ ШИН ИЗ СЭКОНОМЛЕННОГО СЫРЬЯ.

НОВЫЙ РУБЕЖ: К КОНЦУ ПЯТИЛЕТКИ — ЗНАК КАЧЕСТВА НА ВСЕХ ШИНАХ ДЛЯ ГРУЗОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ.

ЗАЛОГ УСПЕХА: У КАЖДОГО РАБОТНИКА — ХОЗЯЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДЕЛО, ВЫСОКАЯ ДИСЦИПЛИНА ТРУДА. В РЯДАХ НАРОДНЫХ КОНТРОЛЕРОВ — ЛУЧШИЕ ЛЮДИ ЗАВОДА.

ГОВОРIT СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА М. К. ХОЗАК: — КАЧЕСТВО И ЭКОНОМИЯ — ЭТО НЕ ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА, НО И ПОКАЗАТЕЛЬ ОТНОШЕНИЯ К ДЕЛУ, НРАВСТВЕННОЙ ЗРЕЛОСТИ КОЛЛЕКТИВА.

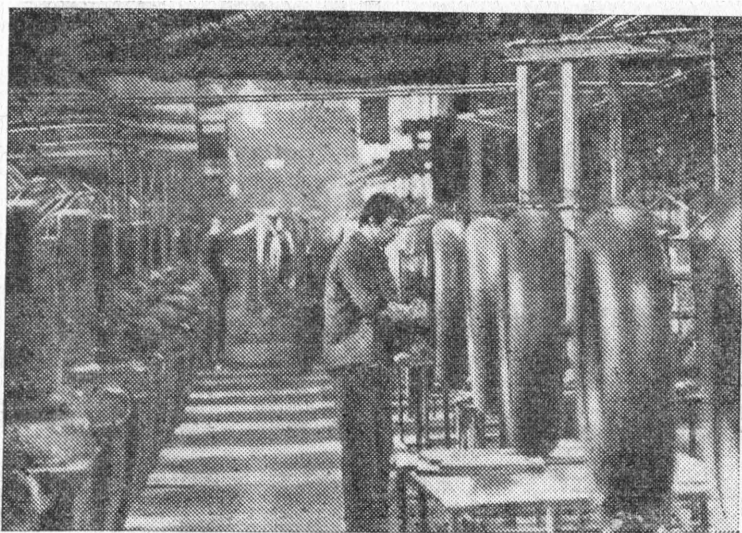
Здесь делают шины для грузовиков и легковушек, для ЗИЛов, ГАЗов и «Москвичей». В большой семье заводов Ждановского района — одного из наиболее промышленных в столице — шинный занимает достойное место. В минувшем году именно Ждановский район стал победителем социалистического соревнования среди районов Москвы. Четырехтысячный коллектив Московского шинного хорошо сознает свою роль и свое место в решении задач, поставленных перед страной и народом XXV съездом КПСС. И естественно, что здесь особенно крепко помнят цифры «35—40» — на столько

процентов за десятую пятилетку должно увеличиться производство в стране резиновой «обуви» для автотранспорта.

Труженики завода знают: у шины жизнь нелегкая... Десятки тысяч километров впереди. И нужно выдержать любые испытания: перевалы, сыпучие пески, снежные заносы. Например, Сергей Васильевич Попов, старший наладчик и председатель поста народного контроля в цехе автокамер, так рассуждает:

— Малейший изъян в шине может стать причиной аварии в пути. И тогда наша оплошность обернется бедой для водителя и других людей...

«От высокого качества исполнения каждой операции —

В цехе автокамер.

к выпуску изделий со Знаком качества» — под таким девизом сегодня трудятся шинники.

Качество и долговечность — одна сторона дела. Есть и другая: шины делают из дорогостоящего сырья — каучука, резины, технических тканей. В новой пятилетке потребуются дополнительно многие тысячи тонн этих материалов.

Вот почему в канун XXV съезда КПСС московские шинники вместе с коллективами ряда столичных предприятий выступили инициаторами развития социалистического соревнования за выпуск сверхплановой продукции из сбереженных материалов.

**СЛОВО СЕКРЕТАРЮ
ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА
ЗАВОДА
МИХАИЛУ
КОНСТАНТИНОВИЧУ
ХОЗАКУ.**

— Беречь народное добро — долг каждого труженика и гражданина. Это записано в Основном Законе нашей страны — Конституции СССР. Поэтому настоящие хозяева завода всегда заботятся о том, чтобы каждый народный рубль, вложенный в производство, был потрачен с толком, принес как можно больше прибыли.

Михаил Константинович Хозак

Качество и экономия — это не только результат совершенствования производства, но и показатель отношения к делу, нравственной зрелости коллектива. Ведь многое зависит от стремления человека беречь народное добро. Иначе он и не станет ломать голову над тем, как продлить срок службы своего станка, агрегата. У нас, на заводе такое стремление поддерживается и всячески поощряется. Во всех цехах есть специальные журналы, куда рабочие и служащие записывают свои соображения по улучшению органи-

защиты труда, более рациональному использованию средств. Предложения рассматривают сотрудники экономической лаборатории, и все наиболее ценное получает путевку в жизнь. Например, в прошлом году поступило более тысячи таких предложений — 974 из них внедрены в производство. Около семисот тысяч рублей условно-годовой экономии — таков практический результат!

Самый бережливый коллектив на заводе — смена «Г» цеха каландров. В прошлом году он сэкономил 240 тонн резины и 130 тысяч метров технических тканей. Руководит сменой коммунист Борис Борисович Воздвиженский. Человек он еще сравнительно молодой, но на заводе уже без малого два десятка лет. Начинать работал в цехе, закончил вечерний техникум, стал командиром производства.

Шестьдесят пять человек, которые трудятся под его началом, — не маленькая семья. А порядок в этой семье полный. Ведь не зря смене присвоено звание коллектива коммунистического отношения к труду. Взять хотя бы такой пример: около двух лет здесь не было ни единого нарушения трудовой дисциплины...

Но предоставим слово самому **БОРИСУ БОРИСОВИЧУ**.

Примечательно, что свой рассказ он начинает с самокритичного возражения.

— Нет, нарушение у нас все же было. Правда, нарушитель не совсем наш, а командированный на учебу из Бобруйска рабочий. Поэтому-то вначале и хотели ограничиться дисциплинарным взысканием, — дескать, человек у нас находится временно, вернется на свой завод, пусть там его и воспитывают.

«Это будет не по-товарищески, — заявил тогда один из лучших и опытных наших производителей Виктор Александрович Шаулин. — Нельзя подводить бобруйских коллег. Коль взялись помочь, значит,

Борис Борисович
Воздвиженский

должны не только хорошего мастера из парня, подготовить, но и сознательного рабочего воспитать. Ведь по нему и о нас самих судить станут...»

Так мы стараемся «дойти» до каждого человека. Понимаем, что люди — это главное.

Трудолюбивый человек не станет расточительствовать. Да и у других этого не потерпит. Припоминается такой случай. На транспортере завернулась полоска корда. Одна из работниц (она тогда была еще новенькой в цехе) схватила ее и отшвырнула в сторону — не захотела тратить время на то, чтоб расправить ткань. К ней тут же подошла резчица Антонина Дмитриевна Игнатова.

«Нехорошо поступаешь,— сказала она с укором,— метр обрезиненного корда почти три рубля стоит, вот и посчитай; сколько денег ты отшвырнула».

Нельзя не сказать о нашем «золотом фонде» — о рационализаторах. Они немало сделали для усовершенствования оборудования. Один из лучших среди умельцев цеха — Борис Дементьевич Дементьев. Он лауреат заводского смотряконкурса по использованию резервов производства.

«Наши шины», «наши планы», «наши обязательства» — в цехах завода каждый день произносятся эти привычные слова. И отношение человека

Борис Дементьевич Дементьев

к этому «наши» говорит о его сознательности, гражданской зрелости. На шинном, как и на любом предприятии, есть свои герои, свои «маяки», ими гордятся, с них берут пример.

Недавно Главный комитет Выставки достижений народного хозяйства СССР вручил передовой работнице завода Наталье Николаевне Федосеевой, об опыте работы которой рассказывалось на стендах выставки, ценный подарок — автомобиль «Москвич-427».

— А чи на нем шины? — поинтересовались прежде всего друзья, когда Наталья Николаевна впервые подъехала к

заводской проходной на «Москвиче». И с удовлетворением отметили: — Наши, московские, а может, и твои, Наташа.

За трудовые успехи в девятой пятилетке Наталья Николаевна награждена орденом Трудовой Славы III степени.

«Наш чемпион» — говорят о ней на заводе. А ведь она действительно чемпион — добилась наивысшей в отрасли производительности труда среди рабочих своей профессии. Пе-

редовая работница — член заводского комитета профсоюза, народный контролер.

Трудится Наталья Николаевна с радостью. Другого слова и не подберешь. Одну за другой отсчитывает счетчик готовые автопокрышки — за смену 240—250 штук. А ведь сборка только одной из них — это не менее тридцати операций.

— *Как разойдусь,— говорит Федосеева,— не хочется останавливаться! До чего послушен стал агрегат, да и в цехе чисто, светло. Когда работа спорится, то и усталости не чувствуешь, и настроенье отличное.*

Рядом с Натальей Николаевной рабочие места еще восьми сборщиц — все они ее бывшие ученицы, а сейчас члены передовой на заводе комсомольско-молодежной бригады. Трудно поверить, что высокопроизводительные полуавтоматы, которым они сейчас не нарадуются, с таким трудом завоевывали право на жизнь. На многих предприятиях их отказались осваивать. На Московском шинном — рискнули. Создали творческую бригаду по доводке агрегатов. В нее вошли сборщицы Наталья Николаевна Федосеева и Валентина Никитична Щелкалина. Много приходилось в станках переделывать, совершенствовать. Вначале дела шли из рук вон

*Наталья Николаевна
Федосеева*

плохо, в день собирали одну-две покрышки. Работницы теряли в зароботке, но от порученного дела не отказались. И победа была одержана.

**РАССКАЗЫВАЕТ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ЗАВОДСКОГО КОМИТЕТА
ПРОФСОЮЗА
ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
БИБАЕВ.**

— Достижения передовиков становятся на заводе нормой дня. И в этом нельзя не увидеть наших огромных — как материальных, так и духовных, воспитательных резервов. В марте мы чествовали победителей социалистического соревнования. Девяносто из них получили значки «Ударник девятой пятилетки».

Пропагандируя все новое, передовое, мы не забываем и о том, что нам мешает. К сожалению, есть у нас еще люди, чьи интересы ограничены узким мирком маленького «мое», у них ко всему отношение чисто потребительское: как бы поменьше сделать да побольше урвать. Товарищи экономят каждый грамм резины, а иной думает о том, как бы вынести с завода автокамеру, вентиль, золотник, кусок корда. В хозяйстве, мол, все пригодится. Немало вреда от тех,

Евгений Васильевич Бибаев

кто злоупотребляет спиртным. Как поступать с такими? Отмахнуться, уволить, пусть другие с ними мучаются?

Нет, надо помочь человеку исправиться — так считают люди нашего предприятия. Многие из них участвуют в работе товарищеских судов, различных комиссий: по укреплению трудовой дисциплины и борьбе с пьянством, по охране социалистической собственности, в группе народного контроля.

Недавно в Книгу почета МГК КПСС и МГК профсоюзов занесено имя сборщика авто-

покрышек Николая Федоровича Серебрякова.

Двадцать три года тому назад, демобилизовавшись из армии, он впервые переступил порог заводской проходной. Сейчас рядом с ним в цехе трудится старший сын Сергей, двое младших служат в Советской Армии, но Николай Федорович надеется, что и они придут на завод. Как всякий отец, он искренне желает счастья сыновьям, потому и хочет, чтоб они наследовали его рабочую судьбу. Николай Федорович — кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Производственные задания он выполняет на 180 процентов, его средний заработок составляет около 350 рублей в месяц.

Огромным уважением пользуется в коллективе этот человек. Но ему не безразлично, как живут и трудятся те, кто рядом. Николай Федорович — член товарищеского суда, народный контролер.

— В человеке всегда больше хорошего, а плохое обычно наносное, преходящее. И надо помочь ему избавиться от плохого, пробудить в нем лучшее, — так говорит Николай Федорович о своих обязанностях члена товарищеского суда в цехе.

На заводе на самых видных, «людных» местах часто можно видеть «молнии», «сигналы», сатирические листки. В них здорово достается бракоделам

В заводской столовой.

и расточителям. Это все результат «боевых действий» народных контролеров.

Недавно слесарь по ремонту оборудования Павел Петрович Порхач застал с поличным двоих «молодцев», пытавшихся вынести с завода камеры. Похитителями оказались водители автотранспорта, прибывшие на завод за грузом. Они были переданы в органы милиции, а затем предстали перед судом. Павел Петрович — не только народный контролер, но и председатель товарищеского суда цеха, член партийного бюро завода — отвечает за работу с молодежью в общезжитии. И на все у него хватает сил и энергии, за все «болит душа».

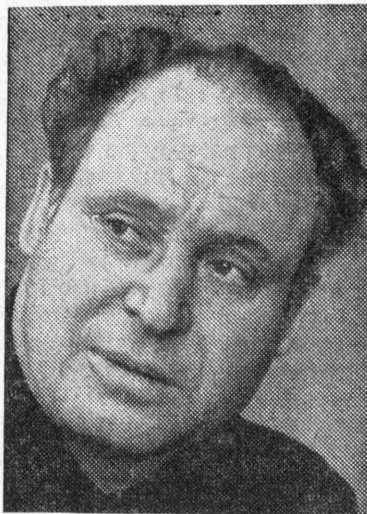
Слесаря паросилового хозяйства Василия Дмитриевича Озерова знают на заводе многие. Работа у него такая, что он бывает на всех участках, во всех цехах. При этом он не только проверяет систему отопления и устраняет в ней дефекты, но и успевает подметить беспорядки, относящиеся «к компетенции других служб». Для него нет мелочей: увидит разбитый ящик с болтами или небрежно хранящиеся другие, казалось бы, не очень дорогие, материалы — тут же к начальнику отдела снабжения; заметит, что вместе с отходами на свалку вывезли резину, куски тканей, — сразу забьет тревогу:

непорядок, все это можно использовать в цехе ширпотреба, где делают шины для детских колясок, коврики и другие полезные в хозяйстве вещи.

Председатель группы народного контроля Григорий Яковлевич Лучкин — член партийного бюро завода. Он провел на заводе всю свою трудовую жизнь. Был широко известен как лучший сборщик автопокрышек в стране. За трудовые успехи Григорий Яковлевич не раз был награжден.

СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГРУППЫ НАРОДНОГО КОНТРОЛЯ ГРИГОРИЮ ЯКОВЛЕВИЧУ ЛУЧКИНУ.

— Народный контролер — это не просто контролер, он еще и товарищ по работе. Его поведение, отношение к труду должны быть настолько безупречны, чтобы в ответ на замечание никто не смог упрекнуть, бросить горькое: «А ты сам...» Наши дозорные — это лучшие, передовые люди завода. Среди них Герой Советского Союза сборщик Александр Давыдович Головатюк, Герой Социалистического Труда машинист резиносмесителя Михаил Алексеевич Пчелинцев, сборщик Николай Федорович Серебряков и сборщицы Наталья Николаевна Федосеева и Валентина Щелкалина, руко-

Григорий Яковлевич Лучкин

водитель бригады по ремонту автокамер, депутат Моссовета Антонина Михайловна Лебедева и многие другие. К работе народного контролера они относятся со всей серьезностью, организуют рейды и проверки качества работы, использования сырья, настойчиво добиваются устранения недостатков. Дозорные часто выступают на рабочих собраниях, на конкретных примерах показывают, во что обходятся производству и самим рабочим нерадивость, халатность.

День за днем растет вклад московских шинников во все-народную копилку. А что дает эта экономия заводу и его людям?

**НА ЭТОТ ВОПРОС ОТВЕЧАЕТ
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА
ЗАВОДА
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ
ВОПРОСАМ
ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА
СМИРНОВА.**

— Увеличиваются средства на расширение производства, модернизацию оборудования, улучшение условий труда, прибыль питает наши поощрительные фонды. В прошлом году на выплату премий, вознаграждений по итогам работы за год, награждение победителей социалистического соревнования было израсходовано более девятисот тысяч рублей. Немало было сделано для улучшения условий трудящихся завода и их семей. Вступил в строй пансионат «Крымское приморье» неподалеку от Феодосии. Около пятидесяти тысяч рублей было потрачено на бесплатное питание рабочих подготовительных цехов. В новые квартиры за пятилетку въехало более тысячи семей. Можно привести и другие примеры. Короче говоря, полученная заводом экономия средств благотворно сказывается на бюджете, условиях жизни семьи каждого добросовестного работника нашего завода.

Когда маркировщице Московского шинного завода Виктории Евгеньевне Свитовой ис-

полнилось пятьдесят лет, в «красном уголке» собрались ее друзья, руководители сборочного цеха. Они тепло поздравляли виновницу торжества, вручили ей Почетную грамоту, подарки.

— Дорогая Вика...— обратился к ней Григорий Яковлевич Лучкин от имени всех собравшихся.

Да, именно Вика, и в этом была особая теплота, задушевность. Ведь только для своих родных и близких друзей мы на всю жизнь остаемся Виками, Наташами, Галями. Такими близкими друзьями для Виктории Евгеньевны стали те, кто тридцать лет трудился с ней бок о бок в стенах завода, делил все радости и заботы.

Тридцать лет — шутка сказать! А вот Виктор Григорьев еще только начинает свой трудовой путь. На шинный он пришел не случайно. Здесь работают его отец и мать, их ценят и уважают на заводе. А как сложится рабочая судьба Виктора? Принесет ли ему труд истинную радость, полюбят ли его товарищи по работе? Это прежде всего будет зависеть от него...

Более четырех тысяч человек трудятся в цехах завода, осуществляя именно здесь данное им право на труд. Широкие

Валентина Сергеевна Смирнова

возможности открывает это право перед каждым из них, но и влечет обязанности. От того, как человек выполняет эти обязанности, во многом зависят его успехи или неудачи...

И какую работу кто бы ни выполнял, каждому воздается по труду, по его старанию.

Завод умеет ценить своих людей!

Н. ГАВРИЛОВА

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ УЧЕНЫЙ СОВЕТ «ПРАВОВОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Председатель — член-корреспондент Академии наук СССР Д. А. КЕРИМОВ. В составе совета: Г. А. АКСЕНУК, член-корреспондент Академии наук СССР; Г. З. АНАШКИН, доктор юридических наук, профессор; Е. В. БОЛДЫРЕВ, доктор юридических наук, руководитель сектора уголовного и уголовно-процессуального законодательства Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства; Н. В. ЖОГИН, доктор юридических наук; Г. В. ИВАНОВ, профессор, декан юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; И. И. КАРПЕЦ, доктор юридических наук, профессор, член коллегии МВД СССР; В. Н. КУДРЯВЦЕВ, член-корреспондент Академии наук СССР, директор Института государства и права Академии наук СССР; П. Я. ТРУБНИКОВ, доктор юридических наук, член Верховного Суда СССР; О. Н. ХЛЕСТОВ, профессор, член коллегии, заведующий договорно-правовым отделом МИД СССР.

В. И. ЛЕНИН И КУЛЬТУРА СОВЕТСКОГО СУДА

В о многих работах, посвященных праву, законности, правосудию, В. И. Ленин неизменно подчеркивал неразрывную связь культуры населения с законностью. Если в плане доклада на II Всероссийском съезде политпросветов мы находим лишь тезис: «научить бороться культурно за законность», то в самом докладе ленинская мысль получила глубокое развитие.

«Советские законы очень хороши,— говорил В. И. Ленин с трибуны съезда,— потому что предоставляют всем возможность бороться с бюрократизмом и волокитой, возможность, которую ни в одном капиталистическом государстве не предоставляют рабочему и крестьянину». Далее Ленин указывал, что достичь успеха в борьбе с бюрократизмом, волокитой, нарушением законов и другими отрицательными явлениями нельзя «одной пропагандой», а можно лишь тогда, когда «сама народная масса помогает». А вот для того, чтобы масса помогала, одной грамотности недостаточно, а нужна та «культура, которая учит бороться с волокитой и взятками».

Стало быть, Владимир Ильич говорил не просто о повышении грамотности, общей культуры (значения того и другого он, разуме-

ется, не отрицал) — речь шла о повышении правовой культуры граждан. И это было сказано, подчеркнем, 17 октября 1921 года.

Несколько позднее В. И. Ленин напишет записку в Народный комиссариат юстиции и будет интересоваться тем, что сделано для юридической пропаганды среди населения, «среди рабочих и беднейших крестьян».

О неразрывной связи между культурностью и законностью В. И. Ленин писал и в письме «О «двойном» подчинении и законности», продиктованном по телефону из Горок в мае 1922 года.

Письмо В. И. Ленина в Политбюро, как известно, было вызвано тем, что большинство членов комиссии ВЦИК высказалось против того, чтобы местные представители прокурорского надзора назначались только центром и подчинялись только ему. Большинство членов комиссии требовало двойного подчинения прокурора, то есть центру и губисполкому. Ленин считал это решение принципиально неправильным и в корне ошибочным, ибо оно «подрывает всякую работу по установлению законности и минимальной культурности».

Говоря далее о необходимости установить единообразное применение законности, В. И. Ленин указывал: «Если отступить от этого,— это значит под сурдинку провести тот взгляд, которого никто не защищает прямо и открыто, именно: будто у нас уже так высоко развиты культурность и неразрывно связанная с нею законность, что мы можем ручаться за наличность у нас сотни прокуроров, совершенно безупречных с точки зрения того, что они никогда никаким местным влияниям не поддадутся и сами собой будут устанавливать единообразную законность по всей республике».

В работе «О «двойном» подчинении и законности» В. И. Ленин определил задачи, функции и организационную структуру советской прокуратуры. Но не только. Здесь мы находим чрезвычайно важные указания и для советского суда, и советского правосудия вообще.

В. И. Ленин подчеркнул: «Единственное право и обязанность прокурора передать дело на решение суда». Это ленинское положение ныне лежит в основе важнейшего принципа социалистического правосудия, провозглашенного в статье 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: «Правосудие по уголовным делам осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда».

«Правосудие по гражданским делам,— читаем мы в статье 7

Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик,— осуществляется только судом...»

В Америке, той самой Америке, заправили которой вот уже двести лет как кичатся своей демократией, «правами человека», тем, что они якобы «неприкосновенны и неотчуждаемы», директор средней школы в городке Мортон (штат Техас) приговорил (!) восемнадцатилетнего Марлона Коффмана к пятнадцати палочным ударам за то, что тот пропустил занятия.

Допустим, директор школы — самодур и мало ли что может допустить новоявленный «судья», но вот что важно: верховный суд США, наделенный правом конституционного надзора, признал телесные наказания в американских школах «практикой, которая не противоречит конституции»...

Как все это увязать с законностью, широковещательными декларациями об уважении к правам человека, о защите достоинства личности?

По советскому закону даже осужденный по приговору суда к суровому уголовному наказанию не может быть подвергнут телесному наказанию. Наказание «не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (статья 1 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик).

Но вернемся к теме нашей статьи.

В. И. Ленин писал: «Суды у нас местные. Судьи выбираются местными Советами. Поэтому та власть, которой прокурор передает решение возбужденного им дела о нарушении закона, является властью местной...» Да это так и есть. Основное звено нашей судебной системы составляют районные и городские народные суды. Основным звеном мы их называем потому, что они рассматривают 97—99 процентов всех гражданских и уголовных дел. Им подсудны и подведомственны практически все категории судебных дел.

В первые годы Советской власти местные суды избирались местными Советами. Областные (краевые) и приравненные к ним суды, Верховные суды автономных и союзных республик, Верховный Суд СССР и сейчас избираются соответствующими Советами. Народные судьи, наиболее близкие к населению и наиболее доступные ему, избираются самым демократическим путем: на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Как проходят у нас выборы народных судей, каждый непредубежденный человек мог убедиться во время последних выборов, состоявшихся 11 апреля 1976 года во всех союзных республиках. Мандаты правосудия вручены достойным сыновьям и дочерям Родины.

Можно не сомневаться: высокое доверие избирателей народные судьи оправдают.

Хотелось бы подчеркнуть: Ленин, обрушившись со всей силой на тех, кто защищал «двойное» подчинение прокурора, и видя в такой защите помеху «основной нашей задаче неуклонного введения законности», выражение интересов и предрассудков «местной бюрократии и местных влияний», называя при этом местное влияние «одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культурности», совсем по-другому определял положение суда.

Народный суд, являясь властью местной, указывал Ленин, обязан «с одной стороны, абсолютно соблюдать единые, установленные для всей Федерации законы». С другой же стороны, суд при определении меры наказания не может не учитывать всех местных обстоятельств. Суд, и только суд, по мысли Владимира Ильича, вправе сказать, что хотя «закон несомненно был нарушен в таком-то случае, но такне-то близко известные местным людям обстоятельства, выяснившиеся на местном суде, заставляют суд признать необходимым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам, или даже признать таких-то лиц по суду оправданными». Такое право суда Ленин считал «элементарнейшим условием» для установления единой законности в стране. Без соблюдения этого условия ни о какой охране законности и ни о каком развитии культурности не может быть и речи, писал он.

В последнее десятилетие Коммунистическая партия и Советское государство придавали большое значение как повышению правовой культуры граждан, так и повышению культуры в деятельности судов и требовали усиления воспитательного воздействия судебных процессов.

Деятельность суда должна быть организована, как и во всех других советских учреждениях, на основе высокой социалистической культуры работы. Но есть и специфические требования: точное и неуклонное выполнение судом установленных законом правил судопроизводства, обеспечивающих всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств рассматриваемого дела,— это важнейший элемент культуры судебного процесса.

Статья 2 УПК Литовской ССР (а такие статьи есть в УПК всех союзных республик) гласит, что уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в

духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития.

Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет, Советское государство, отмчалось на XXV съезде КПСС, уделяли постоянное внимание совершенствованию деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции. «Партия, государство,— сказал Л. И. Брежнев,— высоко ценят нелегкий и почетный труд работников этих учреждений, заботятся о том, чтобы их состав пополнялся подготовленными, достойными кадрами». Работники судов и органов юстиции с большой радостью и гордостью узнали о высокой оценке их труда.

Партия и государство сделали очень многое для того, чтобы создать правоохранительным органам и их работникам наиболее благоприятные условия, способствующие успешной деятельности.

30 июня 1970 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР в постановлении «О мерах по дальнейшему улучшению работы судебных и прокурорских органов» потребовали от судов и органов прокуратуры более четкой и оперативной работы, повышения культуры в их деятельности. ныне созданы самые благоприятные материально-технические условия для успешной работы судов, органов и учреждений юстиции.

В нашей республике, к примеру, во всех районах и городах построены или капитально переоборудованы помещения народных судов. Не обойден вниманием и Верховный суд республики. Для него построено хорошее, современное здание. Здесь есть отлично оборудованные судебные залы для рассмотрения дел по первой и кассационной инстанциям, зал пленума. В залах судебного заседания, кабинетах, других служебных помещениях удобная мебель, отведены помещения для архивов, красного уголка, буфета, складов.

Хорошие, специально приспособленные для судов помещения, слов нет, создали все условия для того, чтобы повысить культуру судебного процесса. Но это лишь одно слагаемое культуры правосудия.

В наш век, век грандиозной научно-технической революции, охватившей все стороны жизни общества, выявилась настоятельная потребность внедрять в судебную и следственную практику научно-технические средства.

Мне, как члену Верховного Суда СССР по должности, известно, что в большинстве судов Москвы, Ленинграда, Московской обла-

сти, у нас в Литве многое уже сделано: появились в судах радиостановки, средства звукозаписи, диктофоны и так далее.

Что это дает? Многое. Диктофон, к примеру, создал возможность воспроизвести дословно показания свидетелей, потерпевших, подсудимых и других участников процесса. Запись показаний позволяет использовать их, если понадобится повторный допрос, очная ставка и в других случаях. С помощью диктофона дословно записывается весь ход разбирательства в судебном заседании. Запись показаний дает представление о тоне, интонации и многих других нюансах, которые нельзя отразить на бумаге. Оглашение звукозаписи на судебном процессе помогает устранить противоречия в показаниях подсудимых, свидетелей, потерпевших.

Нельзя не отметить, что звукозапись позволяет вернуться к тем или иным показаниям в совещательной комнате и тем самым избежать возможной ошибки при постановлении приговора. Проверка по фонограмме позволяет избежать искажений, неточностей и неполноты в протоколе судебного заседания. Уже давно известно: звукозапись уменьшила либо вовсе исключила замечания участников судебного разбирательства на протокол судебного заседания. В тех же немногих случаях, когда замечания все же приносятся, фонограмма позволяет судить, насколько они правильны и объективны.

И еще одно преимущество: судебный процесс с использованием звукозаписи значительно сокращает время, затрачиваемое на судебное разбирательство (в обычных условиях секретарь не успевает записывать, а председательствующий вынужден повторять для секретаря то или иное показание).

Глубоко ошибочно проблему повышения культуры судебной деятельности сводить лишь к разговору о помещениях, о научно-технических средствах. Все это важно, разумеется, но высокая культура в правосудии — это точное и неукоснительное соблюдение закона органами предварительного следствия и судами.

И еще об одном — самом важном и решающем. Речь идет о культуре судей. Не случайно Л. И. Брежнев в своем докладе на XXV съезде КПСС, высоко оценив нелегкий и благородный труд судей, напомнил о необходимости пополнять их состав подготовленными, достойными кадрами.

Подавляющее большинство судей в нашей республике (96,3 процента) это люди с высшим юридическим образованием, люди высокой культуры. Впервые избранные 11 апреля 1976 года народные судьи все до одного имеют высшее юридическое образование.

А. П. Чехов приравнял труд судьи к труду учителя и писателя. Не знаю, что сказали бы по этому поводу учителя и писатели, но как юрист не могу не заметить, что труд судьи чрезвычайно сложен и многообразен.

Учитель имеет возможность совершенствоваться по одному, в крайнем случае — по двум учебным предметам. А судья? Народный судья в особенности должен одинаково хорошо знать законодательство гражданское, трудовое, земельное, пенсионное, брачно-семейное, процессуальное и многое другое. И этого мало. Судья должен быть и педагогом, и врачом, и инженером, и психологом...

Невозможно перечислить отрасли знаний, с которыми практика сталкивает судью. И он всегда должен быть компетентным настолько, чтобы знать, какого именно специалиста или сведущего человека следует пригласить в качестве эксперта, суметь профессионально грамотно сформулировать вопросы, а главное — заключение эксперта оценивают судьи, и только судьи.

Судья, как всякий человек, не может быть равнодушным к злу, преступлениям, но в судебном заседании он обязан быть беспристрастным, непредвзятым, объективным, иначе истины по делу не найти. Одинаково корректно он должен относиться к любому участнику судебного процесса, в том числе и к потерпевшему, и к подсудимому.

Свое личное отношение к делу, свою бескомпромиссность судья вправе — и обязан! — проявить лишь в совещательной комнате.

Благодаря огромному вниманию, которое уделяют ЦК КП Литвы, Верховный Совет и Совет Министров Литовской ССР кадрам народных судов, мы можем сказать: правосудие в республике доверено людям, обладающим высокими идейно-политическими и моральными качествами, людям высокой культуры. Среди вновь избранных 11 апреля 1976 года народных судей 73,9 процента многократно избирались на этот почетный пост.

Да, подавляющее большинство судебных процессов проводится на высоком уровне, но нельзя проходить мимо — пусть малочисленных и редких — случаев проявления бескультурья или даже пренебрежения к тому, что мы подразумеваем под культурой судебной деятельности. Даже как случайность такие факты нетерпимы.

О работе суда, о культуре судебных работников граждане включают не только по тому, как проводятся гражданские или уголовные процессы, но и по тому, как человека приняли в суде, насколько внимательно выслушали, насколько полно, доходчиво дали разъяснения по интересующим его вопросам.

Внимание к человеку, пришедшему в суд, начинается с указателей, когда, где, в какие часы принимают граждан судья, судебный исполнитель, секретари.

Работа суда должна быть организована так, чтобы гражданин видел, что здесь одинаково уважают время как самих работников суда, так и его посетителей. Внимание и предупредительность — неотъемлемые качества судебных работников независимо от занимаемых ими постов.

Культура судебного процесса требует, чтобы каждое дело (гражданское или уголовное) было рассмотрено в установленные законом сроки, без волокиты.

В нашей республике есть народные суды, которые в течение 1974 и 1975 годов рассматривали почти все дела (за малым исключением) в сроки, установленные законом. Следует признать, однако, что далеко еще не все суды добились четкой организации своей работы. В среднем в народных судах Литовской ССР за год откладывается рассмотрение 23 процентов гражданских и 11,7 процента уголовных дел. Откладываются дела в основном из-за неявки свидетелей (31 процент), неявки потерпевших (20,4)

Поставленная XXV съездом КПСС задача укреплять правовые основы государственной и общественной жизни не может быть решена без комплексного подхода к постановке всего дела воспитания. Правовое воспитание должно вестись в тесном единстве с идейно-политическим, трудовым и нравственным воспитанием.

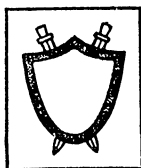
В. И. Ленин, критикуя недостатки Наркомюста, указывал: «Воспитательное значение судов громадно. Где у нас забота об этом? Где учет реальных результатов? Этого нет, а это азбука всей юридической работы».

Указания В. И. Ленина актуальны и сегодня; судебные процессы по уголовным делам либо по гражданским делам должны воздействовать на присутствующих, воспитывать их. Большое значение приобретают выездные судебные заседания. А здесь у нас есть еще серьезные недостатки. Организуя выездные заседания судов, народные суды не всегда поддерживают должную связь с руководителями и общественными организациями предприятий и учреждений. К подготовке выездных сессий не всегда привлекают народных заседателей, а ведь они могли бы оказать неоценимую помощь. Помещения, в которых проводятся судебные процессы, зачастую специально не оборудуются. Население заблаговременно не извещается о месте и времени рассмотрения дела в выездной сессии. Из-за всего этого снижается воспитательное воздействие выездного судебного процесса на заводе, в учреждении, колхозе.

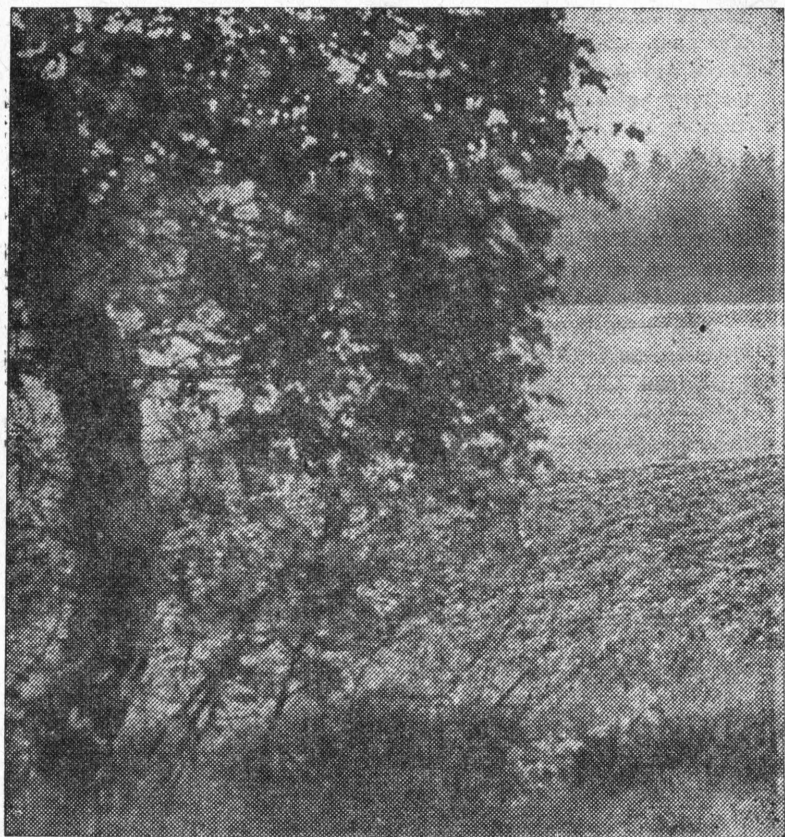
У некоторых судей существует мнение, будто в выездных заседаниях следует рассматривать только такие дела, по которым может быть вынесен лишь строгий обвинительный приговор. Это глубокое заблуждение. В. И. Ленин указывал на необходимость организации публичного процесса «не столько ради строгого наказания (может быть, достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных».

Судебный процесс должен быть организован так, чтобы до корня вскрыть и публично осветить все общественно-политические нити преступления, с тем, указывал В. И. Ленин, «чтобы вынести из суда уроки общественной морали и практической политики».

Работники судов, органов и учреждений советской юстиции, воодушевленные высокой оценкой их нелегкого труда, прозвучавшей с трибуны XXV съезда КПСС, не пожалют сил, энергии для того, чтобы повысить культуру судебного процесса, усилить воспитательное воздействие судебных процессов и, стало быть, улучшить судебную деятельность в целом.

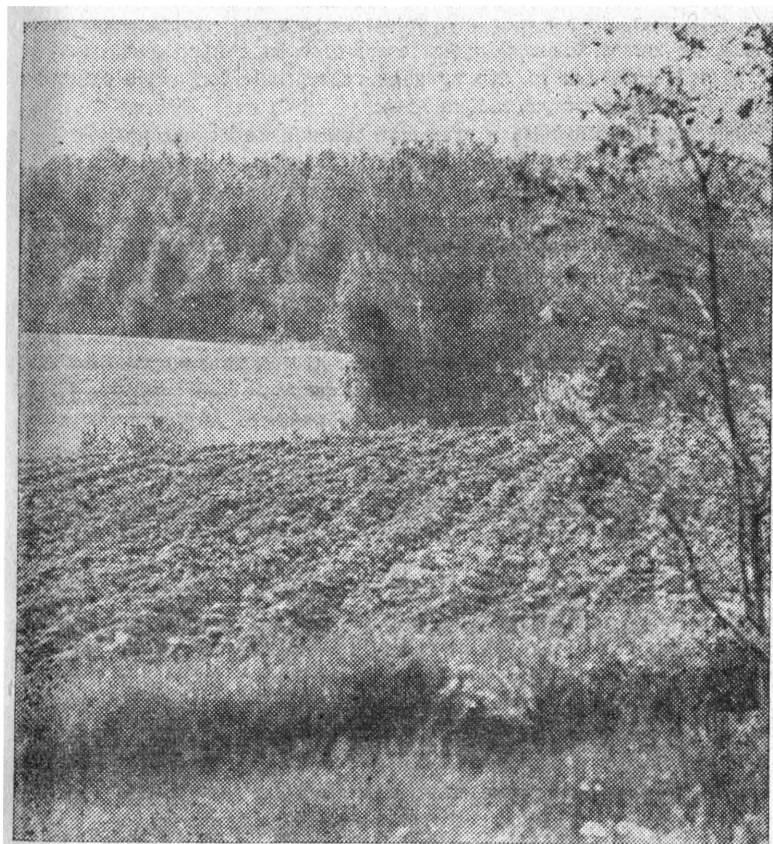

Ю. ЛЯПУНОВ,
доктор юридических наук

ПРАВОВАЯ ОХРАНА

Природа — бесценное общечеловеческое благо. С незапамятных времен люди используют ее сообразно своим потребностям, интересам и целям. Человек, будучи сам частичкой того бесконечно многообразного материально-объективного целого, что и составляет природу в марксистском понима-

ПРИРОДЫ В СССР

нии, находится внутри нее и в силу этого оказывается неразрывно связанным и во многом зависимым от внешней среды своего обитания.

Подчеркивая основополагающую идею о единстве и целостности природы, К. Маркс писал: «Человек живет природой. Это значит,

что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы».

Специфика взаимосвязи и взаимоотношений человека с природой состоит в том, что человек как существо разумное способен в меру своего развития и достигнутого уровня знаний рационально регулировать и контролировать обмен веществ между собой и природой. Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что власть людей над природой не абсолютна. Она ограничена строго определенными рамками. Люди властвуют над природой лишь в той мере, в какой они познали ее законы, поставили их себе на службу и рационально используют для достижения практических целей. Природа мстит тем, кто бездумно расточает ее ресурсы, руководствуясь подчас только целями сегодняшнего дня, без достаточно глубокого изучения и учета тех отрицательных последствий, которые могут наступить в ближайшем или отдаленном будущем. Человечество на протяжении многовековой истории своего развития не раз проявляло варварское, узкокорыстное, бездумное отношение к природе, отношение, лишенное осознания того простого факта, что сам человек с биологической точки зрения часть природы и что, разрушая среду своего существования, он тем самым подрывает условия собственной жизни. Указывая на последствия иррационального, анархического отношения общества к природе, К. Маркс с горечью отмечал, что культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню.

Именно такую «культуру» несет с собой общество, основанное на капиталистических отношениях, в котором, по выражению английского философа Гоббса, ведется «война всех против всех» и которое беспощадно разграбляет природу, даже если это чревато тяжкими последствиями в самом ближайшем будущем. Класс имущих, движимый узкоэгоистическими целями безудержной наживы, не считаясь ни с чем, грубо нарушает сложившиеся в природе экологические связи и системы регуляции, что ощутимо подрывает естественную материальную основу существования человеческого общества.

На эти разрушительные тенденции во взаимоотношениях человека-стяжателя с природой указывал еще в 1820 году, на заре развития капиталистических производственных отношений, Ж. Ламарк: «Человек, ослепленный эгоизмом... вследствие беззаботного отношения к будущему и равнодушия к себе подобным, он сам как бы

способствует уничтожению средств самосохранения и тем самым истреблению своего вида. Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар не пригодным для обитания».

Реальная возможность осуществлять взаимоотношения человека с природой на подлинно научных и гуманистических основах появляется только в условиях социалистического общества. Именно общественные отношения социализма, на что указывали классики марксизма-ленинизма, создают наилучшие возможности для установления оптимального взаимодействия общества с природной средой, являются той социальной базой, на которой только и можно в плановом порядке рационально использовать естественные ресурсы, сохраняя при этом экологическое равновесие в окружающей среде.

Советское государство ярко продемонстрировало всему миру принципиально новый подход социалистического общества к охране и преобразованию природы.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев говорил: «Использовать природу можно по-разному. Можно — и история мелочества знает тому немало примеров — оставлять за собой бесплодные, безжизненные, враждебные человеку пространства. Но можно и нужно, товарищи, облагораживать природу, помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы. Есть такое простое, известное всем выражение «цветущий край». Так называют земли, где знания, опыт людей, их привязанность, их любовь к природе поистине творят чудеса. Это наш, социалистический путь».

В СССР бережное отношение к природе и рациональное природопользование рассматриваются как дело всего народа, как составная часть программы строительства коммунизма.

В постановлении Верховного Совета СССР от 20 сентября 1972 года «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов» сформулированы и законодательно закреплены три принципиально важных положения:

— охрана природы в современных условиях — одна из важнейших общегосударственных задач, от решения которой зависит успешное выполнение народнохозяйственных планов, благосостояние нынешнего и будущих поколений;

— незыблемую основу организации наиболее правильного использования природных богатств, эффективной охраны природы составляет в СССР социалистическая государственная собственность на землю, ее недра, воды, леса;

— рациональное использование, сохранение и воспроизводство природных ресурсов, бережное отношение к природе — составная часть программы строительства коммунизма.

В нашей стране охрана природы по своему социальному и экономическому значению поднимается до уровня одной из основных функций социалистического государства. Мероприятия по охране природы и рациональному использованию естественных ресурсов включаются в виде самостоятельного раздела в ежегодные государственные планы развития народного хозяйства СССР и тем самым приобретают значение закона для всех органов государственной власти и управления.

Основное и главное направление в охране природы — это рациональное природопользование, которое ведет к воспроизводству и увеличению экономически важных возобновимых природных богатств, к сохранению равновесия в окружающей внешней среде. Для этого Советское государство проводит в плановом порядке различные организационно-хозяйственные и идейно-воспитательные мероприятия. Однако немаловажное значение сейчас имеет и охрана природы специальными правовыми методами и средствами.

Советское законодательство располагает широкой системой природоохранительных норм. В зависимости от характера общественной опасности правонарушений в области охраны природы действующее советское законодательство предусматривает три вида юридической ответственности: гражданско-правовую, административную и уголовную.

Гражданско-правовая ответственность заключается во взыскании с виновного денежной суммы в возмещение ущерба, причиненного нарушением законодательства об охране природы. Размер сумм, подлежащих взысканию в возмещение причиненного правонарушением ущерба, как правило, определяется на основании специальных такс. Например, за ущерб, причиненный рыбному хозяйству, в соответствии с указанными таксами, с виновных лиц за каждую незаконно выловленную белугу и калугу (независимо от веса и размера) взыскивается 400 рублей, за осетра, севрюгу, лопатоноса и гибриды осетровых рыб — 100 рублей, за белорыбицу, лосося, семгу, нельму — 75 рублей, за тайменя, иссык-кульскую форель, кету, кижуча, нерку, симу, горбушу, муксуна, чира — 30 рублей и так далее.

К ценным видам рыб законодательство относит также судака, карпа, леща, кефаль, миногу, тарань, воблу, повсеместно запрещая продажу их частными лицами на рынках. Постановлением Совета Министров СССР утверждены и таксы для исчисления взыскания

за ущерб, причиненный незаконной добычей водных млекопитающих. Так, за неправомерную добычу калана с виновного взыскивается 1000 рублей, моржа — 900 рублей, морского котика — 600 рублей, сивуча, тюленя-монаха, белухи — 500 рублей, каспийского тюленя и дельфина — 100 рублей.

Размер сумм, подлежащих взысканию в возмещение ущерба охотничьему хозяйству, определяется на основании специальной шкалы гражданских исков (в Российской Федерации она утверждена Главным управлением охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР). Согласно этой шкале за одного незаконно добытого зубра или тигра взыскивается, например, 1000 рублей, горала — 600 рублей, лося, марала, изюбра, европейского, кавказского и пятнистого оленя — 500 рублей, снежного барана, сибирского козерога, тура — 400 рублей, косулю, сайгака, кабаргу, кабана — 150 рублей и так далее.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение законодательства об охране природы оказывает общее и специальное предупредительное воздействие на виновных лиц, существенно затрагивая их имущественные интересы. Один из народных судов Иркутской области по иску охотинспекции взыскал с гражданина Гришкина 1622 рубля за незаконную добычу и утайку от сдачи государству шкурок 2 соболей и 73 белок.

Необходимо отметить, что незаконно добытые звери, птица, рыба и тому подобное подлежат изъятию у нарушителя и реализуются в установленном порядке. Вырученные денежные суммы зачету в возмещение причиненного материального вреда не подлежат. Если же добытое в результате незаконного промысла по каким-либо причинам не могло быть изъято у нарушителя (например, было продано другим лицам), его стоимость по установленным розничным ценам также взыскивается с него как неосновательно приобретенное.

Административная ответственность согласно законодательству применяется за проступки, нарушающие интересы рационального использования почти всех основных видов природных богатств. Среди них наиболее экономически ценный объект — земля. Административно-правовая охрана земель осуществляется на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 мая 1970 года «Об административной ответственности за нарушение земельного законодательства», который предусматривает наказания за следующие нарушения: порчу сельскохозяйственных и иных земель, загрязнение их производственными и другими отходами и сточными водами; бесхозяйственное использование земель, невыполнение обязательных мероприятий по их улучшению и охране почв от ветровой и водной

эрозии; использование земельных участков не в соответствии с теми целями, для которых они предоставлены.

Должностные лица, виновные в совершении этих правонарушений, подвергаются штрафу в размере до 100 рублей. За менее опасные проступки: несвоевременный возврат временно занимаемых земель, невыполнение обязанностей по приведению их в состояние, пригодное для использования по назначению, отступление без надлежащего разрешения от утвержденных в установленном порядке проектов внутрихозяйственного землеустройства — предусматривается штраф до 50 рублей.

Административно-правовая охрана лесов осуществляется главным образом на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 июня 1971 года «Об усилении административной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности в лесах», который устанавливает, что должностные лица, виновные в нарушении противопожарных правил в лесах, подвергаются штрафу до 50 рублей, а граждане — до 10 рублей. Если, однако, указанные противоправные действия повлекли за собой возникновение либо распространение лесного пожара на значительной площади и при этом содеянное не может признаваться в соответствии с уголовным законодательством преступлением, сумма штрафа, налагаемого в административном порядке, увеличивается для должностных лиц до 100 рублей и граждан — до 50 рублей.

Водные ресурсы, как и земля, составляют в СССР государственную собственность и находятся под охраной закона. Статья 46 Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик устанавливает, что лица, виновные в загрязнении и засорении вод, в самовольном захвате водных объектов или самовольном водопользовании, в бесхозяйственном использовании воды и некоторых других нарушениях правил охраны и использования водных ресурсов, несут административную ответственность. В Российской Федерации должностные лица за указанные правонарушения подвергаются штрафу до 50 рублей, а граждане — до 10 рублей. (Подробно об административной ответственности за нарушение правил охраны природы говорится в статье Н. Гориславского в № 4 за 1976 год).

Наиболее строгие меры ответственности за нарушение правил охраны природы предусмотрены **уголовным законодательством**.

Характеризуя нормы уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за нарушение правил охраны природы, нельзя не указать на две основные тенденции. Это, во-первых, усиление в последние годы ответственности за некоторые преступления (например, за незаконную охоту, за загрязнение водоемов и возду-

ха) и, во-вторых, отнесение к числу уголовно наказуемых таких общественно опасных действий, которые ранее не признавались преступлением, в частности нарушение законодательства о континентальном шельфе СССР, продажа, скупка, обмен шкурок пушных зверей, загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей и для живых ресурсов моря. При этом очень важно отметить, что Советское государство, руководствуясь благородными и гуманными целями охраны природной среды, впервые в истории мировой законодательной практики берет под правовую охрану международные естественные ресурсы — воды мирового океана (открытого моря) и обитающие в них живые организмы.

Данные судебной статистики показывают, что наиболее распространенные и в силу этого наиболее опасные преступления, грубо нарушающие законодательство об охране природы, — незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами, незаконная охота и незаконная порубка леса. На их характеристике и остановимся.

Незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами — преступление, предусмотренное статьей 163 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик (в дальнейшем при ссылках на статьи УК РСФСР имеются в виду и сходные нормы уголовного законодательства других союзных республик).

Это преступление выражается в производстве рыбного, звериного и других водных добывающих промыслов без надлежащего разрешения, либо в запретное время, либо в недозволенных местах или недозволенными орудиями, способами и приемами.

Под промыслом, о котором говорится в статье 163 УК РСФСР, следует понимать сам процесс добычи, связанный с установкой сетей, капканов, ловушек и тому подобных устройств, с уловом или убоем рыб или водных животных (моржей, сивучей, белух, тюленей, хохлячек, нерп, морских зайцев, дельфинов). Следовательно, вопреки широко распространенному мнению, не основанному на законе, и единичный факт исправомерного производства водного добывающего промысла при наличии признаков, указанных в статье 163 УК РСФСР, может признаваться преступлением (даже и в том случае, когда браконьеру фактически еще не удалось добыть рыбу или водное животное).

Судебная практика показывает, что статья 163 УК РСФСР применяется в тех случаях, когда, например, незаконный лов рыбы и водных животных отдельные граждане производят с использованием промысловых орудий (сетей, неводов, тралов и так далее), недозво-

ленными способами и приемами, с применением электротока, взрывчатых и отравляющих веществ.

Незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами (статья 163 УК РСФСР) наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до ста рублей с конфискацией добытого, орудий лова и плавучих средств с их принадлежностями или без конфискации. Те же действия, если они совершены повторно или сопряжены с уловом или убоем ценных пород рыб или водных животных либо причинили крупный ущерб рыбному хозяйству, наказываются лишением свободы на срок до четырех лет с конфискацией имущества или без таковой.

Незаконная охота, то есть без надлежащего разрешения или в запрещенных местах, либо в запрещенные сроки, запрещенными орудиями и способами признается преступлением, если эти действия совершены лицом, к которому ранее применялась мера административного воздействия за такое же нарушение.

Согласно части 1 статьи 166 УК РСФСР незаконная охота наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до двухсот рублей с конфискацией добытого, ружей и других орудий охоты или без таковой.

В части 2 статьи 166 УК РСФСР предусмотрена ответственность за охоту на зверей и птиц, охотиться на которых полностью запрещено, или причинившую крупный ущерб, а также охоту на территории государственного заповедника либо с применением автотранспортных средств. Наказывается это преступление лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией добытого, ружей и других орудий охоты или без таковой. В качестве орудий охоты могут признаваться автотранспортные средства (легковые автомобили, мотоциклы, мотороллеры), принадлежащие отдельным гражданам на праве личной собственности, которые в этом случае могут быть конфискованы на основании приговора суда. Важно подчеркнуть, что наказание по части 2 статьи 166 УК применяется независимо от предшествующего наказания правонарушителя в административном порядке.

Незаконная порубка леса (статья 169 УК РСФСР) признается преступлением, когда она совершена в особо охраняемых лесах первой группы — полезащитных, почвозащитных, берегозащитных лесах, в государственных заповедниках, курортных лесах, лесопарках, лесах зеленой зоны вокруг городов и промышленных предприятий, если ущерб превышает 100 рублей; в остальных лесах, от-

носящихся к первой группе, если ущерб превышает 200 рублей; в других лесах, если ущерб превышает 300 рублей, а также повторно в любом из указанных лесов независимо от причиненного ущерба.

Вышперечисленные преступные действия наказываются лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до трехсот рублей с конфискацией незаконно добытого.

Недозволенная порубка леса в каких бы то ни было лесах, совершенная в виде промысла или хотя бы впервые, но причинившая крупный ущерб, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до пятисот рублей с конфискацией незаконно добытого.

Уголовной ответственности за преступные нарушения правил охраны природы подлежат лица, достигшие шестнадцати лет.

Беречь естественные богатства — обязанность не только специальных государственных органов. Это общенародное дело, в котором должен активно участвовать каждый сознательный член общества, помня о том, что прекрасная и щедрая природа нашей великой Родины есть бесценное богатство, достояние всего народа.

Человек должен жить и трудиться на Земле, умножая ее щедрость на благо нынешнего и будущих поколений.

**ПИСЬМА
С КОММЕНТАРИЯМИ
И БЕЗ**

**ОБМЕН МНЕНИЯМИ,
ДИСКУССИИ**

*что сделано по вашим
письмам*

**РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ,
СОВЕТЫ ЛЮДЕЙ ОПЫТНЫХ**

**ВСТРЕЧИ НА ЖУРНАЛЬНЫХ
СТРАНИЦАХ**

**РЕПОРТАЖИ ИЗ
ЗАЛА СУДА**

собеседник

А. ЛАРЬЯНОВСКИЙ,
директор Чарджоуского
суперфосфатного завода
имени В. И. Ленина

НАРУШЕНИЙ СТАЛО МЕНЬШЕ

... После обсуждения на рабочем собрании производственных дел председательствующий поднялся и объявил:

— А теперь поговорим о поведении слесаря С.

По рядам прошло легкое оживление. Сам С. сидел чуть в стороне. От волнения на его лице выступили красные пятна.

Первым попросил слова пожилой рабочий.

— Что я могу сказать об С.? — начал он. — Работаю с ним по соседству и вижу, что человек старается. Какое задание ему ни дадут, выполнит точно в срок.

А вот мнение мастера участка:

— В последние месяцы за С. не замечалось нарушений трудовой дисциплины. Чувствуется, что он дорожит каждой минутой рабочего времени...

Председатель цехового комитета рассказал, что С. активно участвует в общественной жизни коллектива...

У читателя может возникнуть недоумение: для чего же обсуждать человека, коли у него все хорошо? Да еще на общем собрании?

Попытаюсь объяснить. Для этого придется вернуться к событиям, которые происходили примерно за полгода до описываемого собрания. Тогда об С. было совершенно другое мнение. Частенько выпивал, прогуливал. Уговоры на него не действовали. И однажды

произошло то, чего он меньше всего ожидал,— его фотография появилась на доске нарушителей трудовой дисциплины. А должен заметить, что лодыри, пьяницы, прогульщики у нас на заводе этой доски, как огня, боятся. Находится она на территории завода на самом видном месте. А кому приятна такая «популярность»?.. В тот же день С. пришел ко мне, чуть не плачет.

— Как угодно наказывайте, но только с этой доски снимите!

— Нет,— отвечаю.— Не в моей власти. Вашу фотографию может снять общее собрание рабочих и служащих цеха, которое и решило вывесить ее. Но вначале вам следует в корне изменить свое отношение к работе.

И вот полгода спустя, после долгого и тщательного обсуждения, рабочее собрание решило: фотографию С. с доски нарушителей снять. Для него, думается, это обсуждение явилось серьезным уроком на будущее. И для других людей, склонных к нарушениям,— наука.

И еще один, на мой взгляд, очень важный вывод можно сделать из случая со слесарем С. Нередко на различных предприятиях можно слышать сетования по поводу нарушителей трудовой дисциплины. Говорим, дескать, с ними, убеждаем, а они все одно — никак не могут отрешиться от своих дурных привычек. Но ведь все зависит от того, как повести разговор. Если это делается формально, как говорится, для «галочки», то, естественно, никакого проку не будет. Здесь ведь тоже нужен творческий подход. И не всегда в таких случаях следует ограничиваться одним только разговором. Мы, например, у себя на предприятии в воспитательной работе с нарушителями трудовой дисциплины и правопорядка очень большое значение придаем методу убеждения. Для этого используются различные формы: индивидуальные беседы, выступления политинформаторов, стенная печать. В каждом цехе на видных местах вывешены красочно оформленные стенды «Моральный кодекс строителя коммунизма», «Закон рабочей чести». Все это сочетается с непосредственным воспитательным воздействием на каждого нарушителя в отдельности. Метод такого воздействия определяется личностью самого нарушителя, его возрастом, степенью тяжести совершенного им проступка. Рабочий М. дважды являлся на работу в нетрезвом состоянии. Решено было обсудить его поведение в цехе. Каково же было удивление нарушителя, когда среди тех, кто собрался его обсуждать, он увидел.. своих родителей! Да, мы нередко, обсуждая нарушителей трудовой дисциплины, особенно из числа молодежи, приглашаем и членов их семей. Подчас и сами представители завода посещают семьи тех, кто не дорожит рабочей честью. Все это, безусловно, делает воспитательную работу более эффективной.

Большую роль в укреплении трудовой дисциплины и правопорядка играют советы по предупреждению правонарушений, организованные в цехах и отделах. Их работу координирует и направляет совет завода. Разработано специальное положение, где предусмотрены основные формы и методы деятельности этих общественных организаций. Поведение лиц, нарушивших трудовую дисциплину или общественный порядок, обсуждается на заседании цехового совета, затем на общем рабочем собрании, а в случае надобности дело передается в заводской совет, президиум которого принимает окончательное решение. Такая «многоступенчатость» позволяет детально разобраться в истоках того или иного проступка и найти единственно верное по нему решение. Одним из наиболее действенных средств идейно-политического, трудового и нравственного воспитания людей у нас на заводе стало наставничество. Молодые рабочие проходят у старших товарищей школу профессионального становления, получают рабочую закалку, проникаются любовью к выбранному делу. Так мы стремимся выполнять решения XXV съезда КПСС о необходимости улучшать работу по профессиональной подготовке и повышению квалификации кадров. Эта подготовка, естественно, неотделима от повседневного воспитательного процесса.

Группа наставников насчитывает двадцать три человека. Занятия со своими подопечными они проводят по специальным программам, в которых учитываются индивидуальные особенности молодых рабочих, уровень их общеобразовательной подготовки, жизненные интересы. Через определенное время ученики сдают экзамены. В торжественной обстановке происходит их посвящение в рабочие. Каждому присваивается разряд и вручается удостоверение — допуск к самостоятельной работе. Но и после этого наставники поддерживают самую тесную связь с молодыми рабочими, продолжают передавать им секреты своего мастерства, живо интересуются всеми сторонами их жизни. Отмечу такую очень существенную, как мне кажется, подробность. На вечерних и заочных отделениях вузов у нас учится 11 человек, в техникумах — 84, в школах рабочей молодежи — 43 человека. И в этом большая заслуга наставников, которые заботятся о том, чтобы молодежь всемерно повышала свое образование. Почти четверть века работает на заводе начальник электроремонтного цеха С. П. Гарсков. Знающий производственник и опытный руководитель, он проводит большую воспитательную работу в коллективе. Многие молодые рабочие, которым он дал путевку в жизнь, составляют сейчас гордость нашего предприятия.

Так что на собственном опыте мы не раз убеждались, что вовремя данный совет, доброе слово, а подчас и конкретная помощь в той

или иной житейской ситуации оказывают решающее влияние на поведение человека. Оступившись однажды, он уже больше не совершит ошибки.

Ну а к тем, на кого не действуют убеждения, мы принимаем другие, более строгие меры. Об одной из таких мер я рассказал в начале статьи. А вот другой случай...

Однажды в совет завода по предупреждению правонарушений поступили материалы на рабочего В. Работает он на заводе давно. Дело свое знает. А вот с трудовой дисциплиной не в ладах. К нему и так и эдак — ничего не действует. Без уважительной причины совершил несколько прогулов. Как быть? Тут поднялся присутствовавший на совете один из членов заводского комитета и сказал, что сейчас как раз подошла очередь В. на получение квартиры. Задумались мы: а достоин ли В. такого блага? Он пьянствует, нарушает трудовую дисциплину, а завод ему за это — квартиру? Нет, не выйдет! Квартиры должны получать те, кто бережет рабочую честь, честь всего предприятия. По решению совета В. из первоочередников на получение жилья был передвинут в самый конец списка. Очень справедливое решение!

Злостных нарушителей трудовой дисциплины и общественного порядка мы нередко наказываем «рублем». Они переводятся на нижеоплачиваемую работу, лишаются премий (все это делается, разумеется, с соблюдением трудового законодательства). Или, скажем, распределяются путевки в дома отдыха, на санаторно-курортное лечение. В первую очередь мы путевки, естественно, выдаем нуждающимся в отдыхе и лечении передовикам производства. Нарушители же не могут рассчитывать на такое внимание. Следует подчеркнуть, что в перевоспитании нарушителей кровно заинтересован каждый цех, каждая смена, каждая бригада. Дело в том, что при подведении итогов социалистического соревнования учитываются не только производственные показатели, но и состояние трудовой дисциплины, наличие или отсутствие нарушений общественного порядка. Это заставляет коллективы с большей требовательностью относиться к нарушителям, строго взыскивать с них за проступки. Цеховые советы и президиум заводского совета по предупреждению правонарушений периодически заслушивают на своих заседаниях отчеты руководителей цехов, отделов и служб завода о проводимой работе по укреплению трудовой дисциплины и искоренению аморальных проявлений.

Воспитательная работа ведется не только на территории завода, но и за его пределами. Мы стараемся создать все условия для культурного и полезного досуга рабочих и служащих, особенно молодежи. Человек вышел за ворота проходной. Куда пойти? Его приглашает

молодежный клуб «Эврика» при нашем Дворце культуры. Или — охотно примет любой из кружков художественной самодеятельности. Он может пойти в заводской спортивный зал, один из крупнейших в городе, где в его распоряжении шесть спортивных секций. Побывать в кинолектории правовых знаний. Пойти в молодежное общежитие, где постоянно устраиваются интересные вечера. Недавно там, например, была проведена интересная беседа на тему «Встречи с совестью» и диспут «Интересно ли ты живешь?».

Правильно организованный досуг рабочих и служащих не оставляет места для пьянства и правонарушений, способствует развитию в них высоких нравственных чувств. Не случайно за последние два года среди нашей заводской молодежи не было ни одного случая серьезных правонарушений. А это значит, что здоровее стал нравственный климат в цехах, отделах, службах. Соответственно растут и производственные показатели. Например, задание минувшей пятилетки по производительности труда мы перекрыли почти в два с половиной раза. Труженики полей получили от нас сотни тысяч тонн очень нужной им продукции. А темпы производства продолжают расти. Верным подспорьем в этом нам служит закон, к которому мы обращаемся при решении всех вопросов повседневной жизни. Особенно если дело касается укрепления трудовой и производственной дисциплины, что, как указывается в материалах XXV съезда КПСС, является одной из насущных задач коллективов предприятий.

**ПИСЬМО
с комментарием**

„Я жду ребенка..“

Дорогая редакция!

Пишу вам в надежде, что вы отнесетесь ко мне справедливо и объективно. Оказавшись в сложной ситуации, я решила обратиться к вам за юридической помощью.

Весной прошлого года я познакомилась с Александром В. Он проявил ко мне внимание, и я ответила взаимностью. Мне казалось, что я встретила нужного человека. Мы решили создать семью. Жить и работать хотели в Норильске. Ждали оттуда вызова. И вот первого августа пришел вызов, но мы в Норильск не поехали, потому что к Александру В. приехала его законная жена — студентка Пермского университета. Тут я поняла, что он просто играл моими чувствами. С момента приезда жены Александр стал меня избегать. Сейчас я жду ребенка. Сначала Александр обещал выплачивать на ребенка 25 процентов заработка. Недавно напомнила ему о его обязанностях и попросила кое-что купить к рождению ребенка, но он категорически отказался и теперь утверждает, что ребенок не его. Мало того, написал в милицию, учреждение, где я работаю, и в народный суд, чтобы меня наказали за клевету. В милиции меня упрекнули за то, что я вступила в серьезные отношения с женатым человеком. Но я ранее об этом не знала. Александр скрывал свой брак. К тому же я его любила. На работе разбирать мои поступки не стали, даже проявили чуткость: дели квартиру вне очереди. А суд отложил рассмотрение дела до рождения ребенка. Но Александр В. этим не удовлетворился. Всем знакомым говорит, что я интриганка, шантажистка, готовая ради денег на любую низость. Но меня гнетут вовсе не материальные затруднения, трудно смириться с обманом и подлостью. Как устоять против его лжи и неза-

служенных обвинений? Как установить отцовство и как затем долгие годы растить ребенка без отца?

Из-за этих переживаний я на год отложила защиту диплома (зачто кончаю институт). Жила спокойно, а сейчас нечистоплотность поведения Александра В. выбила меня из колеи. Не хочу верить, что наши законы бессильны против таких подлецов. Но все же так мне не понятно: почему закон все тяжкие последствия наших отношений взвалил на одну меня, на слабые плечи женщины, а сильный мужчина остался в стороне? Ведь с него как с гуся вода.

ЛИДИЯ К.,
ПЕРМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Ногда люди оказываются в сложной жизненной ситуации, то непременно вспоминают о законе, хотят на него опереться, заручиться его поддержкой. Это, конечно, естественное стремление. Ведь для того он издается, чтобы защищать права и законные интересы граждан. Но почему-то вспоминают об этом, когда уже дело сделано и исправить положение либо трудно, либо невозможно. Гораздо разумнее обращаться к закону заблаговременно, перед серьезным шагом в жизни. Тогда закон мог бы оградить человека от обмана, предостеречь его от неверного поступка, поспешного решения. В частности, брачно-семейное законодательство считает регистрацию брака обязательным условием создания семьи. Потому-то добрачная

связь несовместима и с нормами закона, и с нормами нравственности. И если бы Лидия К. соблюдала эти требования закона и нашей морали, то не оказалась бы в таком затруднительном положении. Дело в том, что у нас брак не регистрируется, если вступающие в него лица (или хотя бы одно из них) состоят уже в другом браке. А если человек скрывает это обстоятельство, то он может быть привлечен к уголовной ответственности. Стало быть, при регистрации брака человек в какой-то степени гарантирован от подобного обмана.

Какие же требования закон предъявляет к вступающим в брак? Может быть, слишком высокие? И может быть, заключение брака очень сложная и обременительная проце-

дура, заставляющая людей искать обходные пути? Ничего подобного. Для регистрации необходимы всего лишь два условия: наступление брачного возраста и взаимное согласие лиц, вступающих в брак. Что касается возраста, то в большинстве союзных республик вступление в брак допускается, как правило, с 18 лет. Под взаимным же согласием закон имеет в виду свободное волеизъявление, то есть заключение брака на основе обоюдного согласия, без насилия, угроз и иного воздействия на психику невесты либо жениха или их обоих. И еще. Добровольный брачный союз, требует закон, должен быть свободен от всяких корыстных расчетов и основан только на чувствах взаимной любви и дружбы. И если семья создавалась именно таким образом, то она будет счастливой и долговечной. Как раз эту цель и преследует закон. Таким образом, заключение брака, хотя и не обременительная процедура, но весьма серьезное событие в жизни человека. И перед этим событием, ой, как полезно все взвесить, все обдумать и проверить свои чувства. Важно убедиться, что именно данный человек, а не кто-то другой, может стать твоим супругом, другом на всю жизнь. Здесь имеют значение и единство интересов, и общность взглядов, и харак-

теры людей... Трудно обо всем сказать. Иногда противоположные характеры и взгляды людей дополняют друг друга, и это служит основой для их взаимной дружбы. Но одно для всех, пожалуй, применимо: поспешные поступки, необдуманные решения здесь недопустимы. Весьма желательно было бы в этих случаях выслушать мнение родителей.

Лидия К. пишет, что познакомилась с Александром В. весной, а в августе она уже знала, что у нее будет ребенок. Комментарии тут излишни: очень скоро жизнь развеяла иллюзию семьи и предъявила суровый счет за ошибку.

Некоторые скажут: на наших глазах люди женятся, сходятся вроде бы по любви, брак регистрируют, а потом разлетаются в разные стороны. И закон не помогает сохранить семью. Бывает же так? Да. Но здесь виноваты сами люди. Если они, скажем, не смогли сберечь взаимную дружбу, светлые чувства друг к другу и их отношения слишком обострились, то, вполне понятно, никто не способен вернуть им прежнее взаимное расположение. И закон не может заставить разлюбившего супруга изменить свое чувство. Заметим кстати, что обширная сфера эмоциональных людских отношений не регулируется правовыми нормами. Исходя из

этого, отдельные лица, особенно среди молодежи, скептически смотрят на регистрацию брака: обойдемся, дескать, без росписи. Неужели, мол, отношения людей, основанные на взаимной любви, дружбе и согласии, нуждаются в каких-то юридических «подпорках»? И разве эти «подпорки» могут приумножить счастье двух любящих людей? А если люди разлюбили друг друга, то и закон бессилён удержать их.

Действительно, удержать их, как было уже сказано, закон не может. Но он играет существенную предупредительную роль. Заметим сначала: почему теряется у супруга чувство, если брак заключался по любви? Чаще всего виной тому неправильное поведение второго супруга: пьянство, обман, грубость, опошление отношений и так далее. Здесь-то и проявляются возможности закона. Требуя от супругов высоконравственного поведения в семье, нормы брачно-семейного законодательства тем самым способствуют развитию положительных эмоций во взаимоотношениях членов семьи. Помимо этого, правовые нормы возлагают на супругов ответственность за сохранение и укрепление семьи. Таким образом, закон охраняет семью и способствует утверждению в ней здоровых, нравственных отношений.

Но может возникнуть вопрос: закон-то спрашивает с супругов строго, ну, а как насчет прав? Хомут наденешь, а льгот, может, никаких?

Регистрация, являясь доказательством возникновения брака, сказано в законе, достигает цели охраны личных и имущественных прав супругов и их детей. Для примера приведем статью 25 Кодекса о браке и семье РСФСР. Статья предусматривает: супруги должны материально поддерживать друг друга. При отказе в такой поддержке нуждающийся в материальной помощи нетрудоспособный супруг имеет право по суду взыскать алименты с другого супруга, если последний в состоянии оказать помощь. Право нуждающегося нетрудоспособного супруга сохраняется и после расторжения брака, если он стал нетрудоспособным до расторжения брака или в течение одного года после расторжения брака.

В случае же смерти супруга другой супруг имеет право на государственную пенсию в связи с потерей кормильца, если он достиг пенсионного возраста, либо нетрудоспособен, либо, независимо от возраста и трудоспособности, занят уходом за детьми. Особо закон охраняет интересы матери. Характерна в этом отношении статья 31 того же кодекса. Она запрещает мужу во время

беременности жены и в течение года после рождения ребенка без ее согласия возбуждать дело о расторжении брака.

Видите, какое существенное различие в правах между людьми, состоящими в браке, и лицами, живущими совместной жизнью без регистрации брака! И это потому, что у нас только зарегистрированный брак порождает правовые последствия. А если «семья» образовалась без регистрации, то всякие последствия такого «брака» она переносит, как говорится, на свой страх и риск.

Выходит, что люди, создавая семью без регистрации своих отношений, совершенно неоправданно лишают себя возможности пользоваться теми правами и преимуществами, которые предоставлены супругам, вступившим в брак.

Лидия К., прочитав эти строки, возможно, попрскнет: теперь-то, мол, я и сама все поняла, близок локоть, да не укусишь. Поздно меня учить: старого не вернешь. Хотела услышать от вас ободряющее слово, дельный совет, что мне сейчас делать, а не как надо было бы поступить...

К сожалению, такой разговор необходим хотя бы потому, чтобы другие, не осведомленные в праве, имели представление о некоторых важных

нормах брачно-семейного законодательства и извлекли для себя что-нибудь из этой, в общем-то, поучительной истории.

А теперь поговорим о случившемся, о том, что следует предпринять Лидии К., чтобы по возможности сгладить те суровые последствия, которые наступили для нее и которые ожидают ее в будущем. Прямо скажем, что внебрачное рождение ребенка связано с отдельными неблагоприятными моментами. Прежде всего возникает трудность при регистрации ребенка: кто его отец?

Происхождение ребенка от родителей, состоящих в браке, удостоверяется записью родителей о браке. Происхождение же ребенка от родителей, не состоящих в браке, удостоверяется путем подачи отцом и матерью совместного заявления в органы записи актов гражданского состояния. А если отец ребенка не хочет подавать такое заявление? Как тут быть? Установление отцовства тогда решается в судебном порядке.

Суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком (предполагаемым отцом) до рождения ребенка. И вовсе не обязательно, чтобы совместное проживание продолжалось до самого рождения ребенка. Достаточно и того, что родители

проживали совместно и вели общее хозяйство какое-то время, в момент зачатия ребенка. Что здесь важно? Не проживание в одном жилом помещении, а совместное питание, обоюдные материальные затраты на приобретение вещей друг для друга, имущества для общего пользования и тому подобное.

Но если родители совместно не проживали? Суд может учесть совместное воспитание либо содержание ребенка. А если и этого не было, как случилось у Лидии с Александром? Суд в таком случае рассматривает доказательства, с достоверностью подтверждающие факт признания ответчиком отцовства, причем независимо от времени: как в период беременности матери, так и после рождения ребенка. Подтверждением тому могут служить объяснения сторон, письменные и вещественные доказательства, показания свидетелей и заключения экспертов.

При установлении отцовства в законном порядке ребенок полностью приравнивается в правах к детям родителей, состоящих в браке. То есть он вправе, как и они, получать с отца алименты, наследовать его имущество, пользоваться пенсией в случае потери кормильца и так далее. Кстати, одновременно с иском об уста-

новлении отцовства суд может рассмотреть и заявление о взыскании с отца алиментов.

Но допустим, что отцовство в суде не было установлено. Какими же правами пользуется мать ребенка? По закону запись об отце ребенка в книге записей рождений производится по фамилии матери, а имя и отчество отца записываются по ее указанию. Далее. За мать ребенка, отец которого не установлен в предусмотренном законом порядке, сохраняется право на получение пособия, выплачиваемого одиноким матерям. Мать может отдать ребенка на воспитание и содержание в детское учреждение полностью за счет государства. Однако далеко не каждая мать согласится на такое. Воспитание ребенка дает женщине ни с чем не сравнимую радость. Поэтому-то большинство одиноких матерей воспитывают детей самостоятельно. И надо заметить, что у нас интересы матери и ребенка строго охраняются. Советское законодательство предоставило матерям ряд льгот и преимуществ, о чем неоднократно публиковались материалы на страницах нашего журнала.

Однако, несмотря на большую заботу, которую проявляет государство к матерям, в том числе и одиноким, воспитывать ребенка без отца не

так-то просто. И дело здесь не только в материальном обеспечении, хотя это со счетов тоже сбрасывать нельзя. Важнее другое — чтобы ребенок постоянно чувствовал рядом отца, его заботу, поддержку, твердое плечо близкого ему человека. Отец может ободрить и приласкать по-мужски, наставить и строго спросить... Да мало ли что может хороший, настоящий отец!

И все-таки одинокие матери способны воспитать детей, хотя им и бывает тяжело.

И конечно, легче дышится, спокойнее на душе, когда одинокую мать окружает здоровая обстановка, когда ее не преследуют на каждом шагу людские пересуды и не травмирует отец ребенка. Случается, когда какой-нибудь горе-отец из-за мелких обид, затаив на бывшую жену злобу, начинает мстить ей, вероломно обрушивать на нее поток нелепых упреков и лживых обвинений, не считаясь с тем, что она была и остается матерью его ребенка. Даже среди молодых людей, несостоявшихся женихов, встречаются подобные. Напакостив, и — в кусты, они клеветают на других, пытаются свалить вину с больной головы на здоровую.

Судя по письму Лидии К., Александр В., состоя в браке, встречался с ней, обманывал общаниями жениться. А потом оставил «любимую» в беде да еще начал порочить ее честь и достоинство. Такое поведение молодого человека несовместимо с нормами нравственности и в нашем обществе строго осуждается.

А по закону он может быть обязан выплачивать алименты, воспитывать ребенка, если будет признан его отцом. При совершении уголовно наказуемого деяния (оскорбление, клевета и тому подобное) виновный может быть привлечен и к уголовной ответственности. Так что наши законы не бессильны против таких вот лиц.

В заключение хочется обратить внимание на то, что на плечи женщины возложена основная тяжесть, связанная с рождением ребенка, уходом за ним и воспитанием. И надо еще иметь в виду, что новую семью женщине с ребенком создать не просто, потому что исходят при этом не только из личного счастья, а и из интересов ребенка — лучше ли ему будет с отчимом. Высокое назначение Матери обязывает беречь свою честь, гордость и женское достоинство.

В. ТОНКИХ

Прочитав статью писателя Анатолия Алексина «Растить гражданина», я невольно вспомнил происшедший у меня однажды разговор с Людмилой Б. У этой женщины очень трудная судьба. Перенесла ленинградскую блокаду. Рано начала самостоятельную жизнь. Окончив ремесленное училище, поступила на завод. Образовалась семья. Родился сын Боря. Вот о нем-то и шла речь. С некоторой гордостью Людмила сказала:

— Коли мне довелось испытать столько трудностей и невзгод, то пусть хоть он будет избавлен от этого. И я сделаю все, чтобы его жизнь была счастливее!

**растить
гражданина**

„ХОЧЕШЬ ЧАСЫ — ПОЖАЛУЙСТА!“

Но счастье своего ребенка она видела лишь в одном: не ограничивать его ни в каких требованиях. Захотел Боря в тринадцать лет иметь часы — пожалуйста! Пожелал к окончанию седьмого класса носить самые модные туфли — незамедлительно сшили на заказ. Что ни просил сын — все исполнялось. А потребности его с годами все росли. Не только в самом необходимом, но и в том, без чего он легко мог бы обойтись. Подросток ни разу даже не задумался, что все это матери достается нелегким трудом на заводе. Мать ему туфли модные сшила, а собственные старенькие в который раз отнесла в починку и продолжает их бессменно носить год за годом. Для него до-

рогую «дубленку» приобрела, а у самой пальто давно замены требует, да все никак не соберется с деньгами. Сразу после школы сын, вознамерился жениться. И женился. Вскоре родился ребенок. И опять основная часть расходов по содержанию молодой семьи легла на мать.

А правильно ли все это? Не допустила ли Людмила Б. ошибки, старательно оберегая сына от всех житейских трудностей? Конечно, каждая мать, каждый отец должны воспитывать детей, материально содержать их. Так записано в законе. Но подчас некоторые родители понимают это весьма своеобразно: воспитывать сына или дочь — значит потакать всем их желаниям. Дескать, пусть маленький человек не знает излишних забот. А почему, собственно, его искусственно от этого ограждать? Напротив, ребенок, на мой взгляд, должен обязательно знать, как достается трудовая копейка. Это заставит его с уважением относиться к труду родителей и в конечном счете, что тоже немаловажно, самого подготовит к самостоятельности в будущем. А то ведь как получилось с сыном Людмилы Б.? Рос на иждивении матери. Иждивенцем остался и после того, как стал взрослым. И виноват в этом не столько он сам, сколько мать, стремившаяся сделать все, «чтобы его жизнь была счастливее».

А результат? Человек, привыкший к постоянной опеке, просто теряется, когда приходит пора делать самостоятельные шаги. Трудности кажутся ему непреодолимыми. Особенно это заметно, когда он начинает проходить армейскую службу. Так, например, случилось с Василием П. Строгая армейская дисциплина ему в тягость. На занятиях он в числе отстающих. Коллективизм, взаимовыручка — для него понятия малознакомые. Откуда это? Все выяснилось после того, как однажды в часть приехали его родители. В разговоре со мной они сказали буквально следующее:

— Он у нас в семье единственный ребенок, мы никогда ему ни в чем не отказывали. К нему нужен особый подход. Так что вы уж будьте к нему понисходительней.

И очень удивились, когда я сказал им, что их сыну не спсиходичность нужна, а, наоборот, строгая требовательность. Нужно развивать в нем волю, настойчивость в достижении цели. Без этих качеств ему будет трудно жить.

Мне по роду службы приходится каждый день наблюдать и оценивать плоды родительского воспитания вчерашних школьников, а ныне солдат Советской Армии. Иногда, как в приведенном случае, они огорчают, но гораздо чаще — радуют. Есть у нас в подразделении солдат Виктор Джуган. У парня короткая биография, но в ней уже есть интересные страницы. После школы пошел работать комбай-

нером. Узнал, как говорится, цену хлебу насущному. А о том, как он трудился, мы узнали совершенно неожиданно. Вдруг на имя командования из колхоза «Рассвет» Крымской области приходит небольшая посылка. В ней — именные часы. И записка: «Просим вручить эту награду проходящему у вас службу Виктору Джугану за его успехи в социалистическом соревновании на уборке урожая». Вот он, оказывается, каков — этот скромный трудолюбивый паренек! Впрочем, он уже и у нас успел отличиться. Удостоен звания «Отличник Советской Армии». За высокие показатели в боевой и политической подготовке сфотографирован у боевого Красного знамени нашей части. Можно с полной уверенностью сказать, что человек получил хорошую трудовую закалку, которая пригодится ему в жизни. И большая заслуга в этом принадлежит его родителям, сумевшим приучить сына к самостоятельности, к труду на благо общества.

Воспитание ребенка — процесс трудный. Здесь нельзя предлагать какие-то готовые рецепты. Но одно можно сказать определенно: не нужно из него растить потребителя. Не следует потакать каждому капризу маленького человека, который только начинает жить. От этого он не будет счастлив. Более того, излишняя заботливость, какую проявляет, например, Людмила Б., обортывается чаще всего житейской неспособностью, неумением жить полноценной настоящей жизнью.

В. РОМАНКО,
военнослужащий,
заместитель секретаря
первичной партийной
организации подразделения

Обсуждаем письмо „Как мне жить?“

НЕЛЬЗЯ ТЕРЯТЬ ВЕРУ В СЕБЯ!

Когда человек в восемнадцать лет спрашивает: «Как мне жить?» — это, на мой взгляд, совершенно закономерно. В таком возрасте поиски, сомнения и даже ошибки вполне возможны. Найти свое место в жизни, дело, которое наиболее полно отвечает твоим интересам, — очень важная и серьезная задача. Но в письме Эльвиры С. меня поразило одно. отчаяние, с которым она задала свой вопрос, словно девушка оказалась в каком-то тупике, из которого нет выхода. В восемнадцать-то лет! Да ни за что я в это не поверю!

В нашем обществе каждому человеку предоставлены все возможности для проявления своих сил и способностей. Законом нам обеспечено право на труд. Кругом только и видишь объявления: требуются слесари, токари и работники других профессий. Нравится жить и работать в сельской местности — там и подавно нужны рабочие руки. Так что совершенно непонятны сетования Эльвиры С., которая мечтала получить одну профессию, а работает в совершенно другой области. Коли есть мечта — значит, за нее надо бороться. Ради этого даже можно чем-то поступиться. Тем же жильем, если только из-за него приходится заниматься делом, которое не по душе. Думать-то надо не только о сегодняшнем дне, но и о будущем. А квартира и остальные житейские блага со временем появятся.

Гораздо хуже будет, если на склоне лет оглянешься и скажешь себе: а ведь я все эти годы занимался не тем, о чем мечтал, к чему имел склонность. Жизнь прожита, а ничего в ней яркого и значительного не было. Так — ни то, ни се. Уж лучше решить этот вопрос сейчас. И ни в коем случае не терять веру в себя, в свои силы и способности.

по следам
неопубликованных
писем

Тревожные сигналы с мест

Группа работников джамбулского ателье № 4 жаловалась в редакцию, что им несвоевременно выдают заработную плату. Джамбулский областной совет профсоюзов, занимавшийся по нашей просьбе проверкой жалобы, сообщил в редакцию, что в ателье действительно в нарушение трудового законодательства не соблюдаются сроки выплаты заработной платы.

Вопрос об этом разбирался на партийном бюро, на общем собрании работников ателье при заключении коллективного договора на 1976 год.

Партбюро и фабком взяли под контроль сроки выплаты заработной платы. Изменены графики отчетности по зарплате, приняты меры по выполнению плана кассовой выручки.

В результате зарплата стала выплачиваться согласно срокам, предусмотренным коллективным договором.

По просьбе редакции Туркменский республиканский совет профсоюзов проверил письмо Ф. Ф. Зыковой из Ашхабада. Она сообщила о нарушениях трудового законодательства администрацией Ашхабадского хлопчатобумажного комбината: там стали правилом сверхурочные работы. Причем людей заставляли работать по 16 часов. При проверке факты, изложенные тов. Зыковой, подтвердились.

Вопрос о нарушении трудового законодательства на этом комбинате рассмотрен на заседании президиума республиканского комитета профсоюза рабочих текстильной и легкой промышленности.

Министру легкой промышленности Туркменской ССР К. Х. Ханаву предложено привлечь к дисциплинарной ответственности руководство комбината. Президиум обязал фабком и администрацию в установленный срок разработать и осуществить мероприятия по ликвидации сверхурочных работ и устранить порождающие их причины.

«СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМЯ»

Заведующая столовой совхоза «Тихоокеанский» Кокчетавской области Н. А. Монахова допустила недостачу денег и продуктов на 2898 рублей. К уголовной ответственности она не привлечена. Почему? Этот вопрос задали авторы письма на имя редакции.

По нашей просьбе это письмо проверила прокуратура Кокчетавской области. Действительно, у Н. А. Монаховой была недостача. В нарушение правил торговли она кормила рабочих совхоза и отпускала продукты из столовой без предварительной оплаты, в долг. У Монаховой сохранились черновые записи фамилий людей, долг которых составил 1356 рублей.

Против Монаховой было возбуждено уголовное дело. В ходе следствия она добровольно погасила 1448 рублей. К тому же выяснилось, что на ее иждивении трехлетняя дочь. Поэтому согласно пункту 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1975 года «Об амнистии в связи с Международным годом женщины» уголовное дело в отношении Монаховой прекращено. Вопрос о взыскании с нее непогашенной задолженности будет рассмотрен в порядке гражданского судопроизводства. От должности заведующей столовой Монахова освобождена.

После выступления журнала

НА ОСОБОМ КОНТРОЛЕ

В журнале № 12 за 1975 год была опубликована статья жителя с. Подвалье Куйбышевской области А. Кислова «Помогите спасти речку». В ней речь шла о загрязнении речки, что протекает возле села Подвалье, отходами молочнотоварной фермы и свиноводника.

Как сообщил старший инспектор рыбоохраны по Куйбышевской области А. Кудрицин, факты, описанные в статье Кислова, подтвердились. Действительно, животноводческая ферма колхоза «Вперед к коммунизму» Шигонского района Куйбышевской области сбрасывает в речку неочищенные отходы.

Руководству колхоза предложено в установленный срок ликвидировать загрязнение рыбохозяйственного водоема Куйбышевского водохранилища (куда впадает речка) отходами производства. Выполнение этого требования инспекция рыбоохраны взяла под особый контроль.

суд идет!

КОМБАЙНЫ НА СВАЛКЕ

В совхоз Лидино нагрянула комиссия, чтобы проверить, в каком состоянии здесь содержится техника. Побывала в гараже, заглянула в мастерские. Потом отправилась на площадки, где в это время стояли комбайны и тракторы. Неподалеку от центральной усадьбы ее внимание привлекла странная куча. «А это металлолом,— пояснили работники совхоза.— Отходы, так сказать». Однако при более внимательном осмотре среди ржавых обломков железа и прочей рухляди члены комиссии наткнулись... на два совершенно новеньких силосоуборочных комбайна. Еще более удивительные вещи обнаружили при проверке техники на площадках. Заглянули члены комиссии в один из комбайнов, а там не хватает целого узла. В другом — отсутствует несколько ведущих деталей. Третий — тоже разкомплектован...

По материалам проверки было возбуждено уголовное дело. После предварительного расследования оно поступило в Рузский районный народный суд.

...На скамье подсудимых двое — главный инженер совхоза В. С. Панкратов и механик отделения А. С. Киселев. Им предъявлено обвинение по статье 99¹ Уголовного кодекса РСФСР, предусмат-

ривающей ответственность за преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники. Подсудимые сразу заявили, что виновными себя не признают. Нет, они не отрицали фактов разукomплектования комбайнов и других машин. Все это было. Но ведь не от баловства снимали узлы и детали, а по неотложной надобности. К тому же подобного рода практика, как выразился Киселев, «не нами начиналась и не нами, судя по всему, кончилась».

— Значит, это превратилось у вас в совхозе в систему? — понинтересовался прокурор П. М. Сливко.

— Вроде этого.

— В деле есть данные, что в числе других машин был разукomплектован кормораздатчик. Расскажите, как это произошло.

— Однажды с фермы мне сообщили, что там вышел из строя кормораздатчик. Я пошел выяснять, в чем дело. Оказывается, полетели подшипники. Без них машина не может работать. Стал прикидывать: как выйти из положения? На складе подшипников нет. Обращаться к соседям вроде как-то неудобно. А тут вспомнил: да ведь у нас есть еще один кормораздатчик, без дела стоит. Снял с него подшипники и поставил на тот...

— А старые куда дели?

— Не помню.

— Как была разукomплектована сеялка?

— Это случилось во время посевной. У сеялки, на которой работал тракторист Кистерев, сломалась полуось. Время, сами понимаете, горячее, каждая минута на счету. Поэтому я снял полуось с другой сеялки и спешно отвез ее Кистереву. Прямо в поле и поставили.

— А с неисправной полуосью что сделали?

— Бросили...

— Разве это по-хозяйски? — удивился прокурор.— Полуось-то, наверное, надо было попытаться исправить. А если это невозможно, то хоть и сломанную, но поставить на место взятой исправной. Глядишь, сеялка была бы в комплекте.

— Об этом как-то не подумали.

— Вам известно, что разукomплектование техники строжайше запрещено инструкциями? — спросил у подсудимого председательствующий А. П. Филяев.

— Мы в инструкции особенно не вчитывались,— откровенно признался Киселев.— Тут, как говорится, из обстановки исходишь. Понадобилась деталь позарез — не останавливать же работу? Вот и берешь ее с другой машины. Своего рода хозяйственная целесообразность...

Эти слова — «хозяйственная целесообразность» — еще не раз про-

звучат на процессе — и со стороны подсудимых, и со стороны свидетелей. Но смысл в них вкладывался прямо-таки удивительный. Говоря об этом, мы обычно подразумеваем творческую инициативу, вдумчивый подход к делу и, конечно же, бережливое, экономное отношение к народному добру. А в совхозе Лидино под хозяйственной целесообразностью подразумевают нераспорядительность, преступно-небрежное обращение с техникой. Будь даже случай с кормораздатчиком или сеялкой единичным — и то он давал бы повод для тревоги. Вдумайтесь только в его сущность! Где-то ученые долго и старательно придумывали очень нужную машину, призванную облегчить труд сельских труженников. Глубоко из-под земли добывался металл, необходимый для того, чтобы ее сделать. Потом руками сотен людей она собиралась на конвейере. Наконец, сверкающая краской, прибыла в совхоз. А здесь — встала на прикол. Без присмотра. Без внимания. Хуже того, с нее начали снимать узлы. И машина вообще превратилась в мертвый бесполезный груз. Усилия тех, кто ее создавал, пошли насмарку... А в совхозе подобного рода случаи стали обычным явлением. Они никого не удивляют и не возмущают. Великое дело — разукomплектовали машину! У нас их звон сколько! Одной меньше, одной больше — общая картина от этого не изменится.

В том, что в совхозе такое преступно-небрежное отношение к технике («у нас ее много!»), лишний раз убеждают показания второго подсудимого — Панкратова...

Совсем еще молодой человек. Заочно учится в сельскохозяйственном институте. До недавнего времени работал инженером-энергетиком. Теперь вот в порядке повышения назначили главным инженером совхоза. С нее, с этой должности, напрямик сюда, на скамью подсудимых. Как же это случилось?

— Приступил я к новым обязанностям, можно сказать, с завязанными глазами, — говорил он на суде. — Обратился было к своему предшественнику, что надо бы оформить прием-сдачу техники, а он прямо заявил: «Я ее ни от кого не принимал и тебе тоже сдавать не буду. Сдам только вот этот письменный стол в кабинете и легковой автомобиль, на котором будешь ездить по участкам». Обратился тогда за разъяснениями к нашему директору Ивану Алексеичу Мызнову. Он сказал: «Не мудри!» Таким вот образом, значит, я и вступил в должность, не зная даже толком, сколько в нашем совхозе тракторов, комбайнов и другой техники.

— А сейчас знаете? — поинтересовался председательствующий.

Панкратов залился краской.

— И сейчас не знаю...

Как ни удивительно, но это так: техническая оснащенность сов-

хоза для ее главного инженера оставалась тайной за семью печатями. Время от времени он, правда, делал в этой области открытия, подчас анекдотические. К примеру, пользовались в совхозе одним агрегатом. Был он хог и старенький, но на диво выносливый. Выжимали из него все «соки». Лишь случайно главный инженер узнал, что в совхозе есть совершенно новый такой же агрегат. Купили его давно, но к делу не приспособили. Так и стоит.. Другое открытие, которое сделал главный инженер совхоза, касалось тех самых двух силосоуборочных комбайнов, которые волею неведомого случая оказались среди утиля

— Как все-таки это могло произойти? — спросил председательствующий у Панкратова.

— Понятия не имею, — растерянно ответил тот.

— Может, они не нужны совхозу?

— Ну, что вы? Зачем бы мы их тогда покупали? Силосоуборочный комбайн для хозяйства — необходимая вещь...

— Почему же вы, как главный инженер совхоза, допустили, чтобы эти, как вы сказали, «необходимые вещи» находились среди утиля, ржавели, приходили в негодность?

— Но я даже не знал, что у нас есть эти комбайны! После того, как комиссия обнаружила их среди ржавых железяк, я приехал туда и ужаснулся: это ж варварское обращение с техникой! Конечно, знай я об этом раньше, спросил бы с виновных строго.

— Кстати, за кем закреплены эти комбайны?

— По-моему, ни за кем, — без смущения ответил подсудимый.

— С кого бы вы тогда спросили?

Панкратов пожал плечами. Да и что ему сказать? Спросить-то он должен был прежде всего с самого себя. Заступить на должность главного инженера совхоза заступил, а вот обязанности, связанные с ней, выполнял, мягко говоря, спустя рукава.

Председательствующий спрашивает:

— Как вы считаете, бытующая в совхозе практика разуконплектования техники — нормальное явление?

— Нет.

— Чем же тогда объяснить случай с зернопогрузчиком? Судя по имеющимся в деле материалам, именно вы приказали его разуконплектовать?

— Совершенно верно, — ответил подсудимый. — Но на это, как мне кажется, были достаточно уважительные причины. Шла уборочная страда. И тут на зернопогрузчике вышел из строя редуктор. А в соседнем Лихачевском отделении, как мне было известно, стоял без дела другой зернопогрузчик...

— Ненормальный?

— Нет, почему же? Совершенно исправный. Вот я и распорядился снять с него редуктор.

— Таким образом, исправный зернопогрузчик, как говорится, сразу перешел в «инвалиды»?

— Выходит, что так,— невесело подтвердил Панкратов. И тут же попытался оправдаться: — Обстановка того требовала. Сами понимаете, уборочная...

— Ну, а после того, как уборочная прошла, вы приняли какие-нибудь меры, чтобы разукомплектованный зернопогрузчик привести в нормальное состояние?

— Нет, не принял.

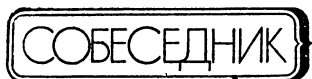
Просчеты главного инженера, наверное, в какой-то мере можно объяснить молодостью, неопытностью. Однако это ни в коей мере не снижает его ответственности за те безобразия, которые творились в совхозе при обращении с техникой. Но ведь есть в хозяйстве люди, которые и работают здесь давно, и опыта житейского у них побольше,— они-то куда смотрели, когда растаскивали запчасти? Вот, скажем, Иван Алексеевич Мызнов, директор совхоза, выступающий на процессе в качестве свидетеля. Каково его мнение по поводу случившегося? Увы, показания директора, несмотря на оптимистические нотки (выполнили годовой план и тому подобное), наводили на грустные размышления. Действительно, в совхозе не практикуется, чтобы при вступлении в должность главный инженер принимал технический парк от своего предшественника. Кстати, за последний год на этом посту, включая Панкратова, перебивало три человека. Почему не держатся? Директор на этот вопрос ответить не мог. О фактах разукомплектования техники, как он пояснил суду, ему стало известно... из акта проверки последней комиссии. И поспешно добавил, что сейчас приняты меры для устранения недостатков. Проведена тщательная инвентаризация техники. Заведен такой порядок: главный инженер обязан принять весь имеющийся в совхозе тракторный парк и, в свою очередь, передать его механикам отделений, которые уже отвечают за сохранность каждой машины в отдельности. А затем он осуществляет постоянный контроль за техническим состоянием в совхозе. Спихватились!..

Дает показания А. К. Мягких, инженер по сельскохозяйственным машинам. Против него тоже было возбуждено уголовное дело, но затем прекращено по амнистии. На процессе выступает как свидетель. Но и он, казалось бы каждодневно связанный с совхозной техникой, не смог ответить на многократно прозвучавший в ходе судебного разбирательства вопрос: как же все-таки два силосоуборочных

комбайна оказались на свалке? Как и его предшественники, сказал с простодушной наивностью: «Не знаю». Похоже на то, что если бы комиссия во время проверки не обнаружила их, то, возможно, они сгнили бы без следа и никто бы в совхозе не спохватился. Так же, как никто здесь до приезда комиссии не поднял тревоги по поводу разукомплектования техники. Считали это в порядке вещей.

...Слушал я показания подсудимых, свидетелей и невольно вспоминал других людей, с которыми меня судьба свела во время недавней командировки в Алтайский край. В Егорьевском районе на скрещении трех боров раскинулось село со звучным названием Сро-сты. Колхоз имени Фрунзе, расположенный на его территории, известен в крае своими замечательными трудовыми делами. Именно отсюда началось получившее затем широкое распространение движение за бережливое отношение к технике. Я видел, с какой любовью механизаторы обращаются с тракторами, комбайнами, сеялками, сколь много усилий они прилагают к тому, чтобы закрепленные за ними машины работали долговечно и качественно. И в этом была своя крестьянская мудрость, смысл которой сводится к тому: хороший хозяин крохи хлеба на пол не уронит!.. А в совхозе Лидино не крохи хлеба на пол роняли, а целые комбайны. И то, что виновные в этом должностные лица привлечены к ответственности и наказаны по закону, и есть справедливость!

М. ИВАНОВ

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» ВЫШЛИ В СВЕТ
НОВЫЕ КНИГИ.

Гражданский кодекс РСФСР. Цена 1 руб. 05 коп.

Издание представляет собой официальный текст закона.

Ефимов Е. Н. Открытия, изобретения и рационализаторские предложения под охраной закона. Цена 21 коп.

В брошюре приведены нормативные акты, касающиеся открытий, изобретений и рационализаторских предложений.

Клейн Н. И. Организация договорно-хозяйственных связей. Цена 63 коп.

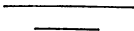
В книге рассказано о законодательстве в области договорно-хозяйственных связей, эффективности воздействия законодательства на договорные отношения и укрепление государственной дисциплины.

Молодцов М. В., Сойфер В. Г. Стабильность трудовых правоотношений. Цена 97 коп.

В книге освещаются проблемы повышения производительности труда в народном хозяйстве. Основное внимание уделено совершенствованию условий труда, роли материальных и моральных стимулов, юридическим вопросам подготовки и использования кадров.

Попова С. М. Организация работы в исполкомах местных Советов. Цена 35 коп.

Автор анализирует и обобщает опыт организации труда в исполкомах местных Советов ряда областей РСФСР и в Мосгорисполкоме, рассматривает основные направления научной организации труда, вопросы расстановки кадров, разделения и координации труда, планирования работы и рационального распределения рабочего времени.

ПОЛЬША: УРОКИ ПРАВА

В этом году в двадцати школах девяти воеводств ПНР в классы впервые пришли... прокуроры. Раз в неделю они будут давать уроки по основам права. Разумеется, поручено это тем работникам-юристам, которые обладают педагогическими способностями и выразили готовность вести такой курс, считающийся пока экспериментальным.

Введению его в школьную программу предшествовала дискуссия с участием юристов, педагогов, журналистов, воспитателей, начавшаяся в 1975 году, и изучение опыта преподавания «Основ советского государства и права» в СССР.

Что школьникам необходимы знания правовых основ, не вызывало сомнения ни у юристов, ни у педагогов. Сложность заключалась в другом — где взять дополнительные часы и квалифицированных преподавателей нового предмета. Тем более что эксперимент начинался «на ходу», в разгар учебного года, и о дополнительных часах говорить не приходилось. Поэтому правовому образованию отдан пока внеклассный час, с этого момента как бы превратившийся в урок. По договоренности между прокуратурой ПНР и министерством просвещения классный руководитель организует, а прокурор проводит занятия.

Но, как это всегда бывает у «первопроходцев», после преодоления одной сложности возникла новая, на сей раз касавшаяся тема-

тики занятий, их формы, целей и задач каждого конкретного урока. Ведь в итоге речь идет не о профессиональной юридической подготовке учащихся, а о широко понимаемом общественно-правовом воспитании.

Что же в таком случае нужно знать о законах пятнадцатилетним гражданам? Как определить объем знаний? Как излагать материал, какую выбрать степень доступности и т. д.? Юристы (это надо признать) более склонны к сухому, порой формальному языку, насыщенному специальной терминологией. Но нельзя идти на поводу и у тех, кто требует слишком большого упрощения при изложении предмета. «Немыслимо,— сострил один из журналистов — участников проходившей дискуссии,— аргументировать примерно так: Юрек не бей Владека, а то вспотеешь, или, наоборот, сразу пугнуть сложной формулировкой уголовного кодекса».

В результате поиска «золотой середины» были отобраны следующие темы: право; мораль; нравы как факторы, формирующие общественные отношения; структура и деятельность правовых институтов ПНР; отрасли права; отдельные вопросы административного права; основные права и обязанности молодежи, принцип ответственности несовершеннолетних и подростков; нормы трудового права, регулирующие труд подростков; отдельные виды преступлений; ответственность за нарушение закона; употребление алкоголя и наркотических веществ, тунеядство как криминогенные факторы; подсудимый перед судом; некоторые разделы уголовного права.

Однако названия тем — это лишь ориентир для того, кто ведет урок. В зависимости от конкретной школы, точнее — от господствующей в ней атмосферы — тема может быть расширена либо сужена за счет другой, более актуальной для данной ученической аудитории. Тут решение вопроса предоставлено классному руководителю — организатору урока. Потребность в такой гибкой системе директор одной сельской школы аргументировал, например, тем, что на селе, где никто никогда не слышал об употреблении наркотиков, подробный разговор о них был бы неуместным. Зато о драках или, скажем, воровстве необходим обстоятельный правовой разговор.

В конце этого учебного года, то есть в конечной фазе эксперимента, предполагается проверить степень влияния полученных школьниками правовых знаний на их поведение и поступки. Однако никто не считает, что данные окажутся абсолютно точными, ибо нельзя ожидать немедленного воздействия только что усвоенного курса на ребят. Ведь правовое воспитание — дело сложное, длительное, комплексное, требующее систематической целенаправлен-

ной работы по многим направлениям. Именно поэтому и юристы, и учителя стараются, чтобы право в школах стало обычной дисциплиной, лишенной окраски исключительности.

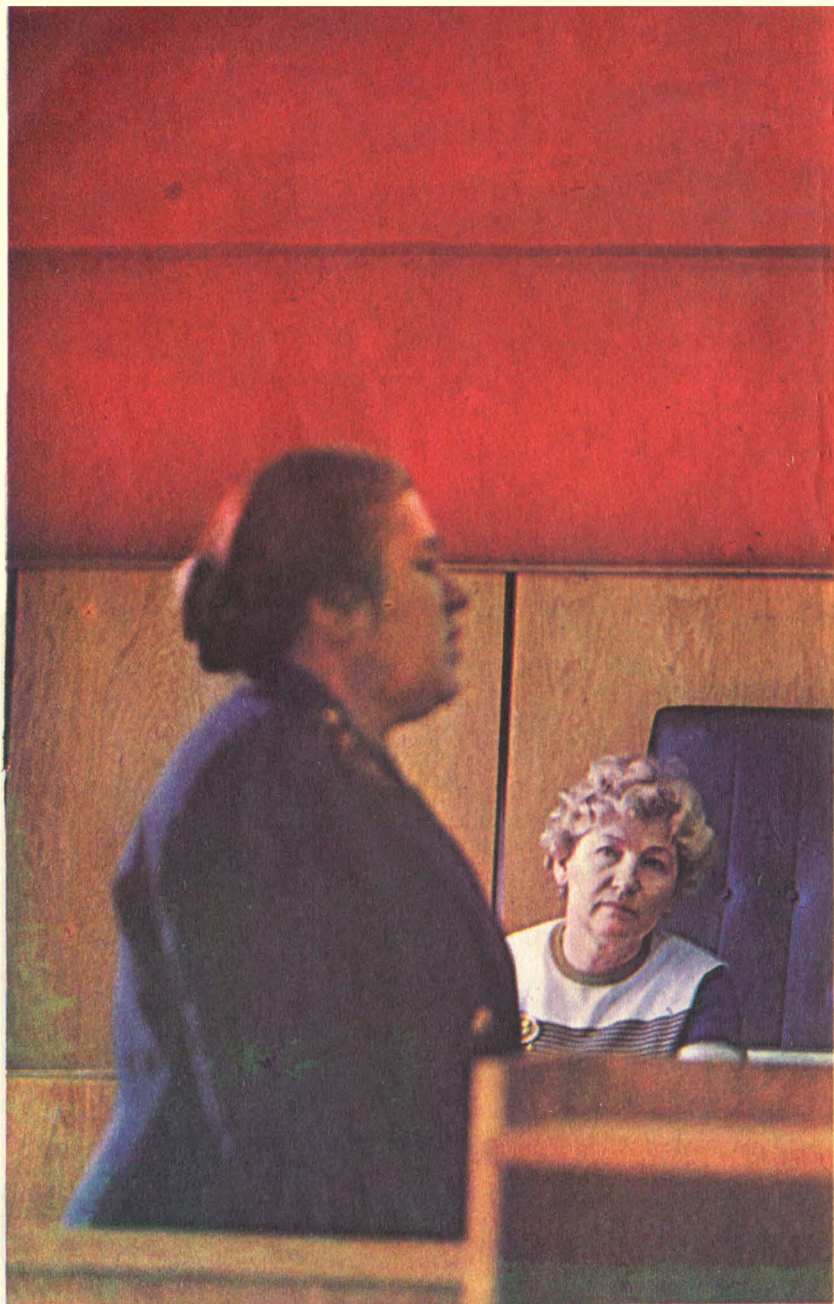
Что же касается кадрового вопроса, то намечается, что со временем профессиональные юристы будут лишь консультантами, а преподавать право станут педагоги, которые получают достаточную правовую подготовку. С этой целью в педагогических училищах и вузах будет введен курс права, организованы радио- и телеуниверситеты, курсы усовершенствования учителей. Одновременно продолжает обсуждаться вопрос о формах преподавания права, наглядных пособиях, о целесообразности посещения учащимися судебных процессов и тому подобном. Окончательное решение еще впереди.

Начинание польских друзей тем интереснее, что подобный эксперимент проводился и в нашей стране; введен обязательный правовой курс в восьмых классах средней школы, а также в ПТУ. Сравнить же результаты будет полезно, перенять опыт друг друга — тем более.

Л. ПЭК,
старший научный сотрудник
сектора теории и методики
правового воспитания
Всесоюзного научно-
исследовательского института
советского законодательства
Министерства юстиции СССР

Сборщик автопокрышек Московского шинного завода, член цехового товарищеского суда, народный контролер Николай Федорович Серебряков. (Читайте репортаж «Люди одного коллектива»).

В Тушинском районном народном суде Москвы.

Судьи Валентина Алексеевна Иванина (в центре), Аделаида Александровна Тихонова, инженер-синоптик Центрального аэроклуба им.

Чкалова, и Алексей Александрович Максимов, старший тренер стрелково-спортивного клуба ЦК ДОСААФ СССР, слушают заключение помощника прокурора района Веры Ивановны Харебовой по гражданскому делу.

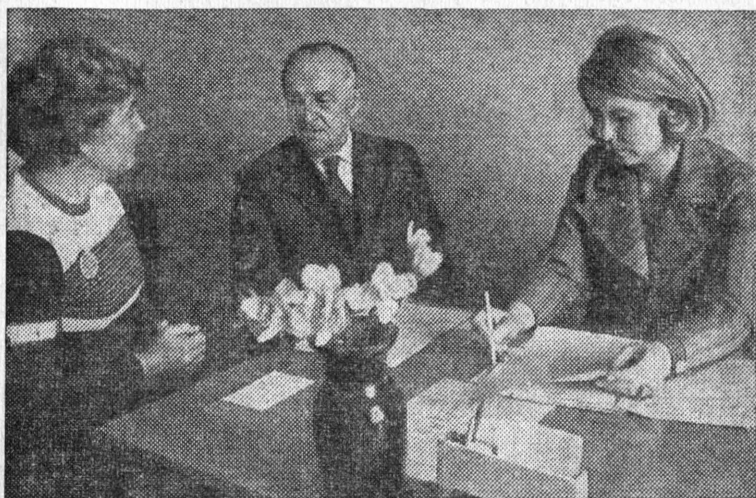
Последнее слово подсудимого.

Секретарь суда Наталья Алексеевна Берендеева разъясняет посетительнице порядок подачи заявления в суд.

Фото В. ЗИМИНА.

ИЗ ЗАЛА СУДА

ЗАМЕТКИ ЖУРНАЛИСТА

Первого «живого» судью я увидел много лет назад и запомнил его до сих пор, хотя отнюдь не занимал место на скамье подсудимых, а находился в зале, среди публики.

Попал я на процесс случайно. Это было вскоре после войны. Мой фронтовой друг Володя Новинский, сменивший военную гимнастерку на «визитку» адвоката, пригласил меня в суд, где должен был выступать. Я тогда и не думал, что стану когда-либо судебным репортером или вообще как-то буду связан с судом. Пошел из товарищеской солидарности, из любопытства да еще от нечего делать.

Кого тогда судили и за что, как шел процесс и чем кончился, я забыл начисто. Пусть извинит меня и ныне практикующий адвокат Владимир Владимирович Новинский, но я ни слова не помню даже из его речи.

А вот судья — и сейчас перед глазами, как живой. Теперь, обремененный журналистскими штампами, я бы сказал: «Председатель-

ствующий на процессе являл своим поведением образец строгости, выдержки, такта...» или что-нибудь в этом роде. Тогда я ничего подобного сформулировать, конечно, не мог. Но впечатление от фигуры судьи, от его манеры держаться было очень сильным.

Он держался властно, но ни разу не повысил голоса, не сказал ни одного резкого слова.

Может, мое воображение что-то и преувеличивает, но так я все воспринимал тогда, так все вижу и спустя почти тридцать лет. Внешность судьи ничем особенным не отличалась, но именно его манера держать себя заставила, наверное, запомнить и его облик — то был крупный черноволосый мужчина в офицерском кителе без погон.

Ничего, повторяю, не могу сказать о самом процессе. Но если говорить о его воспитательной роли, о привитии чувства уважения к суду, а через это — к закону, то само поведение судьи хоть одного, как видите, человека, а все же воспитало.

И вот в чем я еще убежден: тот судья не мог вынести неправоудный приговор. Конечно, «я убежден» — аргумент весьма и весьма сомнительный. Слабый, прямо скажем, аргумент. Мало ли что может быть — в конце концов, то же самое «роковое стечение» обстоятельств, которое лежит в основе всех детективных произведений. И все-таки есть безусловная закономерность: если судья (разумеется, при достаточной квалификации) скрупулезно соблюдает все нормы процессуального закона, если ни одного самого малейшего сомнения он не отбрасывает -- никакого «детектива» не будет. То есть не будет той ошибки, которая ложится в основу литературных сюжетов. Но главное, конечно, не будет той ошибки, которая так тяжело отражается на судьбе человека. И, наконец, той ошибки, которая заставляет усомниться в Правосудии.

Потом, уже много лет спустя, когда стал я завсегдаем судебных процессов, то видел судей, которые напоминали того, первого. Не внешностью, разумеется, нет, но серьезным, спокойным, тактичным, строгим ведением процесса.

Вот так кропотливо рассматривал дело по обвинению в халатности начальника строительного управления и трех прорабов народный судья Руслан Георгиевич Соломонов (Свердловский район Москвы). Пожалуй, по тяжести обвинений подсудимым и не грозило лишение свободы. Неважно — каждый из многочисленных эпизодов тончайшим образом взвешивался на весах Фемиды. Соломонов требовал от экспертов проверок и перепроверок их заключений, к каждому ходатайству подсудимых, адвокатов подходил со всем внима-

нием. Среди публики в зале я слышал реплики: «Чего копаются, приговор за халатность — это ж вроде как выговор». Однако судья не имеет права руководствоваться какими-либо иными соображениями, кроме одного — установить Истину, чтобы на этой основе обеспечить Справедливость. А она состоит не в том, чтобы «мало дать». И десять лет бывает несправедливо мало. И общественного порицания может оказаться несправедливо много. Важно, чтобы за конкретную вину и соразмерно степени вины.

Но соразмерить все, взвесить все на весах разума, сердца и закона, чтобы не ошибиться ни на йоту, — вот искусство... Нет, прежде всего долг, гражданская, нравственная обязанность судьи. Слав, если можно так сказать, нравственного начала и высокой квалификации.

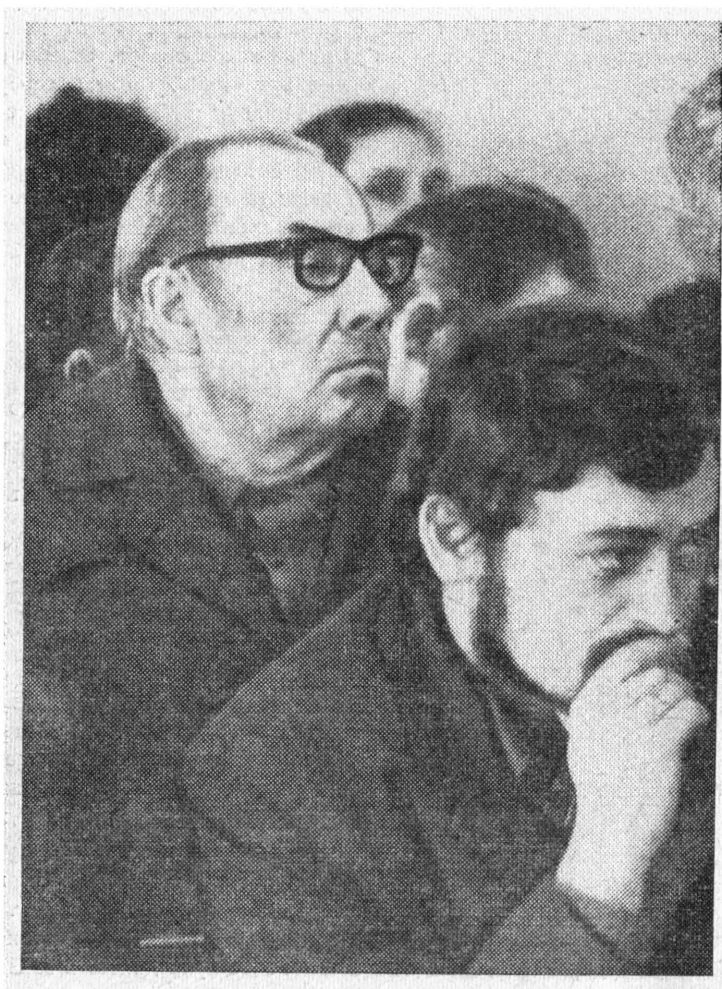
Я делюсь своими впечатлениями о судьях и процессах всего лишь как «человек из публики», который в судебном зале безгласен: он не имеет права задать вопрос, высказать мнение, что-то засвидетельствовать. Он только слушает — заинтересованно, ибо нельзя быть бесстрастным там, где решаются людские судьбы.

Считается, что «человек из публики» не участвует в процессе. На самом же деле участвует, и очень активно. Он воспитывается в зале суда, он рассказывает потом о виденном и слышанном десяткам знакомых, ибо это всегда всем интересно. Наконец, он, «человек из публики», судит судей. И пусть они ничего не узнают о мнении безгласного зрителя — суд над ними вершится. И далеко нам не безразлично, что это за суд. В. И. Ленин писал, что очень важно «до корня вскрыть и публично осветить все общественно-политические нити преступления и его значение, чтобы вынести из суда уроки общественной морали и практической политики». А ведь «человек из публики» и выносит из зала суда эти уроки.

Увы, далеко не всегда правильные. Нет, я имею в виду не тот случай, когда суд вершится неправедно — тут и вопроса нет. К сожалению, и квалифицированная, добросовестная, мужественная работа судьи бывает иногда не понята. Мне приходилось в залах суда слышать такие перешептывания:

— Чего ж тут сложного? Есть обвинительное заключение, выслушаны подсудимые и свидетели, свои точки зрения изложили обвинитель и защитник. А перед судьей раскрыты кодексы, где зафиксирован перечень деяний, которые называются преступными, и указаны меры наказания. «Приложить» статью кодекса к рассмотренному проступку — вот и все.

Но вот на конференции, которая была проведена Министерством

В зале суда.

юстиции СССР совместно с Верховным Судом и Прокуратурой СССР (на ней шла речь о воспитательном значении судебного процесса), я услышал такие слова:

— От судьи требуется не только высокая квалификация, не только ориентировка в правовых нормах. От него зачастую требуется и

личное мужество. Ибо не так просто бывает остаться один на один с законом, отбросить все посторонние соображения, точно, беспристрастно и гуманно применить закон к конкретному деянию конкретного лица.

Это сказал заместитель Председателя Верховного Суда СССР

Сергей Григорьевич Банников. И мне бы хотелось пояснить эту мысль.

Сергей Григорьевич привел характерный пример. Судили группу работников предприятия. Люди обвинялись в том, что расхищали краску, а сами представляли фиктивные счета — будто закупали ее «на стороне» за наличный расчет. Мотивировали свои действия тем, что заводские снабженцы не смогли обеспечить производство этими материалами. Обвинение меж тем представило суду документы ревизоров, где говорилось, что в красках завод особой нужды не испытывал. Подсудимые и их защитники просили суд перепроверить заключение ревизоров. Ходатайство настолько элементарное, что у суда не было оснований отклонить его. И все же отклонили — и так, мол, ясна картина: если перепроверять каждый документ, то можно процесс затянуть до бесконечности. Так рассуждали судьи или как-нибудь иначе, сказать трудно. Судьи, видимо, были убеждены, что вершат правосудие, что правосудию не повредит отклонение всего-навсего одного ходатайства. В самом деле, чего бы достиг суд, если бы и установил тот факт, что завод красками не был обеспечен?

Однако отсюда и начинается цепочка: раз красок не было, их приходилось «доставать», а раз надо «доставать» — неизбежно нарушение каких-то правил; а коль скоро нарушаются правила — есть виновные. Таких виновных следственные органы и «вывели на чистую воду». Но... одно дело нарушить правила приобретения материалов, крайне необходимых производству, и совсем другое — ссылаясь на несуществующий дефицит, загребать народные денежки в свой стяжательский карман.

Всего-навсего одно ходатайство безмотивно отклонил суд, одно среди, быть может, десятков других, которые удовлетворялись. А получилось полное искажение картины событий. Сквозь малюсенькую щелку в гарантиях, которыми обставил Закон правосудие, ушла, как вода в песок, сама Истина. Вся без остатка. Ибо, как известно, истина неделима.

Да, но при чем тут «личное мужество»? Или его отсутствие? В том, что ходатайство не удовлетворили? Назовите это небрежностью, пренебрежением к праву на защиту, нарушением закона — только не отсутствием же мужества продиктовано отклонение ходатайства? Так мне могут возразить, так я себе сам возражал, когда услышал слова о мужестве судьи.

И все-таки... Перед судьей всякий раз — не в исключительных случаях, а, подчеркиваю, всякий раз — мнение авторитетов (обвинительное заключение), «затраченные средства» (предварительное следствие, возможно, содержание человека под стражей), зачастую

личность, обремененная многими старыми грехами, а отсюда определенное общественное мнение; а иногда — и прямое требование общественного мнения «покарать негодяя». А судья на этом фоне должен быть беспристрастным. Он должен отвергнуть самые веские доводы, презреть кипение страстей, даже если это общественные страсти, и остановить «карающую десницу», коль скоро есть мельчайшее сомнение в том, что истина найдена. «Для судьи,— замечал Маркс,— нет другого начальника, кроме закона». Уметь подчиняться только этому «начальнику» на фоне всего перечисленного — для этого нужно и мужество.

Судья — пожалуй, единственное в своем роде должностное лицо. Он никому не подчиняется, ему никто ничего не может приказывать, его ни одна инстанция не может снять с работы (кроме избирателей, чьим доверием он облечен). Приговор суда может быть отменен вышестоящим судом в установленном законом порядке, но предписать суду вынести то или иное решение не имеет права никто.

В то же время судья больше, чем кто бы то ни было, скован — скован рамками закона. Судье не дано быть «рационализатором и изобретателем» — он должен действовать в буквальном смысле «от сих и до сих». Никакое творчество, которое бы ломало устоявшиеся и зафиксированные в статьях кодексов каноны, для судьи недопустимо. Буквы закона для него незыблемы.

И все-таки работа судьи в столь сильной степени творческая, что я не поставил бы на одну доску с ней никакую другую. Ибо творчество это особого рода — в тысячах неповторимых и часто весьма драматических, трагедийных ситуаций, в обстоятельствах исключительных и сложных всегда оставаться верным закону. А значит, и своей совести.

Мы хорошо знакомы с председателем Верховного суда Азербайджанской ССР Абдуллой Гаджиевичем Ибрагимовым. Человек остроумный, любящий поэзию, знающий десятки восточных притч, ну и, разумеется, опытный юрист, Абдулла Гаджиевич говорил мне о сложности судебной деятельности примерно так:

— Перед судьей, когда он «садится в дело», всегда «терра инкогнита» — неизвестная земля. И кодексы на столе, и обвинительное заключение логично и убедительно, и сомнений вроде никаких. Но пока все это, я бы сказал, схема, хотя и безупречная. А как законы и документы наложатся на живую жизнь — вот вопрос вопросов! Да, вроде бы в обвинительном заключении нет противоречий. А ты должен слушать дело, отчуждаясь от выводов следователя, не раздражаясь тем, что подсудимые меняют показания, что от этого нарушается логика обвинения, что свидетель по-иному освещает ви-

денное и так далее. А это очень и очень трудно — отказываться от, казалось бы, железной цепи обвинения, коль оборвано хоть одно звено.

И в подтверждение своих мыслей рассказал А. Г. Ибрагимов мне об одном процессе.

Фабула такова. В драке, которая возникла после выпивки, был убит Рашид Э. Обвинялся в убийстве Мамедов (назовем его так). Материалы дела убедительно подтверждали его вину. И на суде, опустив глаза, подсудимый выдал: «Признаю... полностью...»

Чего же, кажется, более? Даже защита надеялась лишь на смягчающие ответственность обстоятельства. Хотя обстоятельств таких было мало. Мамедов слыл драчуном и забиякой, уже сидел за хулиганство.

Все как будто бы было ясно. Во всяком случае, общественность уже негодовала и требовала для Мамедова самой суровой кары. И вот началось судебное следствие...

Иногда, сидя в зале суда, я слышу шепотки:

— Зачем это? Формалистика какая-то. Где кто стоял, как кто кого бил. Да «почему вы утверждаете, что этот тут стоял?», «Вы видели?», «А может, вы ошиблись?». И так до бесконечности.

Мамедов, как вырисовывалось, дрался с приятелем Рашида, а сам Рашид находился от него в трех-четырёх метрах. Так, по крайней мере, говорили свидетели. Как же был нанесен удар? Этого никто не видел. А подсудимый признавался: «Размахивал ножом и как-то задел». Ну что ж, и это логично: в драке разве запомнишь,

— Мне стыдно смотреть в глаза людям...

*На скамье подсудимых.
Чистосердечно ли раскаяние? Бывают, похожие преступления. Но
нет одинаковых людей.*

как что было. Но судья три дня выяснял, как все-таки располагались участники драки. Так и эдак расставлял и переставлял. И никак не слаживался «ансамбль»: если этот стоял там, то другой не мог быть здесь, если В. занимал такое положение, то как быть с показаниями Г.? И так далее, и тому подобное.

И после всего этого, несмотря на выводы предварительного следствия, на самые отрицательные характеристики «бандита Мамедова», судья обратил внимание на одни странные показания. Свидетель Керимов был на месте драки, ему даже лицо поцарапали. А он упорно твердит: драку видел только издалека, лицо же поцарапала... кошка. Но другие утверждают: был Керимов тут же, в самой почти гуще, правда, в драке он не участвовал, случайно попал. Почему же тогда столь упорно отрицает Керимов этот факт?..

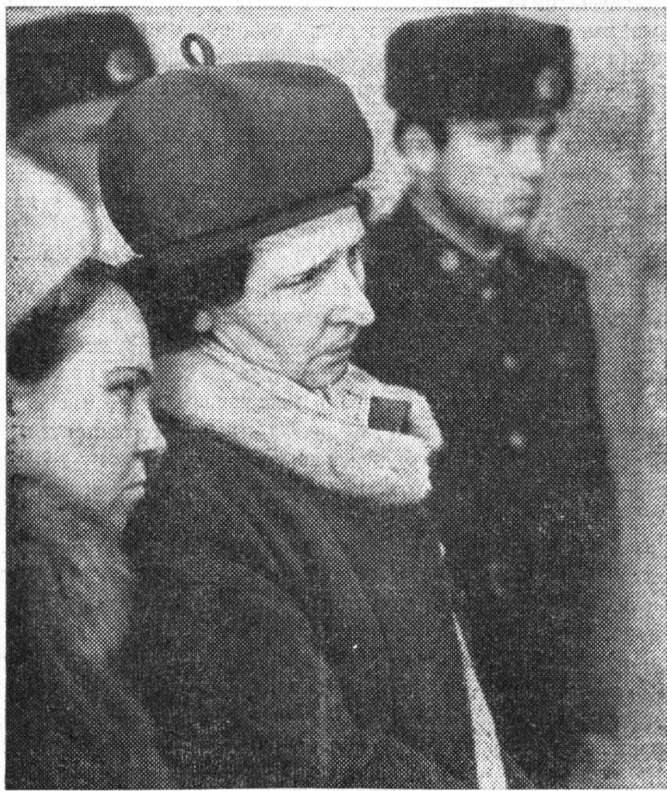
Нет нужды в подробностях рассказывать, как был оправдан Мамедов, взявший на себя вину своего зятя Керимова, и как потом на новом расследовании уличили Керимова в убийстве, совершенном не в горячке драки, а потому, что с Рашидом у него были старые счёты. Для кино, для повести, для телеспектакля — это, скажу я, сюжет! Не о ходе следствия, не о старых счётах Керимова с Рашидом, не о пронизательности следователей или, наоборот, об их ошибках. О мужестве судьи. О том, как бывает трудно противостоять «очевидному». О верности догме права, продиктованной догмой совести.

— Поверьте,— говорил А. Г. Ибрагимов.— Тут одного профессионализма недостаточно. Тут важно нравственное чувство, верность судьи своему долгу. Юристу, судье, я убежден, необходимы «правовое мышление», «правовая стойкость», «правовое мужество». Качички в данном случае не есть обозначение условности перечисленных категорий. И мужество, и стойкость, и строй мысли нужны в самом прямом смысле.

Азербайджанским судьям, думаете, просто было вынести оправдательный приговор Мамедову. Нет, не просто. Рушилось обвинение, вскрывались ошибки следствия, кто-то должен отвечать за то, что невиновный находился под стражей. Иногда можно услышать: на судью оказывают давление... От давления невозможно избавить судью. Это давление обстоятельств дела, зафиксированных в обвинительном заключении; это сам факт преступления; это кипение общественных страстей; это публикации в газете; это глаза близких жертвы преступления.

Не так-то просто в этих обстоятельствах сказать: тот человек, о котором все думали как об убийце, не виновен. Тут нужно и мужество...

Мы живем в мире правил, но одновременно и в мире исключений. Иные из них благодетельны, без них бы остановилась сама жизнь. В нашем житейском обиходе, увы, мы часто хотим исключений далеко не столь благодетельных, исключений для себя лично. Но когда речь идет о правосудии, о миссии судьи, о повседневной работе судьи — эта всеобщая закономерность не действует. Тут из нее сделано изъятие. В порядке исключения нельзя поступиться законом. Сам закон дает судьям «свободу рук», скажем, при назначении наказания: суд может назначить условное наказание ниже того, которое указано в законе, дело может быть прекращено за малозначительностью преступления и так далее. Но судья не имеет

Слушают приговор.

права признать человека невиновным лишь потому, что он хорошо характеризуется или вызывает симпатии. И уж, конечно, нельзя обвинить человека, усилить ему наказание в «назидание другим», с «воспитательными» целями или по каким-либо другим самым благим мотивам. «Применению подлежит закон, а не мотивы закона, не намерения законодателя», — подчеркивал В. И. Ленин.

Мы все время, говоря о судьбе, имеем в виду одного лишь из судей — председательствующего. Но из зала-то суда мы смотрим на три фигуры, сидящие за судейскими столами. По советскому закону любое судебное дело, слушается ли оно в районном народном суде или в Верховном Суде Союза ССР, решается тремя судьями, из коих двое, как правило, не юристы — народные заседатели: рабочие, колхозники, педагоги, инженеры, деятели науки и искусства — те, кого мы сами выбираем на своих собраниях открытым голосованием (в областные и вышестоящие суды народные заседатели избираются соответственно Советом депутатов трудящихся или Верховным Советом).

Чего греха таить — бывает, народные заседатели ведут себя довольно пассивно.

Но это — исключение. К счастью, значительно больше других примеров.

Ленинский районный народный суд Львова рассматривал дело по обвинению группы расхитителей. Вина подсудимых была бесспорно доказана, и суд вынес приговор. Однако народный заседатель не согласился с точкой зрения двух других судей. В таких случаях юристы говорят, что один из судей остался при особом мнении. Он изложил свое мнение в письменном виде, и оно было приобщено к делу. Народного заседателя смутило то обстоятельство, что мера наказания (три года лишения свободы) одному из подсудимых — Ш. — чрезмерна. Хотя Ш. и участвовал в преступной группе, но участие его было менее активным. Кроме того, Ш. — фронтовик, активный участник колхозного строительства, положительно характеризовался по работе, его не раз награждали грамотами. Всех этих смягчающих ответственность обстоятельств суд, по мнению народного заседателя, не учел. Человек большого жизненного опыта, инженер по специальности, народный заседатель, руководствуясь своим правосознанием, учитывая личность подсудимого, последовательно и принципиально отстаивал свое мнение. Судебная коллегия по уголовным делам областного суда приговор в отношении Ш. оставила без изменения. Однако заместитель председателя Верховного суда УССР принес протест. Коллегия по уголовным делам Верховного суда УССР рассмотрела дело в порядке надзора.

Приняв во внимание особое мнение народного заседателя, учитывая личность осужденного, постановила считать меру наказания условной, то есть не лишать свободы.

Как видите, активной и действенной оказалась позиция народного заседателя. Он использовал все свои права, отстаивая свою точку зрения. И отстоял. Ибо права, предоставленные народному заседателю законом, велики. Никто, никакой административный орган не вправе лишить их полномочий. Они судят, руководствуясь своим правосознанием. Их решение может быть отменено лишь в установленном законом порядке вышестоящим судом. Подчеркиваю — их, народных заседателей, решение. Ибо, если например, судья будет настаивать на одном решении, а народные заседатели, допустим, исходя из своего жизненного опыта, принципов гуманности, облика подсудимого, настоят на другом, то приговор будет их: простое голосование — два против одного.

Но, между прочим, эти большие права не всегда удается полностью осознать, а иногда человек, далекий в повседневной жизни от суда, просто чурается этих своих прав: а вдруг я выскажусь не так, все же суд идет, не что-нибудь?

И это можно понять. Мне самому выпала честь быть избранным народным заседателем Фрунзенского районного народного суда Москвы. К тому времени я был хорошо знаком с судебным залом, знал более или менее основы права, много писал о суде и судьях. И все же, когда мы в первый раз вышли и зал встал, я ощутил некий холодок. Самому судить — шутка ли!

Я сейчас не хочу писать о проблемах судебного ритуала вообще — это тема особого разговора. Но было бы, на мой взгляд, очень полезным торжественно «вводить в должность» народного заседателя. Семинары, университеты, инструктажи — все это очень хорошо и полезно. Но это все слишком, так сказать, учебно. А вот если народного заседателя перед его двухнедельной миссией в суде в соответствующей обстановке, ну, наставить, что ли, напомнить о его необычных гражданских обязанностях, дать нравственное напутствие — это было бы чрезвычайно полезно...

Вообще чаще всего мне приходилось смотреть на судей из зала — этим и навеяны мысли, высказанные здесь. Но когда в качестве народного заседателя я занимал место за судейским столом, то, естественно, смотрел в зал. Понятно, что, когда сам толкаешься среди публики, впечатлений можно получить больше: тут и характеристики участников процесса, и предположения об исходе дела, и суждения о степени вины и достоверности доказательств. Часто сужде-

ния бывают превратными, порой неграмотными, но они всегда любопытны.

Когда же сам сидишь за судейским столом, то лишь догадываешься о суждениях публики — иногда по бурному реагированию, иногда по едва заметным признакам. Но все же так или иначе улавливаешь их. И задасшь себе вопрос: а понятны ли наши действия, наши решения? Прошел ли процесс так, чтобы люди смогли извлечь из него «уроки общественной морали и практической политики»?

Помню, мы слушали «трудовое дело»: иск о восстановлении на работе. Подал иск человек, который был не в ладах с трудовой дисциплиной, выпивал, грубил начальству, потерял уважение коллектива. Но в ходе разбирательства дела выяснилось, что уволили его с грубым нарушением трудового законодательства, руководствуясь не столько правом, сколько раздражением. Истец в свой свободный день пришел в учреждение выпивши, кому-то из начальства нагрубил, его тут же уволили за... прогул.

Что делать? Как поступить? Конечно, никакого прогула не было, ибо в тот день истец имел отгул. Но человек он скандальный, грубый, всем в коллективе надоел, выпивает, нарушает дисциплину. Симпатий он у нас не вызывал. Возможно, кое-кто из читателей скажет (как говорили потом присутствовавшие в зале):

— А что с этим лодырем церемониться? Пьет, нарушает дисциплину, а с ним цацкаются.

Да, с лодырем и пьяницей церемониться не следует. А вот с законом нельзя не «церемониться», нельзя с законом обращаться вольно, подгонять его под собственные симпатии или антипатии. Мы, судьи, обязаны были судить по закону, исходя из фактов. Факты же были таковы, что уволили человека за прогул, которого не было. И мы с полной ответственностью удовлетворили иск, директора же обязали оплатить из своего кармана вынужденный прогул. Мы не защищали лодыря. Мы защищали закон, который гарантирует трудовые права советского человека, защищает его от административного произвола.

Но нелегко, очень нелегко бывает так решать. Люди разные и преступления совершают в силу разных обстоятельств. Я был народным заседателем в процессе по делу группы валютчиков. Мне был очень симпатичен молодой парень, которого втянули в преступную деятельность. В суде он вел себя честно, откровенно все рассказал — словом, помог правосудию. И хотя мы ему назначили минимальное по данной статье наказание, ему предстояло отправиться в колонию (он участвовал во многих валютных махинациях).

Мне было искренне жаль этого парня, который польстился на легкий «заработок».

А вскоре был другой процесс. Подсудимый обвинялся «всего-навсего» в том, что обсчитал трех граждан на 2 рубля 43 копейки. Некоторые, кстати, полагают, что за такую чепуху и судить-то не стоит. Но вот мы разбираем дело. Покупатели жаловались на этого продавца — он торговал виноградом около Белорусского вокзала. Сотрудники милиции и представители общественности решили произвести контрольные закупки. Один гражданин брал три килограмма винограда (по рублю), другой — четыре, третий — пять. Первому жулик недовесил 400 граммов, второму — 1230 граммов, третьему — 800 граммов. Вот ведь как оборачиваются 2 рубля 43 копейки. Откровенно говоря, какую-то гадливость вызывал у меня человек, который вытягивал пятаки из наших карманов, воровал, может быть, у детей. И присутствующие возмущались: «Руки бы поторвать!». Но опять наше возмущение корректировалось законом: нельзя «дать больше» лишь потому, что подсудимый антипатичен.

В нашей общей работе по воспитанию советского человека, гражданина социалистического государства очень и очень важно привить людям уважение к нормам советского права. И в ряду многих аспектов этой сложной и большой работы воспитание чувства уважения к суду занимает, на мой взгляд, исключительное место. Ведь только суду, и никому другому, предоставлено законом право объявить человека виновным в преступлении, существенно ограничить в качестве наказания его гражданские права. Только через суд в ряде случаев гражданин обеспечивает защиту своих законных интересов, имущественных и других прав.

Суд по своему существу — учреждение, так сказать, негативное. Там не ордена и медали раздают. Там жизнь предстает с изнанки, но это — наша жизнь. Порой — издержки нашего бытия. И очень важно, чтобы суд функционировал так, чтобы всегда во всех наиболее сложных жизненных конфликтах торжествовала Справедливость. Чтобы престиж суда был всегда высок и непоколебим.

Это зависит и от самих судей, в том числе от народных заседателей. И от тех, кто сидит в зале суда. И от тех, кто выбирает судей. И от тех, кто прославляет или критикует суд. От нас всех, граждан своего государства.

Ю. ФЕОФАНОВ

Фото В. ЗИМИНА.

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

НАВОДНЕНИЕ

В первом часу ночи Игорь Васильевич позвонил дежурному по управлению, спросил, нет ли новостей. — Оперативная обстановка спокойная, товарищ подполковник. Пятнадцать минут назад звонили из Зеленогорска... Там один участковый инспектор узнал парня с фотографии. Самарцева. Выяснили, что он живет в Комарове.

— Почему не сообщили?

— Капитан Белянчиков выезжает на место. Я уже послал за ним машину. Он просил не беспокоить вас.

— Заботливые у меня сотрудники, — проворчал Корнилов. — Передайте капитану, чтобы за мной заехал.

Он повесил трубку. Быстро оделся. На кухне мать с Олей сидели за столом, на котором громоздилась гора вымытой посуды, и о чем-то вполголоса разговаривали.

— Пока вы тут судачите, я сгоняю в Зеленогорск. Сейчас Юра заедет...

— Что-нибудь серьезное? — встревожилась Оля.

— У меня несерьезных дел не бывает, — самодовольно сказал Корнилов, но не выдержал, засмеялся. — Похоже, что обнаружили грабителя с Тучкова переулка.

— И тебе ехать, как всегда, обязательно? — спросила мать. — Юра без тебя не обойдется?

— Не обойдется. Я ему сейчас головомойку устрою. Предупредил дежурного, чтобы меня не беспокоили. Видали, забота?

— Юра — разумный человек, — сказала мать. Она любила Белянчикова.

— Вам с Юрой дай волю — вы из меня столоначальника бы сделали. А я еще не такой старый, как вам кажется, — он посмотрел на Олю и подмигнул ей. — А с такой молодой женой я и сам молодею.

— Ты, ради бога, скажи шоферу, чтобы не гнал, — попросила мать. — Дождь, асфальт мокрый.

Когда он вышел из дома, машина уже стояла у подъезда.

— Как в Тучковом, спокойно? — спросил Корнилов Белянчикова.

— Все тихо.

— Рассказывай теперь про Зеленогорск.

Машина выехала на пустынный Кировский проспект. Дождь все еще сеялся, но уже совсем лениво, словно нехотя.

— Как только получили там фотографии Самарцева, один из инспекторов его узнал. Видел в Комарове. Запомнил дом, из которого Самарцев выходил. Дом взят под наблюдение, но точно не известно, там ли сейчас Самарцев.

— От станции далеко?

— Говорят, километра полтора. И от автобусной остановки на Приморском шоссе — километр. Удобное место. А дома там, сам знаешь, все в лесу...

— И что ты решил?

— Нельзя упускать ни одной возможности, — осторожно ответил Белянчиков.

— Значит, брать в этом доме?

— Да, в Тучков переулок он может и завтра не прийти. Может, врал девчонке. И деньги давно в другом месте...

— А если его сейчас там нет? Мы переполошим всех в доме, а преступник где-то рядом? И почувствует, что идем по следу?

Белянчиков промолчал.

Машина выехала из города. Вдали прорезал небо пунктир Ляхтинской радиомачты. Дождь совсем прекратился.

— Эх, вот бы так не за преступником, а за грибами ехать! — мечтательно сказал Корнилов.— Нынче небось соляников полно.

— Вот интересно,— усмехнулся Белянчиков.— Я только что хотел тебе об этом сказать. Да и вообще, ты замечаешь, что такие совпадения бывают часто? Не только у нас с тобой... Телепатия, что ли?

— Не телепатия, Юра. Совсем не телепатия. Просто люди мыслят одинаково.

— Это хорошо или плохо?

— Что же хорошего в стереотипе? Скоро мы совсем стандартными станем, телевизия поможет.

— Вот ты как повернул...— озадаченно протянул Белянчиков и покачал головой.

...Машина въехала в Сестрорецк. Слева дома высились темными утесами. Лишь в одном из них светились рядом несколько окон. Справа, на берегу Разлива горел большой костер, бросая отсветы на перевернутые лодки. Около костра стояли люди. Наверное, рыбаки собирались на утреннюю рыбалку.

Белянчиков сказал шоферу:

— У Дома композиторов притормози, Алексей. Там нас зеленогорские ребята ждут.

Шофер кивнул.

— Юра, ты Мавродина знал? — спросил после недолгого молчания Корнилов. Мысли об умершем старике тяготили его, и на душе словно камень лежал.

— Из Василеостровского, что ли? Знал. Здоровый такой дед... Из паспортного стола.

— Умер. Первым сыщиком когда-то в Ленинграде считался.— Он помолчал немного и сказал: — Любил старик повторять: пока ноги об дорогу не обобьешь, ни одного мазурика не найдешь...

Белянчиков неодобрительно хмыкнул. Он слыл в управлении ярым поборником научных методов розыска и скептически относился к «королям сыска».

На пятидесятом километре Приморского шоссе, у Дома композиторов их ждал газик зеленогорского райотдела. Не знакомый Корнилову молодой майор доложил, что рядом с домом, где видели Самарцева, устроена засада.

— Что будем делать? — спросил Игорь Васильевич.

Майор пожал плечами.

— Мы вас ждали, товарищ подполковник. Сами не решились что-то предпринимать. Засаду вот устроили...

— Засада — это хорошо. А что дальше? Идти с обыском? Ждать утра?

Майор молчал.

— Не стесняйтесь, давайте свои предложения! Вы же лучше нас обстановку знаете.

— Я думаю, надо сейчас нагрянуть. Вдруг он сегодня не ночует. Будем ждать — темп потеряем.

— Молодец, майор,— удовлетворенно сказал Корнилов.— Темп, темп! У нас времени мало осталось. Где тот участковый инспектор, что Самарцева узнал?

— Зуев, давай к нам! — крикнул майор.

Из машины вылез невысокий толстячок в форме. Коротко козырнул.

— Старший лейтенант Зуев.

Похож он был скорее на молодого доктора, чем на милиционера. Круглое мягкое лицо, большие роговые очки.

— Вы узнали Самарцева? — спросил Корнилов.

Зуев кивнул.

— Ошибки быть не может?

— Исключено. У меня зрительная память хорошая. Я этого парня несколько раз у сорок четвертого дома встречал.

— Вы уверены, что Самарцев сейчас ночует там?

— Нет, не уверен.— Зуев говорил очень спокойно.

— А может быть, он в этот дом просто в гости приезжал? — с сомнением спросил Корнилов.

— Нет, он ночевал там,— уверенно ответил Зуев.— Я его однажды рано утром встретил. По дороге на станцию.

— Ну-ну,— пробормотал Корнилов. Чрезмерная уверенность лейтенанта немного смущала его.— Расположение комнат в доме вы хорошо знаете?

— Хорошо.— Зуев вытащил из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

...А через час, простившись с зеленогорцами, Корнилов и Беляничков подошли к своей «Волге», оставленной неподалеку, среди могучих сосен. Проверка дома № 44 по улице Пристанционной ничего не дала. Хозяйка, взглянув на фотографию Самарцева, признала в нем одного из своих постояльцев, но ничего путного о нем рассказать не могла.

— Деньги внес вперед, аккуратный, девчонок не водит. Иногда ночевать не приезжал. Говорил — оставался у бабушки.

Не вернулся он из Ленинграда и на этот раз...

В доме остались дежурить два сотрудника уголовного розыска, но Корнилов понимал, что преступник вряд ли вернется на эту дачу.

Никаких вещей он там не оставил, а времени до отхода одесского поезда оставалось не так уж и много. Если он действительно собрался ехать этим поездом.

«Наверное, собрался,— думал Корнилов. Он не спешил садиться в машину. Стоял среди повлажневших от утренней сырости сосен и смотрел вдаль, в сторону залива. Светало. Тяжелый туман потихоньку расползался, стлался ближе к земле, открывая лесные дали. А из-за леса, с залива, доносились глухие раскаты прибоя.— Если Самарцев не ночевал сегодня здесь — значит, осторожничает, рассчитывает каждый свой шаг, боится случайностей».

Осторожное, расчетливое поведение преступника словно подтверждало предположение Корнилова о том, что он готовится к серьезному шагу. Таким шагом может быть извлечение денег из тайника в Тучковом переулке и отъезд из города.

«Никаких вещичек не оставил, сквозник,— подумал подполковник.— Нет, не зря я все-таки сюда приехал. Сидя в кабинете, я мог бы и упустить такую детальку».

— Ну что, Юрий Евгеньевич, по коням? — обратился он к Белянчикову, молча прислонившемуся к сосне.— Места-то какие, а? Мы с женой частенько сюда наезжаем. С Конюшенной площади на автобусе меньше часа.

— Теперь основная надежда на Тучков переулок,— задумчиво сказал капитан.— Упустим там — втрое попотеть придется.

5

На следующий день Корнилов пришел в управление рано. Вернувшись из Комарова, поспал часик-другой и вызвал машину. Игорь Васильевич и вообще-то любил прийти на работу пораньше, когда нет обычной дневной суеты, и, удобно расположившись в старом кожаном кресле у маленького журнального столика, с удовольствием закурит первую сигарету. Дома подполковник не курил.

Эти утренние полчаса — если не случалось каких-нибудь «ЧП» — Корнилов посвящал тому, что не спеша, рассеянно, перебирая в памяти разные события, как уже свершившиеся, так и грядущие, старался спокойно, на свежую голову их оценить. Иногда в этом калейдоскопе мыслей всплывало что-то очень важное, на что он раньше не обратил внимания, а сейчас вдруг увидел словно заново, свежим взглядом. Эти полчаса всегда были для Корнилова плодотворны: он не испытывал гнета времени, освобождался от него, словно космонавт — от земного притяжения.

В стремительной деловой круговерти, когда наваливались десятки различных дел и приходилось сталкиваться с самыми несходными, порой полярными мнениями, точками зрения и, наконец, со своими собственными разноречивыми ощущениями, немудрено было и ошибиться. Всегда имелась опасность недооценить какое-то событие, и Корнилов знал эту опасность. Так же как он знал и свою слабость — иногда в его воображении какие-то незначительные, проходящие события вдруг вырастали до размеров трагедии и давили на него. Особенно часто это случалось в последние годы. Он неожиданно просыпался среди ночи и долго не мог уснуть. И начинал вспоминать о каких-нибудь мелких, ничемных недоделках, о досадных, но незначительных оплошностях, не попад сказанной днем фразе. Ему казалось, что счет незавершенных дел все растет и растет у него, как сумма непогашенного долга у заурядного растратчика, и уже не остается времени, чтобы оплатить этот счет.

Корнилов досадовал на себя, пил снотворное, но ничего поделать с собой в те предутренние часы не мог.

...Сегодня на листке бумаги, что лежал перед ним, были записаны только четыре слова: «Олег Самарцев, Игнатий Казаков».

С Олегом Самарцевым все ясно. В том, что он преступник, теперь уже никаких сомнений нет. Розыск закручен, ничего, кажется, не упущено, взвешены все возможности. А вот Игнатий Казаков... Неужели он имеет какое-то отношение к ограблению?

Этот вопрос волновал подполковника больше всего.

Туманные намеки деда... Если бы за ними стояло хоть что-то конкретное! На одних неясных ощущениях далеко не уедешь. Подозревая внука в соучастии, Григорий Иванович тут же, ненароком опровергает свои подозрения, утверждая, что хорошо запомнил время, когда Игнатий пришел домой — без двадцати двенадцать. А кассиршу ограбили в двенадцать пятнадцать. Что это? Ошибка, тонкий расчет, плод больного воображения?

Неприятнь деда к внуку бросается в глаза. Редкий случай, но бывает... Может, клевета? Но тогда старик, проявивший завидную наблюдательность, опознав грабителя, назвал бы другое, более правдоподобное время прихода внука домой. Так что же? Непроизвольная ошибка?

Корнилов чувствовал, что его рассуждениям не хватает стройности, но никак не мог понять, в чем ошибается. Очевидная нелепость в утверждении деда не укладывалась ни в какие схемы. А внук? Сказал: «Мы с мамой днем на работе».

«Мы с мамой днем на работе...» Почему он так объединил себя с матерью? Мать приходит после шести, а Игнатий в час. Даже если старик ошибся или соврал и младший Казаков пришел не раньше, а как обычно, в час, он это обстоятельство скрыл. Зачем?

Спроси человека, которому нечего скрывать: когда ты пришел в тот день с работы? Он бы ответил: «Пришел, как обычно, в час». Сказал бы правду.

Пришел в час? Но минут за тридцать-сорок до твоего прихода домой в Тучковом переулке тяжело ранили и ограбили кассира. Неужели ты ничего необычного не заметил?

Честный человек сказал бы: «Конечно, заметил. В переулке стояли милицейские машины и «скорая помощь» (ну, положим, «скорая» могла уже и уехать...), было много народу. Что-то произошло. Потом я узнал...»

А если бы честный человек шел с набережной, он, наверное, тоже увидел бы милицейскую машину. Или людей с собакой во дворе. Если бы там не увидел — обратил бы внимание на машины и людей в переулке, уже придя домой. Окна-то выходят прямо на место происшествия!

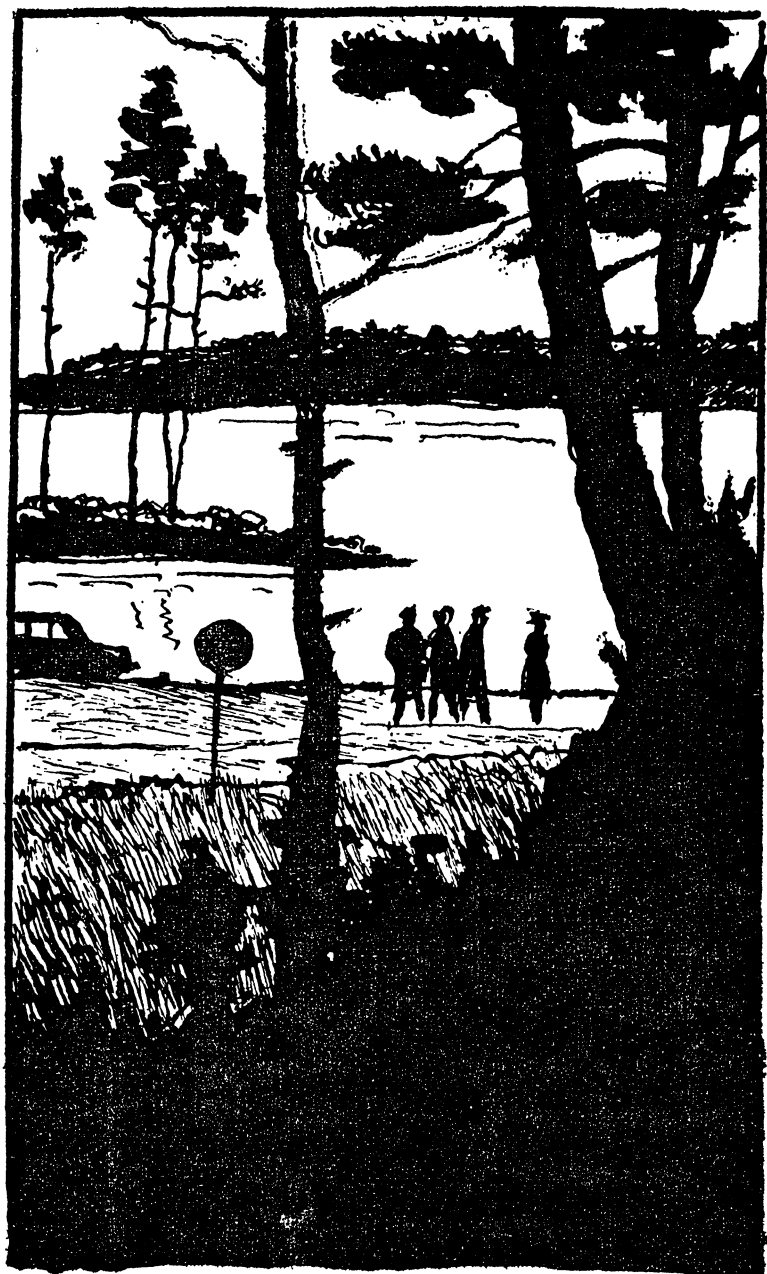
Корнилов вздохнул.

Значит, Игнатий на эти вопросы отвечать не хотел и потому отделался общей фразой: «Мы с мамой днем на работе». Выходит, сказал неправду. И эта его неправда помогла сейчас Корнилову понять, что он, как минимум, видел нападение на кассира, но почему-то усиленно скрывает этот факт. А неправду говорить всегда труднее — надо слишком многое держать в уме, напрягаться. Правду говорят не задумываясь...

Корнилов дописал на листке бумаги: «Проверить в техникуме, когда ушел Казаков».

Умолчание, маленькая ложь внука давали подполковнику повод внимательнее отнестись к подозрениям старика. Оставалось уточнить расхождение во времени.

Бывает так: привяжется, словно репей, какой-нибудь нехитрый мотивчик или несколько бессмысленных слов из песни — и целый день никак от них не избавиться. Делаешь серьезное дело, и вдруг,

в самый неподходящий момент, они готовы сорваться у тебя с языка.

Чем бы ни занимался Корнилов, его неотвязно преследовала мысль об этой путанице со временем. Мог быть Казаков-младший сообщником Самарцева или нет? Если он пришел домой без двадцати двенадцать — значит, нет. Не мог! И тогда все подозрения старика, все его неясные предчувствия — ерунда, бред!

Без десяти одиннадцать подполковник не вытерпел и поехал в Тучков переулок. «Еще один детальный разговор со стариком не помешает,— подумал он.— В конце концов, узнаю, по каким часам он заметил время. Может быть, это какие-нибудь архиерейские часы, которыми и верить-то нельзя?» Перспектива вспугнуть своим приходом Игнатия не волновала Корнилова. Он всегда твердо верил в то, что испуганный преступник скорее обнаружит себя, наделает глупостей. Да и по времени младший Казаков должен был читать лекции в техникуме.

Дверь Корнилову открыла пожилая женщина в строгом черном платье с белым воротничком. Корнилов назвал себя. Женщина кивнула.

— Да, я знаю, что вы были у нас. Что-нибудь случилось?

У нее было бледное, усталое, встревоженное лицо.

— Нет, не беспокойтесь. Я прошлый раз беседовал с Григорием Ивановичем... Он нам очень помог,— сказал Игорь Васильевич.— Осталось кое-что уточнить. А вы его дочь?

Женщина кивнула.

— Меня зовут Анна Григорьевна. Приболела сегодня. Погода такая переменчивая. А у меня давление... Да вы проходите, проходите. Сейчас узнаю, не спит ли папа. Я ведь только что с работы. Еще не заходила к нему.

Оставив Корнилова в большой комнате, она прошла к отцу, плотно притворив за собой дверь. Минуты через две она позвала подполковника:

— Папа вас ждет.

Дед опять сидел у окна, спиной к дверям. Но Корнилов видел его лицо, пытливые, глубоко посаженные глаза и чуть перекошенный приоткрытый рот. Григорий Иванович следил за подполковником через огромное, в резной черной оправе зеркало. В зеркале отражались книжные шкафы, гравюра, висевшая над диваном, и морские часы. Они показывали без пятнадцати час...

«Ну вот, морские часики, дед, и подвели тебя! — подумал Корнилов.— Не мог же я сюда ехать пятьдесят минут! Ведь явно врут!» Он обернулся и несколько секунд смотрел на часы в замешательстве, а потом рассмеялся — на часах было одиннадцать пятнадцать!

Старик развернул свою коляску и смотрел на подполковника с изумлением.

— Здравствуйте, Григорий Иванович! — весело сказал Корнилов.— Я, наверное, изрядно надоел вам? Извините великодушно.

Старик молча показал ему на стул.

— Так в какое время пришел домой ваш внук, Григорий Иванович? В тот день, когда кассира ограбили?

— Без двадцати двенадцать... — растерянно прошептал старик.

— Вы что ж, специально заприметили время?

— Да как вам сказать... Не специально. Дверь хлопнула — а я постою на хронометр. Машинально.

— А что на улице происходило? Вспомните поточнее.

— На улице уже толпа собралась... — старик повернулся к окну, внимательно разглядывая пустынный переулок, словно восстанавливая в памяти события того дня. — Милиция...

— Григорий Иванович, а сейчас сколько времени?

— Сейчас? — старик бросил взгляд в зеркало, но потом повернулся к часам.

— Одиннадцать двадцать.

— А в зеркале, в зеркале, — попросил Корнилов.

Старик недоверчиво посмотрел на Корнилова, потом склонился на зеркало.

— Двенадцать сорок, — на лице его отразилась мучительная работа мысли, рот приоткрылся еще больше. — Вы думаете, — сказал он, — что я...

Игорь Васильевич молчал, внимательно наблюдая за Казаковым.

— Может быть. Может быть... Я так волновался. — Он снова бросил взгляд на часы, а потом посмотрел на них через зеркало.

— Я сказал «без двадцати двенадцать», а было двенадцать двадцать. Ну, конечно.

— Нападение на кассира совершено в двенадцать десять. Падая, девушка ударилась рукой о камень, и часы стали... Ваш внук пришел домой через десять минут.

Старик кивнул. На лице у него было написано огорчение.

— Григорий Иванович, теперь о вашем внуке. Ведь одних совпадений мало, чтобы заподозрить близкого человека в преступлении. Вы думаете, что он способен на такое?

Старик молчал, склонив голову и не глядя на подполковника. Корнилову показалось, что Григорий Иванович не понял его.

— Игнатий Борисович способен совершить преступление?

— Способен, — тихо пробормотал Казаков. — Если он способен отжугулить трояк из моей пенсии, он преступник.

«Ну вот, — вздохнул Корнилов. — Опять семейные дрязги».

— Он жадный. А прочности в нем нет! Дочь с покойником мужем виноваты в этом. Я плавал, годами не бывал дома. Поздно заметил... С пяти лет Игнашка складывал гривенники в копилку. Ему хотелось накопить сто рублей. Спросите, зачем? Да низачем... Просто так. Ведь у него все было! Чтобы поскорее накопить, он говорил матери: «Хорошо бы дед Мороз принес не игрушку, а десять рублей!» И дед Мороз приносил! Вырос — книжки мои тайком стал букинистам сплавлять. Игнашка завистливый. Ему всего хочется. А вы спрашиваете — способен ли... Жадный да завистливый на все способен.

«Ну нет, здесь ты, старик, через край хватил, — подумал Корнилов. — Если бы все жадные воровать стали — конец света!»

Он поднялся и протянул старику руку.

— Желаю вам, Григорий Иванович, поскорее поправиться. Спасибо за помощь.

— А вам — шесть футов под килем! — пробормотал старик.

Анна Григорьевна поджидала Корнилова. Как только он вышел от старика, она поднялась и спросила:

— Отец вас не очень утомил?

— Это я его утомил. Второй день допекаю своими вопросами.

— Ну что вы, отцу приход нового человека — как подарок. Все время один, один.

Анна Григорьевна стояла перед Корниловым, маленькая, сутулившаяся.

— Может, вы присядете на минутку? — вдруг сказала она просительно.

Корнилов кивнул.

Они уселись друг против друга.

— Отец серьезно болен, — начала Анна Григорьевна и тяжело вздохнула. — Инсульт его доконал. Слава богу, теперь действует рука...

Она внимательно посмотрела на Корнилова, словно искала сочувствия.

— Со стариком нелегко. Он стал совсем как ребенок. Постоянно обижается, и без всякого повода. Иногда неделями не разговаривает. Не напишет ни строчки... С ним нелегко, — повторила Анна Григорьевна, покачав головой. — Посудите сами — потребовал поменять квартиру. Чтобы из его комнаты был вид на Неву. Попробуй найти такой обмен! Легко сказать — с окнами на Неву! — в голосе женщины чувствовалась обида. — Нам только и переезжать с нашим неподъемным хламом, — она обвела глазами комнату.

Мебель действительно была старомодной и громоздкой.

Корнилов сочувственно кивнул головой и представил себе старика, сидящего в своем кресле-качалке перед окном, распахнутым на реку. Свежий невский ветерок несет запах водорослей и рыбы, идут по Неве нескончаемым потоком закопченные буксиры с баржами. Мальчишки прямо перед окнами удят рыбу.

— Анна Григорьевна, вы за последнее время не замечали ничего странного в поведении сына? Может быть, он стал более нервным?

Женщина насторожилась.

— Вас интересует Игнатий?

— Да нет... — замылся Корнилов. — Меня, собственно, интересует не он. Но когда я был у вас в прошлый раз, мне показалось, что он чем-то очень взволнован. Что-нибудь случилось?

— Нет, сын всегда был нервным. Даже в раннем детстве, — Анна Григорьевна успокоилась. — Вы знаете, время такое... — она улыбнулась чуть иронично. С горькой иронией. — Несколько дней назад прочитал в газете, что какой-то умник предлагает не платить за ученые степени. А Игнатий заканчивает кандидатскую. Разве можно оставаться спокойным?

— Да, причин для волнений хватает, — поддакнул Корнилов. — Но я имею в виду самые последние дни. Этот случай в переулке, перед вашим окном... Сын, вероятно, волновался?

— Вы знаете, молодой человек, бывают более страшные вещи. Беда иногда как навалится... Моя сослуживица поседела за одну неделю. У сестры обнаружили рак...

Корнилов тихонько вздохнул. Говорить с этой женщиной было нелегко. А перебивать ее он не решался. Еще обидится — тогда вообще не дожدهшься ни слова.

— Вот вы спрашиваете о сыне. Еще десять лет назад я могла бы вам о нем что-нибудь рассказать. А что я знаю теперь? Что я знаю... Ах! — она безнадежно махнула рукой. — У молодежи свой мир! Нас, стариков, в этот мир не пускают. Игнатий поссорился с невестой — лучшей жены для него я бы и не хотела! — и представьте себе, я не могу узнать из-за чего! — Анна Григорьевна помолчала немного. Потом спросила: — Может быть, вы стаканчик чаю выпьете?

— Нет, благодарю. Мне пора идти.

— Каждая мать скажет про своего двадцатипятилетнего сына, что у него в поведении много странностей... И у Игнатия есть странности. Зачем далеко ходить? Вчера у нас состоялось бурное объяснение, — она посмотрела на Корнилова с тревогой. — Вы только Игнатию ничего не говорите.

Игорь Васильевич кивнул.

— Он всегда был таким расчетливым мальчиком, не шиковал, соразмерял свои запросы с возможностями. Вы не подумайте, что Игнатий скарред. Нет, нет! Он разумный мальчик. Когда они задумали пожениться, Игнатий начал откладывать деньги на кооператив. И вдруг я вижу, что он снял со сберкнижки пятьсот рублей! Зачем? Оказывается, кутил с кем-то. С каким-то старым другом. Купил себе золотой перстень! Вы себе только представьте — золотой перстень! Что он, девица, что ли? И это делает Игнатий, который никогда лишней копейки не истратил. А может быть, он считает, что золото подорожает? Вы должны знать! Подорожает?

— Не знаю, — улыбнулся Корнилов. — Наверное, не подорожает.

— Вот видите! Значит, не подорожает. К чему тогда этот шик? А это уж* совсем семейное дело. — Анна Григорьевна перешла на шепот. — Но вам я скажу, у вас глаза честные. Как он всегда воюет с дедом из-за того, что тот половину своей пенсии на сигары тратит! Это, ведь правда, блажь? У деда большая пенсия — сто двадцать рублей. Мог бы помочь Игнатию с кооперативом...

«Ну и семейка! — подумал Корнилов, когда Анна Григорьевна затворила за ним дверь и на лестнице, как и в прошлый раз, гулко лягнул наброшенный на петлю крюк запора. — Как только они уживаются под одной крышей? Попробуй разберись, где ложь, а где правда?»

Игорь Васильевич торопился и в подъезде чуть не сшиб с ног молодую женщину. Извинившись, он посторонился и придержал дверь. Пропуская ее в дом, он успел заметить, что глаза у женщины заплаканные.

На улице порывистый ветер пытался сорвать у него с головы шляпу. Растрепанные облака стремительно неслись по небу, приоткрывая иногда на момент полоску яркой холодной сини и выпуская на волю бледный трепетный лучик осеннего солнца. Лучик пересекал мостовую и, тускло блеснув в лужах, снова исчезал.

— Товарищ! — услышал Корнилов за спиной женский голос.

Игорь Васильевич оглянулся. Женщина, с которой он только что столкнулся в подъезде, догоняла его.

— Товарищ! Мне нужно поговорить с вами. — Она остановилась, слегка запыхавшись, и глядела на Корнилова решительно и даже с

вызовом. Но подполковник заметил, что ее руки, сцепленные на груди, нервно сжимают платочек.

Он ласково улынулся, зная, чего стоят эти вызов и решительность, готовые через секунду обернуться слезами.

— Что случилось?

— Мне нужно поговорить с вами,— повторила женщина. Ей было лет двадцать пять, не больше. Полное, милое лицо, большие испуганные голубые глаза.

— Вы ведь из милиции? Мне дед сказал.

— Какой еще дед? — спросил Игорь Васильевич, уже догадываясь.

— Казаков. Дедушка Игнатия.

— Там, на проспекте у меня машина,— не замедляя шага, сказал подполковник,— поговорим в дороге.

Она чуть ли не вприпрыжку семенила за Корниловым, гулко цоккая каблучками по плитам тротуара.

В машине она растерянно посмотрела на шофера.

— Рассказывайте. Это наш сотрудник. И назовите себя. Не люблю беседовать с незнакомыми.

— Документы не надо предъявлять? — с вызовом бросила женщина и, смутившись, покраснела.

— Алексей, поехали,— попросил Корнилов шофера.

— Я преподаю вместе с Игнатием Казаковым. Он черчение, а я литературу. Ах, да, все-таки надо представиться. Наталья Сергеевна Истомина...

«Симпатичная женщина,— подумал Корнилов.— Какие глаза хорошие. Добрые».

— А вы, правда, из милиции? — вдруг насторожилась она.— Товарищ Корнилов?

Игорь Васильевич кивнул.

— Я с Игнатием знакома очень давно. Мы еще в школе вместе учились. Должны были пожениться. Этой осенью,— она неожиданно всхлипнула, но справилась с собой.— С Игнатием случилась беда. Мы с дедом в этом уверены.

— Вы знаете, что дед говорит и стал лучше слышать?

— Знаю. Это все знают.

— Как это все? — удивился Корнилов.— Он же скрывает от внука и от дочери.

Наталья Сергеевна досадливо махнула рукой.

— Старик скрывает, а они давно обо всем догадались, только виду не подадут.

— Что за чертовщина? Зачем это им надо?

— Так проще... Они считают, что так проще,— поправилась Истомина и болезненно сморщилась: — Ой, да не в этом дело! Вы понимаете, понимаете...— что-то мешало ей говорить.— Мы с дедом думаем, что Игнатий замешан в ограблении кассира,— наконец выпалила она.— Это ужасно. Вы не подумайте, что он способен ударить ножом и ограбить. Но он замешан в этом деле. Я чувствую...—

она заплакала, судорожно сцепив тонкие пальцы, не стесняясь ни Корнилова, ни шофера.

Наконец она справилась с собой и только тихонько всхлипывала. — Мне старший Казаков говорил о своих подозрениях. О том, что внук пришел домой сразу после ограбления, что был очень взволнован... Но ведь этого мало, чтобы подозревать человека. Особенно человека, с которым долго знаком?

— Вот-вот,— она горестно покивала головой.— Я его очень давно знаю, а таким никогда не видела...

— А вы, Наталья Сергеевна, говорили с Игнатием? Напрямую?

— Говорила,— голос Истомина был полон горечи.— Я ему прямо сказала о своих подозрениях. Сами понимаете, что деда здесь нечего впутывать.

— Ну, а он?

— Кричал, что это не мое дело, что я мешаю ему жить! Дошел до того, что грозился повеситься, если не перестану приставать,— она снова всхлинула.— А потом разревелся, как баба, и просил прощения. «Как тебе в голову могла прийти эта чертовщина!»

— Ну, а действительно, как? — не унимался Игорь Васильевич.— Ведь того, что вы мне рассказали, совсем недостаточно... Слишком тяжелое обвинение.

— Это не сейчас началось. Почти год назад. В ноябрьские праздники мы заказали столик в «Бригантине». Несколько преподавателей. Танцевали, веселились. А потом к нашему столику подсел один старый приятель Игнатия. Они когда-то жили в одном доме. Виктор. Я фамилии его не знаю. Игнатий его Виктором называл. Это, наверное, не интересно?

— Мне все интересно,— сказал Корнилов.— Такая служба.

— Ну вот. Виктор этот уже изрядно пьян был. Обнимались они с Игнатием, целовались. Назакзывал Виктор еще коньяку, закусок. Всех поил,— она на минуту задумалась, потом сказала: — Официант его тоже Виктором называл. Платил за все он. А потом потащил нас в бар. Цыган там пел под гитару. Виктора и здесь знали. Не знаю, как он расплывался, но только, когда мы из бара уходили, барменша нас до дверей проводила, а Виктор ее в щеку поцеловал.

Машина свернула с Литейного и притормозила на площадке перед зданием Главного управления внутренних дел.

— Приехали,— прервал Корнилов Наталью Сергеевну.— Сейчас поднимемся ко мне в кабинет и там продолжим.— Он уже понимал, что расплывчатые подозрения по поводу Игнатия Казакова начинали приобретать конкретные очертания.

Они поднялись на четвертый этаж. Варвара проводила Истомина заинтересованным взглядом и вопросительно посмотрела на Корнилова.

— Ничего срочного, Варя?

— Белянчиков спрашивал.

— Пусть зайдет через пятнадцать минут.

Он усадил Истомина в кресло и сам уселся напротив в такое же старенькое облезлое кресло, а не за стол, как обычно.

— С этим Виктором Казаков встречался еще? — спросил он, приглашая Истомуину продолжить рассказ.

— Наверное, — вяло отозвалась она, словно собиралась с мыслями или думала о чем-то совершенно другом. — Наверное, встречался. Они договорились. Но дело не в этом. Этот Виктор очень плохо повлиял на Игнатия. Его будто подменили.

Когда мы сидели в баре, Виктор расспрашивал Игнатия о жизни. Мы рассказали, что скоро женимся. Игнатий ему с гордостью сказал о том, что пишет диссертацию. «И сколько ты будешь огребать, Казак, когда тебя увенчают лаврами?» Игнатий ему сказал, что если получит доцента, то двести восемьдесят. «И будешь со своей милашкой плодить нищих?» Он все время употреблял жаргон! — с возмущением сказала Истомина. — И ругался при мне матом. А Игнатий его не останавливал. «А я могу эти двести восемьдесят здесь за вечер оставить», — сказал Виктор.

Потом мы поехали на такси к нему домой, куда-то за кинотеатр «Гигант». С ним молодая девчонка, лет восемнадцати. Смазливая. Квартира у этого прощелыги... Я никогда еще не видела такой чудовищной смеси роскоши и мещанства... Старинная мебель, какие-то стереофонические системы, пластинки и книжки с голыми женщинами. И всюду, где только можно, хрусталь — вазы, вазы, вазы... Десятками, словно на выставке. А одна стена завешана старинными иконами. Опять они пили, вспоминали детство. Игнатий все спрашивал Виктора, откуда у него это богатство, где он работает. А тот, знай, похохатывал да подливал Игнатию коньяк. Мне стало страшно. Я Игнатия никогда таким не видела, он как больной сделался. Глаза горели, руки тряслись, когда он эти журнальчики похабные листал. А хозяин, хоть и пьян, а все видит. И подкладывает Игнатию разные красивые вещи. А где работает, не говорит. Смеется: «Мы с тобой еще все обсудим». Тут пришла эта девчонка. В халатике. Она в ванной мылась, что ли. Виктор спрашивает: «Игнатий, как киска, нравится? А какие формы? Киска, покажись моему другу!» И представляете, она распахивает халатик и крутится перед нами голая! Тут я не выдержала, схватила Игнатия за руку и сказала: «Хватит. Уходим». И Игнатий словно протрезвел. Встал вслед за мной. Виктор совсем пьяный. Кричал вдогонку: «А я хотел тебе киску подарить». Мы ушли, но Виктор дал Игнатию свой телефон. Я видела, бумажку сунул. Они наверняка встречаются. — Истомина замолчала и вопросительно посмотрела на Корнилова, ожидая, что он скажет.

Корнилов молчал.

— Эта роскошь, эти деньги — откуда?! Ведь это все украдено! Такое не приобретешь честно. Виктор нигде не работает... Я уверена. Он вор! А Игнатия с тех пор не узнать. Забросил свою диссертацию, стал нервным, злым. И деньги у него появились. Он ни о чем другом не хотел говорить, кроме как о деньгах, о материальном благополучии. То предлагал продать все старинные гравюры, что висят у деда, то дедовы книги. То собирался с кем-то поехать в Архангельскую область скупать у колхозников старинные иконы. Деньги, деньги, деньги... Это же наводнение какое-то! Он стал избегать меня, и с дедом начались контры, — она безнадежно махнула рукой. — Ну, что вы молчите? Это все несерьезно?! Женские бредни?

— Очень серьезно, Наталья Сергеевна. Очень. Мы во всем тщательно разберемся. Но какое отношение ко всему, что вы рассказали, имеет ограбление в Тучковом переулке?

— Как? Вам не понятно? — искренне удивилась Истомина. — Виктор наверняка ограбил кассиршу, а этот хлюпик Игнатий помог ему. Товарищ Корнилов, ну как же это вышло? Он вырос в культурной семье, получил высшее образование... И стал преступником? Так же не бывает — был хорошим, стал плохим! Вы должны ему помочь!

— Должны, должны, — пробормотал Корнилов, а сам подумал: «Ты, девочка, задаешь мне вопрос, на который трудно ответить. Был хорошим, стал плохим. Почему? Я вот столько лет в уголовном розыске проработал, а как часто становлюсь в тупик, когда мне такой вопрос задают. Мы обратную сторону луны лучше знаем, чем душу человека...»

— На образование вы зря уповаете, Наталья Сергеевна. У нас ведь, когда говорят «образование», как правило, имеют в виду сумму знаний, которые человек в институте получил. А сумма знаний — это еще не мировоззрение!

Теперь молчала Истомина.

— Я читал где-то — образование нужно понимать как образование человека. И задача стоит перед школой не просто научить человека чему-то, а образовать, создать его. Создать человека! А мы вот просвещением больше занимаемся. Министерство так и называется — министерство просвещения.

Корнилов поднялся с кресла и достал из стола несколько фотографий, среди которых была фотография Самарцева. Подал пачку Истоминой.

— Наталья Сергеевна, среди этих людей вы никого не узнаете?

Она смотрела очень внимательно, медленно откладывая снимки на стол. Положив последний, подняла на Корнилова глаза и показала головой:

— Нет. Я никого из этих людей не видела.

— А Виктора здесь нет?

— Нет, это очень приметный хлюст. С небольшими усиками...

— Да ведь усы можно и сбрить.

— Нет, Виктора здесь нет, — сказала Истомина твердо.

— Вы не помните его адрес? Той квартиры, куда вы ездили в прошлом году?

— Точно не помню, но могу отыскать этот дом.

— Вы не откажетесь сейчас написать то, что рассказали?

— Нет, конечно. Время у меня есть. Я перенесла свои лекции.

— Прекрасно. Вы сядете за стол в приемной и все спокойно напишете. Сочинение на вольную тему, — улыбнулся Игорь Васильевич. — Вы же преподаватель литературы!

Истомина не поддержала его шутку, нахмурилась.

Корнилов вздохнул и повел ее в приемную, к Варваре. Но прежде чем открыть дверь из кабинета, остановился и спросил:

— Вы что же, Наталья Сергеевна, верите в такое мгновенное перерождение человека?

Истомина опустила глаза.

6

тпустив Истомину, подполковник позвонил в Василеостровский райотдел Алабину. Справился, нет ли чего нового.

— Все тихо, товарищ подполковник,— доложил Василий.— Мне товарищи из Тучкова переулка каждый час докладывают.

— Смотри, Василий! У Самарцева мало времени осталось. Он до отхода поезда обязательно там побывать должен. К вечеру надо усилить засаду.

— Вы, товарищ подполковник, не приедете?

— Приеду.— Корнилов еще вчера решил участвовать в операции. Слишком серьезное было преступление.— Я сейчас еще бываю на месте. Пройдусь засветло... Ты приезжай, согласуем все окончательно. Машину я у Тучкова моста оставляю...

Игорь Васильевич не спеша прошел по переулку, по двору, стараясь запомнить поточнее расположение подъездов, дверей в подвалы, сарайчиков. Двор выглядел мирно.

Алабин ждал Игоря Васильевича в машине на набережной. Смотрел задумчиво на мальчишек, удивших рыбу. Шофер дремал, свернувшись калачиком, положив под голову волосатый кулак.

Корнилов постоял немного у парапета рядом с мальчишками. Поплавки нервно мотались в самом центре огромного маслянисто поблескивающего пятна мазута. Воды было много, она уже подобралась к чугунной ограде набережной. Напротив, на другом берегу, рядом с освещенным солнцем нарядным зданием Тучкова буяна, нескладно громоздились постройки научно-исследовательского института.

— Ни чешуи, ни рыбы! — пожелал мальчишкам рыбацкого счастья Корнилов, садясь в машину.

Младший посмотрел на него исподлобья, сердито, а старший улыбнулся. Сказал:

— К черту!

Около Военно-морского музея Корнилов попросил шофера остановиться.

— Давай, Василий, заглянем в «Бригантину». Наведем справки об одном деятеле по имени Виктор да заодно пройдемся пешочком...

Они отпустили машину и, перейдя улицу, не спеша двинулись по мосту Строителей.

Игорь Васильевич опять вспомнил о Мавродине и, в который уже раз, пожалел, что не был у него на похоронах. «Да что похороны, просто последний долг,— подумал он.— А вот за то, что я его при жизни забыл, нету мне прощения».

— Мавродин-то от чего умер?

— Сердечник, говорили,— как-то безразлично, как показалось Корнилову, ответил Алабин.— Да ведь он совсем старый был...

— Старый? Это в шестьдесят пять — совсем старый? — недовольно сказал Корнилов.

— Я его не знал, товарищ подполковник,— в голосе Алабина

чувствовались нотки оправдания.— Только на похоронах и увидел. Он же пять лет как в отставку вышел.

Да, пять лет уже прошло, как проводили майора Мавродина на пенсию. Корнилов долго хлопотал тогда, чтобы Мавродину дали однокомнатную квартиру. На новоселье у него побывал, да и потом заезжал чуть не каждый месяц. Но вот за последние полгода не навестил ни разу. Сначала не позволяли дела — приходилось допоздна задерживаться в управлении, а майор жил далеко, на Средней рогатке. Потом Корнилов около месяца проболел... Потом нахлынули новые заботы. Он все откладывал и откладывал поездку к Мавродину. Вспоминая о нем, ругал себя, обзывал бесчувственным сухарем, но все никак не мог выбраться. И начал как-то непроизвольно, вроде бы даже незаметно для самого себя придумывать отговорки и оправдания. Ему казалось, что он будет испытывать неловкость от того, что здоровый, в расцвете сил появится у больного, немощного Мавродина. Придется, напустив на себя беззаботный вид, болтать о всяких пустяках, чтобы, не дай бог, не показать жалости и сострадания. А майор — мужик умный, он все поймет, и ему будет неловко. И вот Мавродина нет, и какими же глупыми и смешными кажутся теперь Корнилову попытки оправдать собственную черствость...

— А вы, товарищ подполковник, его хорошо знали?

— Хорошо. Майор моим крестным отцом был.

— Крестным отцом?

— Ну да... Я когда в угрозыске начинал, он меня, салажонка, однажды от пули грудью защитил. Когда Горького Эдика брали в Рыбцком. Слышал про такого?

— Слышал. Нам про этого Эдика еще в университете рассказывали.

Они свернули с моста направо, пошли по набережной к стройному белому паруснику, стоявшему между Петропавловской крепостью и Мытнинской набережной. На этом паруснике уже года три как был открыт ресторан «Бригантина». Корнилов много слышал о нем, но никогда там не бывал. Вечером попасть в «Бригантину» было невозможно — ресторан считался самым модным в городе. Корнилов вдруг подумал о паруснике с сожалением: когда-то вольной белой птицей бороздил моря и океаны, а теперь пришвартовали намертво, продымили жареным мясом, чесночным соусом с цыплятам-табака, и прожигают теперь на паруснике жизнь развязные, благополучные, не первой молодости «мальчики» вроде Виктора со своими слишком смелыми подружками...

...На «Бригантине» они пошли в бар. Сели на высокие стулья перед стойкой. В баре было пусто. Барменша, чуть-чуть полноватая крашенная блондинка, подняла голову и снова склонилась над своими бумагами. Лицо у нее было миленькое, но какое-то бесцветное и сонное. Про таких обычно говорят: женщина неопределенного возраста. Ей можно было бы дать и тридцать, и сорок... Она не подходила минут пять. Корнилов не выдержал и слегка постучал зажигалкой по черной стойке.

— Что будете пить? — спросила барменша, не поднимая головы.

— Не очень радушно вы встречаете гостей.

Наконец-то она встала из-за стола и подошла. Положила перед ним карту.

— Нам апельсиновый сок со льдом,— попросил Корнилов.

— Сок ходят пить в мороженицу,— в ее голосе чувствовались безразличие и лень.— Могу налить сок с водкой.

— А одного соку нельзя? — сердито спросил Алабин, но Корнилов положил ему руку на плечо и сказал покорно:

— Налейте. Только, может, у вас есть джин?

— Нету джина.

— Ну, хорошо, давайте водку. Только налейте ее отдельно. А в сок побольше льда.

Она налила соку в высокие стаканы, не торопясь заполнила их льдом. Когда барменша брала стакан, он звякал о большой золотой перстень, красовавшийся у нее на руке. Поставив перед Корниловым и Алабиным стаканы с соком и рюмки с водкой, барменша снова села.

— А мы вас еще хотим побеспокоить,— сказал Корнилов.

Барменша молча подняла голову.

— У нас к вам короткий служебный разговор.

— На службе я веду только служебные разговоры,— сказала она строго, но из-за стола все-таки встала и подошла к ним. Что-то в словах Корнилова ее насторожило.

— Вас как зовут?

— Алиса.

— Алиса?

Она покраснела и сказала подчеркнуто строго:

— Алиса Петровна.

— Алиса Петровна, мы работники уголовного розыска,— Игорь Васильевич вынул удостоверение,— хотели бы поговорить с вами.

— Пожалуйста...— растерянно отозвалась барменша.

— Нас интересует один молодой человек... Он ваш частый гость.

— Мой?

Корнилов улыбнулся.

— Не ваш личный... Он в баре часто бывает и в ресторане.

— А-а-а,— выдохнула Алиса Петровна.— Ко мне лично никто не ходит.

— Мы не знаем его фамилии, только имя. Друзья его Виктором зовут.

— Виктор? Ах, Виктор! — барменша как-то суетливо покрутила головой.— Виктор. Да вот он в зале, напротив дверей сидит...

Корнилов не спеша обернулся. За маленьким столиком, откинувшись на низкую спинку мягкого кресла, полулежал молодой человек. «Человечек» — именно это слово первым пришло на ум подполковнику, когда он увидел Виктора. Пшеничные волосы непокорной копной торчали вверх, а личико... Какое-то приплюснутое, с двумя глубокими морщинами у рта. И странные губы — толстые, чуть-чуть собранные в мелкую складочку, они придавали лицу выражение беспредельного равнодушия, даже не равнодушия, а равнодушной презрительности ко всему на свете. Маленький курносый нос и усы еще больше подчеркивали это. Это был не Самарцев.

— Он официант? — тихо спросил Игорь Васильевич.

Такое кричаще презрительное выражение могло быть лишь у недалекого человека, который, будучи о себе весьма высокого мнения, вынужден каждый день кому-то услуживать. А сейчас, как ему казалось, услуживали ему.

— Да, да,— шепнула барменша.— Виктор работает в «Метрополе».

— А как вы думаете, чего он один сидит? Ждет кого-нибудь?

— Ждет. Девочку свою ждет. Он сегодня от смены свободный.

— А девочка?

— Что девочка?

— Она у него постоянная? И тоже от смены свободная?

— Разные с ним приходят. Но чаще других одна. Только она не официантка. Он ее киской зовет. Ой, вы знаете, он так на нас смотрит... Наверное, догадался, что мы о нем говорим.

— Ничего, ему полезно поволноваться. А с друзьями он здесь встречается?

— И мальчики с ним бывают,— Алиса Петровна отвечала тихо и старалась не смотреть в сторону Виктора.

— Виктор — человек с деньгами?

— Он же в хорошем ресторане служит. Они там все при деньгах.

Корнилов спрашивал, но сам не очень верил в то, что эта женщина отвечает откровенно. Ее недомолвки говорили подполковнику значительно больше. Правда, и к самому Виктору жгучего интереса он теперь не испытывал.

«Нет, этот человечек не способен в открытую напасть на кассира,— думал подполковник.— Если он и обогащается, то каким-нибудь другим способом. Заставить свою квартиру хрустальными вазами — вот в это я могу поверить... Неужели этот Виктор мог хоть как-то повлиять на Игнатия Казакова?»

— Он часто здесь бывает?

— Да. То есть не очень... Ведь как считать.— Алиса Петровна выглядела растерянно.

Подошли два парня, уселись у стойки, закурили, нетерпеливо поглядывали на барменшу. Один из них не вынес и минутного ожидания. Негромко позвал:

— Али-и-са.

Она виновато улыбнулась.

— Я на минутку?

— Джин с апельсиновым,— попросил парень.— Как всегда.

— Сейчас, мальчики. Быстренько,— она налила в бокалы сок, кинула несколько льдышек и вытащила из-за стойки бутылку с джином. И тут, видимо, только вспомнила, что десять минут назад сказала двум другим посетителям, что джина нет. А посетители оказались из уголовного розыска. Она покраснела до корней волос, на нее было просто жалко смотреть. Но тут же, справившись с замешательством, налила джина парням в бокалы.

— Ну и стержочка,— шепнул Алабин.— Чего она теперь нам скажет?

— Эх ты, Вася, такая женщина найдет что сказать,— ответил Корнилов.

Он вдруг вспомнил Олю и усмехнулся. Даже представить себе не мог ее здесь, за стойкой. И Варвару, секретаршу отдела,— тоже.

«Есть люди, совершенно не совместимые с некоторыми профессиями,— подумал Корнилов.— Я, например, никогда бы не смог стать официантом. Грузчиком, сторожем — пожалуйста, но не официантом».

— Вы уж извините меня,— подошла к ним Алиса Петровна. В глазах у нее, ну, просто слезы стояли.— Совсем забыла про джин, думала, весь кончился, а сейчас полезла за водкой и наткнулась... Может быть, вам налить? Водку вы так и не пригубили?

— Не надо нам ничего наливать,— сказал Корнилов.— К вам много таких...— он хотел сказать «молокососов», но сдержался,— таких молодых людей ходит?

— Да, вы знаете, вечером здесь яблоку негде упасть. Очередь стоит,— барменша стала словоохотливой. Наверное, думала загладить свою оплошность с джином.— И что меня поражает — девочек молодых много. Такие пигалицы. Пьют коктейли, курят... И так — чуть ли не каждый день. Я же вижу. А ведь все это больших денег стоит,— она кивнула на ряды бутылок с ликерами и коньяками, красовавшихся на полке.— Самый дешевый коктейль — рубль сорок. Откуда такие деньги?

«У кого откуда,— подумал Корнилов, скользнув взглядом по ее тяжелым золотым сережкам и резному, с чернью, перстню.— Для человека нечестного и коктейли, наверное, дело прибыльное».

— А что за народ ходит?

— Все больше студенты...

Корнилов поднялся.

— Получите с нас...

На улице Алабин спросил подполковника:

— Игорь Васильевич, а не надо было с этим «жоржиком» поближе познакомиться?

— Сейчас нам на него нечего время терять. А ребятам из Дзержинского райотдела я задание дам. Пусть завтра займутся. По опыту знаю — настоящий бандюга так афишировать свое благосостояние не будет. Виктор, видать, на чаевых «созрел». Да еще спекулирует по мелочам. Ничего, он от нас не уйдет.

7

В восемь часов Корнилов достал из стенного шкафа старенькую кепку и прорезиненный плащ. Кепку эту он держал для особых случаев и, когда ехал на задержание или еще на какие ответственные дела, всегда надевал. Примета не примета, а надевал всегда. Даже зимой, если мороз был не очень сильный.

Постояв в нерешительности у сейфа, он подумал: брать или не брать пистолет. Решил брать. И вдруг у него мелькнула мысль, которой он сам удивился: «А если меня этот кретин ухлопает? Вот уж не ко времени! Всего год прошел, как мы с Олей поженились...»

Раньше, даже в самых трудных переделках, Корнилов никогда не думал о смерти.

Он усмехнулся и попытался отогнать эту мысль, но она не ушла. И уже идя по длинному коридору управления, Игорь Васильевич подумал опять об Оле и о себе. И о том, случись что — какой удар был бы для нее.

И прежде чем окончательно отогнать эту мысль, утопить ее в водовороте других, он успел еще посмотреть на себя как бы со стороны и удивиться. «Наверное, постарел,— решил Корнилов.— И стал чересчур сентиментальным. Или любовь так к сантиментам располагает?»

У спуска к воде, напротив Летнего сада, волны выплескивались на набережную прямо под колеса машин. В кромешной тьме где-то на середине реки за пеленой дождя быстро двигались огоньки — красный и белый. Наверно, шел буксир.

Игорь Васильевич любил Неву. И сонную, пахнущую водорослями — с тихим, мерным шорохом омывающую гранитные ступени набережной ранним летним утром; и тревожную — взлохмаченную резким осенним ветром; и торжественную — наполненную хрустальной мелодией умирающего ладожского льда в майские праздники.

В детстве отец водил его по воскресеньям к Неве, на набережную Лейтенанта Шмидта. Хоть и жили они на набережной, в эпронском доме, но здесь Нева была парадной, наглухо одетой в гранит, и буксиры с гонками барж шли посередине, не приставая к берегам. А за мостом Лейтенанта Шмидта, у широкого, замощенного базальтовой плашкой спуска к воде мерно покачивались пришвартованные корабли.

Отец всегда садился на один из чугунных кнехтов, а Игорь стоял рядом. Они подолгу наблюдали за тем, как плавно и размеренно течет жизнь на кораблях, вслушивались в перезвон склянок. Из камбузов пахло щами, свежим хлебом, на леерах сохли тельняшки и льяльные роботы... Наверное, с той поры в Корнилове навечно поселилась любовь к пароходам, к Неве, ко всему, что связано с морем, и при виде уходящего в море теплохода где-то в глубине души всегда оживала легкая зависть.

Повзрослев, Корнилов понял, что и отца гнала на Неву неудовлетворенная мечта о больших плаваниях. Он работал в Эпроне водолазом и дальше Кронштадта никуда не уходил.

Машину Корнилов оставил на Среднем проспекте, рядом с Тучковым переулком. Огромные, в два обхвата, тополя на бульварчике глухо гудели от шквального ветра. Летели на землю сухие сучья, кружилась пожухлая листва. Неоновая лампа одного из фонарей, спрятавшаяся высоко в ветвях, то гасла, то вновь загоралась и, долго мигая, суховато потрескивала. Бульварчик был пуст, редкие прохожие виднелись в стороне Съездовской линии. Игорь Васильевич поплотнее натянул кепку и поежился. Осенью от промозглого холодного воздуха даже теплая одежда спасти не могла, не то что плащ. Корнилов пошел по переулку и свернул в знакомые ворота. Лампочка в подворотне не горела. Это могло быть случайностью — мало ли перегорает их в самое неудобное время! Но мог разбиться и преступник. Корнилов подосадовал, что сейчас уже не проверишь, разбита лампочка или перегорела. Во дворе было светлее — во многих окнах горел свет, да отбрасывали тусклые желтые круги закованные в проволочные сетки лампочки над дверями подъ-

ездов. Он не спеша пересек двор, стараясь поточнее запомнить расположение подъездов, сарайчика, в котором хранили свой скраб дворники, обитого старым железом гаража, где стояла инвалидная коляска одного из жильцов. Все это он видел уже не раз, но темнота преобразила двор, к ней надо было привыкнуть, чтобы потом действовать быстро и уверенно.

В правом углу двора находилась еще одна дверь, черный ход дома двенадцать по набережной Адмирала Макарова. Отсюда можно было попасть прямо к Неве. Корнилов вошел в дом и позвонил три раза у маленькой, обитой белыми рейками двери. Ему открыл Вася Алабин.

— Проходите, товарищ подполковник,— сказал Алабин шепотом, словно кто-то мог их услышать, и пропустил Корнилова в темную прихожую. Это была квартира дворника. Небольшая, узкая, как пенал, комната выходила окном на набережную, а кухня — во двор. Лучшее место для наблюдения и придумать было нельзя.

Корнилов прошелся по квартире. Постоял перед окном в кухне. Весь двор отсюда был как на ладони, было видно каждого, кто шел через подворотню с Тучкова переулка. Игорь Васильевич снова подосадовал, что там не горит лампочка.

— Не знаешь, что там со светом случилось? — спросил он Алабина.

— Лампочку разбили. Я еще днем обратил внимание.

— Больше ничего подозрительного?

— Камилыч говорит, что в подвале с трех сараев замки поскивали,— сказал старший лейтенант и показал на дверь с железным навесом в противоположной стороне двора.

— Кто такой Камилыч?

— Это дворник, товарищ подполковник. Простите, я забыл, вы ведь с ним не знакомы. Его Раис Камилыч зовут.

Они прошли в комнату. Здесь было очень очень душно и стоял неприятный, как и в кухне, запах пережаренной рыбы. Света не зажигали, и Корнилов больно стукнулся коленкой, наткнувшись на стул.

На окне висели беленькие занавесочки, и подполковник раздвинул их. Поднял шпингалеты у окна, потом открыл. Сильная струя свежего воздуха ворвалась в квартиру. Звякнула люстра над головой.

— Ты, Василий, на кухне у окна шпингалеты подними,— сказал Игорь Васильевич Алабину.— Чтобы потом время не терять, а махнуть на улицу из окошка.

Старший лейтенант двинулся на кухню.

— Двери не закрывай. Если что-то интересное — свисти тихонечко.

Корнилов поставил стул в простенке у окна и сел поудобнее. Отсюда были видны часть набережной и люди, идущие по тротуару вдоль дома, а главное — все, кто выходил и входил из дома. На набережной, напротив парадной стоял большой автокран. В его кабине, делая вид, что дремлет, дежурил Белянчиков.

Сначала Корнилову показалось, что в доме стоит гробовая тишина. Потом, привыкнув к тишине, он услышал негромкие звуки роаяля — за стенкой кто-то неустанно барабанил «собачий вальс»,

повторяя его снова и снова. Откуда-то слышался приглушенный могучими стенами старинного дома детский плач.

Потом рядом громко заиграла джазовая музыка, время от времени раздавались взрывы хохота, крики.

«Гуляют, что ли?» — подумал Корнилов, прислушиваясь к напористой, ритмичной мелодии полузабытого фокстрота «Рио-рита». Он чуть-чуть высунулся из окна. Совсем рядом нависал балкон второго этажа, виднелись чугунные перила. Узкая полоска света выхватывала из темноты какие-то большие баки, эмалированное ведро, покрытое полиэтиленом.

Вскоре музыка смолкла и стали слышны возбужденные голоса, доносившиеся из комнаты, звуки передвигаемых стульев. Наверное, гулявшие уселись за стол.

В какой-то момент все стихло, и Корнилов услышал глухие всплески волн, ударявших в гранит набережной и с шипением разливавшихся по дороге. И тут же эти звуки утонули в тревожном завывании сирен пожарных машин. Мигая синими огоньками, два красных автомобиля промчались перед окнами и остановились, не доезжая Тучкова моста. Пожарники начали возиться возле люков. Устанавливали гидранты, разматывали шланг.

На балконе с противным, протяжным скрипом раскрылась дверь.

— Лева, Л-е-в-ва! Ты что, с ума сошел! Юрка увидит,— голос у женщины низкий, грудной, с бесшабашными нотками.

Послышалась легкая возня — Лева, по-видимому, пытался поцеловать женщину.

— Юрка сейчас придет,— уговаривала она своего кавалера.— Ты что, псих? До завтра подождать не можешь?

— Не хочу ждать,— пьяно бубнил мужчина.

Голоса у обоих были не молодые.

— Левка, смотри, вода уже набережную залила! — вдруг удивленно, с каким-то даже восторгом воскликнула женщина.— Смотри, смотри,— кричала она весело.— Сейчас начнет заливать подвалы. А вон плывут ящики.

— Да пусть заливает,— безразлично сказал мужчина, и Корнилов услышал звуки поцелуя.

«Вот скоты!» — выругался он про себя и в этот момент увидел младшего Казакова.

Игнатий Борисович шел медленно, какой-то дергающейся, расхлябанной походкой, не обращая внимания на гулявшие по мостовой волны. Он, казалось, совсем не интересовался тем, что происходило на реке, а неотрывно смотрел на окна дома. Игорь Васильевич даже отпрянул от подоконника, ему почудилось, что Казаков встретился с ним взглядом. Но в темном окне, конечно, ничего нельзя было разглядеть.

Казаков исчез из поля зрения подполковника, но через несколько минут снова появился. Он теперь шел обратно и опять пристально смотрел в сторону дома.

Казаков на этот раз прошел дальше по направлению к Тучковому мосту, туда, где пожарники откачивали воду из телефонных колодезев. Он остановился недалеко, словно наблюдая за их работой, но в то же время ежeminутно оборачивался, следил за тем, что делается около дома. Долго он там не выстоял. Не прошло и пяти

минут, как Игнатий снова появился перед подъездом, ведущим в проходной двор. Теперь он шел по тротуару, ближе к дому. Но и сюда уже подступала вода. Когда Казаков проходил рядом с квартирой дворника, Корнилов увидел, что он находится в крайнем возбуждении. При скудном, искажающем свете неоновой лампы черты его лица было трудно разглядеть, оно промелькнуло перед подполковником белым пятном. Зато руки... Руки выдавали его состояние. Казаков то засовывал их глубоко в карманы и тут же вынимал и закладывал за спину, то скрещивал на груди, снова совал в карманы.

«Плохого помощника выбрал себе Самарцев,— подумал Корнилов и тут же остановил себя.— Если Казаков — сообщник, Самарцеву незачем приезжать за деньгами самому. Куда проще это сделать Игнатию. Тут что-то не так!»

Игорь Васильевич посмотрел на часы. Было уже половина десятого. Если верить Прошиной, у Самарцева в одиннадцать двадцать поездов.

Казаков опять промелькнул перед окном, придерживая шляпу обеими руками. Но он не пошел дальше, а нырнул в подъезд. Звучно хлопнула дверь. Корнилов быстро перешел в кухню. Алабин сидел у окна на табурете, напряженно вглядываясь в темноту. Он обернулся к Корнилову, прошептал:

— Пришел?

Игорь Васильевич предостерегающе поднял руку, прислушиваясь, хлопнет ли вторая дверь, ведущая из подъезда во двор. Было тихо, ни скрипа, ни стука. Однако Казаков через минуту появился во дворе. Значит, он чего-то боялся, осторожничал. Он не пошел через двор, а скользнул вдоль стены, к сарайчикам.

Корнилов хотел включить радиотелефон и предупредить Белянчикова, но вовремя отдернул руку — на несколько мгновений угомонился ветер и стало тихо. Казаков мог услышать голос из радиотелефона.

— Игнатий Казаков? — удивленно прошептал Алабин.— Такой расклад, значит?

— Это мы сейчас выясним! — ответил Игорь Васильевич, разглядывая слабо освещенный двор. Он только сейчас заметил, что весь двор залит водой.

Снова налетел шквал. Загремело железо на крыше.

— Семен, второй рядом,— тихо сказал Корнилов, нажав кнопку радиотелефона, и сунул его, теперь уже ненужный, в карман плаща. Алабин осторожно открыл окно, порыв ветра едва не вырвал створку у него из рук. Василий тихо выругался и быстро перемахнул через подоконник. Корнилов осторожно вылез вслед за ним. Они замерли на несколько секунд, прислушиваясь, стараясь не шуметь. И пошли по воде тем же путем, которым несколько минут назад прошел Казаков.

Воды было по щиколотку, и в первые секунды, когда промокли ноги, Корнилов почувствовал, как его охватывает озноб. Но потом он словно забыл об этом и уже не обращал внимания.

Когда налетел шквал, они прошли несколько шагов вдоль стены, стараясь, чтобы не слышно было хлюпанья воды. «Словно гуляря скрадываем», — мелькнула вдруг мысль у подполковника.

Рядом в подъезде хлопнула дверь.

— Ой, да тут вода! — раздался изумленный женский голос.— Опять, что ли, трубы прорвало?

— Наводнение, бабушка! Радио слушать надо,— вслед за женщиной из подъезда вышел парень и смело шагнул прямо в воду. Видать, был в резиновых сапогах.

— А как же мне домой добираться? — растерянно сказала женщина.

Но парень не ответил. Он уже шагал к подворотне.

Женщина постояла немного и, прошептав что-то, пошла назад в дом.

Во дворе стало опять тихо. Корнилов прислушался. Сзади хлюпнуло несколько раз и смолкло. Это подвинулся поближе к нему и замер Алабин. Корнилов слышал, как он дышит рядом.

Двор был наполнен звуками, но ни один из них подполковник не мог связать с присутствием Игнатия. Наверху, над крышами завывал ветер, гремел оторванным куском кровли. Где-то рядом журчала вода, словно ручей падал с уступа скалы. Время от времени раздавалось глухое утробное бульканье.

«Наверное, вода подвалы заливает,— подумал Игорь Васильевич.— Наделает в городе беды».

Они стояли, замерев, минут пять. Корнилова все время мучали сомнения — не пошел ли он по ложному пути? «А вдруг Игнатий, несмотря на цепочку совпадений, все же не имеет отношения к ограблению кассира? Мало ли чего он сейчас шляется по двору. А настоящий преступник затаился тут же, рядом. Не спугнем ли? Но время, время!» До отхода поезда, на который у преступника были взяты билеты, оставалось минут сорок.

Неожиданно к звукам журчащей воды примешались размеренные чавкающие звуки, доносящиеся тоже из подвала. Кто-то медленно шел там по воде. Ржаво, протяжно скрипнула дверь. Человек вышел из подвала и замер внизу у дверей, не решаясь подняться по ступенькам. Видать, прислушивался. И наконец снова раздался легкие, едва слышные шаги...

Корнилов включил фонарь, и мощный сноп света вырвал из темноты фигуру мужчины, съездившегося от неожиданности. Мужчина прижимал к груди небольшой чемоданчик. Уже нажав на рычажок фонарика, подполковник услышал шум справа, у сарайчика, и мощный рывок Алабина на этот шум. Но он даже не обернулся, зная, что там рядом Белянчиков и Орликов. Все внимание Корнилова было приковано к этой скрючившейся, оцепеневшей фигуре с чемоданчиком. К Игнатию Казакову.

Не опуская фонарика, подполковник пошел к нему. Сзади, там, куда кинулся Алабин, послышался сдавленный стон, возня, негромкие выкрики. «Значит, и Самарцев здесь. Вдвоем пришли», — отметил Корнилов и протянул руку к чемоданчику.

— Давайте, давайте, Игнатий Борисович. И не вздумайте шутить. Двор оцеплен.

Игнатий разлепил зажмуренные глаза. Корнилов ожидал увидеть в них испуг, смятение, но они были полны ненависти. Казаков отпрянул. Чемоданчик задел за железные перила лестницы, ведущей в подвал, и раскрылся, звонко щелкнув замком. Пачки денег

полетели в воду. Казаков с диким воем упал на колени, хватая пачки. Обертки лопались, радужные бумажки трепыхались на воде. Корнилов достал из кармана свисток. Резкая, тревожная трель ударила в стены двора-колодца. Из подворотни, со стороны Тучкова переулка бежали, хлюпая по воде, дежурившие там сотрудники. Казакова подняли, с трудом вырвали из рук чемодан и несколько пачек денег, которые он пытался сунуть за пазуху. Респектабельного Игнатия Борисовича было не узнать. Он мычал, сыпал отборнейшим матом. Всклопоченные густые волосы, шальные глаза. Одежда у него промокла, галстук сбился на сторону.

— Ребята, двор выскоблите,— попросил Корнилов прибежавших на помощь оперативников,— чтобы ни одного рубля не осталось тут... А этому — наручники и в машину...

Он отдал одному из сотрудников свой фонарь и пошел к сараям. Там толпилось несколько человек.

— Белянчиков! — позвал Корнилов, не в силах разглядеть лица людей после яркого света фонарика.

— Товарищ подполковник, он побежал к машине, «скорую» вызывать.— Корнилов узнал голос Бугаева.— Эта сволочь Васю Алабина ножом пырнул.

— Алабина? Как же...— начал Корнилов и вспомнил, как несколько минут назад старший лейтенант кинулся на шум возле сарая.

Издали, наверное со Среднего проспекта, раздался тревожный вой «скорой».

— Ну, кажется, едут,— сказал Бугаев.

Теперь Корнилов разглядел, что капитан стоит в воде на коленях и держит на руках Алабина. А кто-то из сотрудников, расстегнув Василию одежду, пытается перевязать ему грудь.

— Самарцева взяли, товарищ подполковник,— сказал Бугаев.— Он, собака, в самый последний момент на такси приехал. С набережной. Я пошел за ним следом... И в это время он увидел того, с чемоданчиком. Кинулся, а тут Алабин...— он замолчал и прислушался. Кто-то быстро шел к ним от подворотни, разбрызгивая воду. Это был Белянчиков.

— Семен, сейчас понесем Васю,— сказал он.— Там у «скорой» мотор заглох. Воды по колено...

Подошли санитары. Осторожно положили на носилки Алабина. Василий застонал.

— В живот он его,— горестно пробормотал Белянчиков.

Санитары в сопровождении Бугаева унесли Алабина.

Корнилов вышел в переулочек. Оперативные машины стояли по радиатор в воде без всяких признаков жизни. Оба шофера ковырjались в моторе одной из них.

— Ну что, приехали? — сказал Корнилов.

Один из шоферов обернулся и, узнав подполковника, поздоровался.

— Потоп, Игорь Васильевич. Вряд ли выберемся, пока вода не схлынет.

— Надо было на Среднем остановиться.

— Все хоть как лучше,— не оборачиваясь, сердито проворчал другой шофер.

Задержанные сидели под охраной в разных машинах. Корнилов открыл дверцу и сел на переднее сиденье той, где находился Казаков. И ботинки и брюки были тяжелыми от воды.

Казаков сидел скорчившись, положив руки в наручниках на колени, и время от времени всхлипывал. Игнатия Борисовича бил озноб, и Корнилов видел, как тело его время от времени передергивалось, словно в судороге.

— Игнатий Борисович, вы давно знаете Самарцева?

— Я ни-ка-кого С-самарцева не знаю,— заикаясь, ответил Казаков. У него зуб на зуб не попадал от страха и холода.

— Откуда же у вас деньги? Чемодан с деньгами?

Казаков уронил голову и заплакал.

— Да будет вам,— сказал Корнилов.— Снявши голову, по волосам не плачут.

— Что? Что вы говорите? — испуганно пробормотал Казаков.— Вы думаете, что это я... Я напал на кассира?! Да как вы смеете? Вы, вы...— он замолчал, будто не в силах был подобрать слово, которое передало бы меру его гнева и возмущения.— Я хотел отдать эти деньги. В милицию отдать!

— Откуда они у вас? Вы мне так и не сказали,— перебил его Корнилов.

— Да я просто видел, как этот бандит их спрятал... В тот день. Шел из техникума, вижу: из подвала парень выскочил... И чтобы он... И чтобы он,— голос у Казакова упал и стал растерянным.— Я потом чемоданчик нашел и перепрятал. Чтобы они не пропали. Хотел отдать. Чтобы они не пропали, понимаете?

Корнилов молчал.

— Я никого не трогал, я не знаю этого бандита! — истерически закричал Игнатий Борисович. — Я только з-ап-озд-ал. З-ап-озд-ал вернуть эти деньги. Мне просто пересчитать их хотелось! Пересчитать, понимаете?

— Пересчитать хотелось... — задумчиво сказал Корнилов, вспомнив, как барахтался Игнатий в воде, хватая деньги. — А из-за вас человека тяжело ранили.

— При чем тут я? — взвизгнул Казаков.

Корнилов махнул рукой и вылез из машины.

Подошел Белянчиков.

— Мы сейчас поедем! — сказал шофер. — Вода спадает. Я только карбюратор заменю.

К машине подошли два парня.

— Ну что, ребята, не толкнуть? — спросил один из них. — А то мы раз-два — и толкнем!

— Спасибо, — сказал Корнилов. — Мы и сами можем толкнуть. Да мотор заглох.

— Это ерунда! — словно обрадовавшись, заорал парень. Чувствовалось, что он немного навеселе. — У хорошего шофера мотор и под водой заработает! Саня, подмогнем?

— А чего не подмочь? — басом ответил его приятель. — Мы сегодня уже которую машину вытаскиваем.

— Да нет, спасибо, товарищи, — отказался Корнилов. — Вода вот спала...

— Мы и сами не лыком шиты! — обиженно сказал шофер «оперативки».

— А мы от всей души... — тоже с обидой начал один из парней, но другой перебил его:

— Ладно, Саня. Слышь, мотор зафурыкал, — и, обернувшись к Корнилову, стал рассказывать: — Мы сегодня, как утром на смену пришли, так с завода и не вылазили. Мы ж с Балтийского... У нас воды — ого-го! Аврал! И ничего! Все в ажуре. Нам вода нипочем. Ты не подумай, что мы пьяные. Так, бутылку шампанского с одним жигулевцем выпили. Его волна у двадцать первой линии прихватила, а мы помогли. Мы такие! Ну, он и вытаскивал шампанское. Говорит, девушке вез, но тут — дело святое. А мы не евши целый день. Ну ладно, дай пять, — он протянул руку Корнилову. Игорь Васильевич пожал ее.

— Товарищ подполковник! — позвал шофер. — Можно ехать.

— Да тут никак милиция? — удивился разговорчивый балтиец. — Тоже авралите?

— Авралим! — отозвался Корнилов и взялся за ручку «Волги».

— Чао! — крикнул тот, кого звали Сашей. — Моя милиция меня бережет!

Машины осторожно, вздымая по обе стороны веера воды, тронулись.

«Как же я не доглядел, как не уберег Васю? — подумал Корнилов и сжал кулаки, вспомнив Игнатия. — Рухлядь, человеческая рухлядь... Лизнула его зловонная волна стяжательства, а он как губка. Впитал грязь и поплыл...»

8

лло, это хирургическое отделение?

— Да.

— Добрый вечер.

— Уже ночь...

— Скажите, как состояние больного Алабина.

— Он в реанимации.

— Все еще в реанимации?

— Товарищ, у нас некоторые больные неделями там находятся.

— Когда будет известно что-то определенное?

— Позвоните завтра после десяти. В девять консилиум.

— Спасибо,— Корнилов повесил трубку и прошелся по комнате.

Жена, сидевшая в кресле с книгой в руках, подняла голову.

— Ничего нового,— хмуро сказал Корнилов.— Вторые сутки ничего нового.

— Что будет этому хлюпику?

Корнилова удивило, что жена назвала Казакова хлюпиком. Так же, как Истомина.

— Хорош хлюпик,— с ненавистью пробормотал он.— Видела бы ты его в тот момент... Вцепился в деньги клещами. Одной сотенной, кстати, недосчитались, еще чего доброго с меня вычтут.

— Не распаяйся.

— По-твоему, я должен улыбаться?

Корнилов наконец перестал ходить по комнате и сел в кресло. Сидел молча, задумчиво глядя на жену.

— Сколько этому монстру даст суд, не знаю. А Вася Алабин умереть может.

— Ты-то в этом не виноват.

— Виноват, Оля, виноват. У меня в молодости похожий случай был. Так меня, салагу, Николай Иванович Мавродин грудью заслонил. А я вот даже на его похоронах не побывал.

— Игорь! — Оля смотрела умоляюще.

— Ладно, Оленька. Не будем о мертвых...

— Алло, это хирургическое?

— Да.

— Доброй ночи.

— Уже утро.

— Скажите, как состояние больного Василия Алабина.

— Пока без изменений...

Рис. В. СЕЛИВАНОВА.

Б Е Л Ы Е ПЕРЧАТКИ

ОЧЕРК

Случай, о котором пойдет речь, настолько необычен, настолько невероятен в нашей жизни, что поначалу в него трудно поверить, трудно допустить, что он вообще возможен. И лишь когда познакомишься с делом, с уголовным делом, с многочисленными показаниями, свидетельствами, документами, с протоколом судебного заседания, полностью подтвердившего результаты предварительного следствия, начинаешь понимать, что все произошло на самом деле.

Все началось в общем-то с довольно обычных вещей: поссорились на перемене ученица десятого класса Надя Черноок и ученик того же класса Володя Высеvко. Произошло это невыдающееся событие в городе Минске в десятой средней школе. Надя, как ответственная за порядок в классе, предложила Володе, как дежурному в тот день, вытереть доску. Володя отказался. Может быть, потому, что указание исходило от Нади, а может, еще по какой причине — не важно. Важно то, что он не только отказался выполнить свои обязанности, но и произнес обидное слово. Надя Черноок оказалась девушкой гордой, и она справедливо решила, что лучшим ответом будет пощечина.

Дело дошло до директора школы. Уже по этому одному можно догадаться, что происшествие было большой редкостью в школе. Выяснить причину ссоры поручили учителю математики Геннадию Зиновьевичу Энгельсону. Это щекотливое поручение именно ему было дано не случайно, не потому, что под руку подвернулся. Дело в том, что Геннадий Зиновьевич пользовался в школе достаточно большим авторитетом. Многие считали его отличным преподавателем, который знает свой предмет, умеет подать его. Такой репутации способствовали и свободная, раскованная манера поведения, заметная внешность, несколько спортивных разрядов в прошлом. Правда, коллег порой корбило постоянное стремление Геннадия Зиновьевича как можно выигршнее «подать» и самого

себя, и свои успехи, но это прощалось, поскольку вроде бы прямого отношения к делу не имело.

Обладал Геннадий Зиновьевич еще одним качеством — умением поговорить с людьми, с учениками, в том числе и с нарушителями школьной дисциплины. Это умение было замечено, и ему нередко приходилось разбираться во всевозможных конфликтах, возникающих из-за невыполнения домашних заданий, нетактичного поведения, курения в туалетах, посторонних разговоров на уроках и так далее. Энгельсон охотно выяснял обстоятельства, проводил мини-следствия даже в тех классах, к которым не имел никакого отношения ни как преподаватель, ни как классный руководитель. Иногда, правда, трудновато было принять правильное решение, не зная учеников, взаимоотношений в классе, но Геннадия Зиновьевича это обстоятельство не смущало, и подобными спецпоручениями он занимался, как уже говорилось, в охотку.

Так было и на этот раз. Хотя и Надю, и Володю он почти не знал, тем не менее быстро установил, что виноват все-таки Володя. Тому было предложено извиниться, что он и сделал перед всем классом. Надя его простила. Конечно, не исключено, что где-то в глубине души у нее осталась обида, но она проявила великодушие и в присутствии одноклассников сказала, что прощает обидчика.

Казалось бы, конфликт исчерпан. Но Геннадий Зиновьевич решил, что кашу маслом не испортишь, и велел Володе пригласить в школу родителей. Володя сказал «ладно», но родителей в школу не пригласил. И вообще ничего не сказал им о неприятности — отношения в их семье были далеко не идеальными, и раздражать родителей школьными неурядицами ему попросту не хотелось. Он, как и прежде, ходил на занятия, встречался с друзьями. Если что и изменилось в его поведении, так это то, что он стал избегать Геннадия Зиновьевича — тот не забывал напоминать ему о том, что родителей все-таки придется привести. Причем напоминал все более жестко и настойчиво. Начиная постепенно складываться странная ситуация — для обоих, Высекко и Энгельсона, вопрос «придут ли родители?» приобрел особый характер. Ученик говорил, что родителей приводить уже ни к чему, а учитель настаивал — они должны прийти хотя бы потому, что он этого требует.

Прошла неделя.

И наступил день, которым потом будут датированы первые из документов, составляющих объемистый том уголовного дела. Документы позволяют буквально по минутам воспроизвести всю картину происшествия.

Итак, закончились занятия в спортивном зале у учащихся десятого класса «Д». Учительница физвоспитания Нина Николаевна Гончарик делала последние записи в журнале, поторапливала замешкавшихся. Последними раздевалку покинули Володя Высево, Олег Галиновский, Олег Зеневич, Евгений Анищенко. Из спортивного зала на лестничную площадку они вышли почти одновременно. Следующий урок был на втором этаже, и они начали подниматься по лестнице. Олег Галиновский был уже на середине лестничного пролета, когда Высево поднялся только на третью ступеньку, остальные подходили к лестнице. В этот момент из вестибюля на площадку вышел Геннадий Зиновьевич. Он окликнул Высево и спросил у него, когда же придут родители. Уточним: учитель стоит на площадке, ученик — на несколько ступенек выше. Учителю это кажется оскорбительным — он вынужден разговаривать с учеником, глядя на него снизу вверх. Следует очередной наказ привести родителей.

— Ладно, — отвечает Высево.

Ответ кажется учителю недостаточно учтивым. Его фраза:

— Как ты стоишь передо мной?! — И тут же удар в плечо, от которого Высево скатывается на площадку.

Он удерживается на ногах. Выпрямляется. Поворачивается к Энгельсону, готовый продолжить разговор. Но Геннадий Зиновьевич с силой бьет Высево в лицо. Тот отлетает на два метра, ударяется головой о дверь, ведущую в вестибюль, и падает на цементный пол. Подняться Высево не может. Из рта показывается кровь, начинаются конвульсии.

— Ладно, хватит притворяться, вставай! — говорит Геннадий Зиновьевич и небрежно, одной рукой поднимает Высево. Но не удерживает, и тот снова падает с метровой высоты, ударяясь головой о цементный пол. После этого Геннадий Зиновьевич уже двумя руками подхватывает Володю, через вестибюль тащит в медпункт и... запирает за собой дверь.

Все произошло в течение минуты. На площадке и на лестнице стоят пораженные Олег Галиновский, Олег Зеневич и Евгений Анищенко. Учительница Нина Николаевна Гончарик выходила из спортивного зала как раз в тот момент, когда Энгельсон размахнулся для удара. Она инстинктивно отшатнулась и прикрыла дверь, но тут же снова распахнула ее — Высево уже лежал на полу. Энгельсон стоял над ним. Ребята — чуть в сторонке.

Пока Энгельсон тщетно пытается привести парня в чувство, пока он машет перед лицом Высево носовым платочком, зададимся вопросом: что должен делать учитель, который вдруг обнаружи-

вает, что его действия, допустим, самые невинные действия, вдруг привели к столь трагическим результатам? Что должен делать учитель, который любит детей, школу, работу, для которого эта работа — главное в жизни?

Можно быть уверенным — каждый ответит: учитель должен прежде всего вызвать врача. Это очевидно. Но все действия Энгельсона в те минуты слишком уж напоминают действия человека, спешно заметающего следы.

Вот он затащил Высево в медпункт и запер дверь, чтобы попытаться привести его в чувство. Это ему не удастся. Когда через некоторое время в медпункт все-таки заходят завуч и медсестра, которым ребята уже рассказали о случившемся, они тут же решают вызвать «скорую помощь». Энгельсон возражает. Он надеется, что Высево через несколько минут придет в себя и все обойдется. Он тянет время, не думая о том, что, может быть, в эти минуты решается вопрос жизни и смерти подростка.

Кто-то тем временем затирает кровь на полу, ребята растерянно толкуются в вестибюле, не зная, что предпринять, Геннадий Зиновьевич безуспешно хлопочет над Высево. Наконец завуч Ольга Андреевна Дудникова вызывает «скорую помощь». Приезжает «скорая». Высево осторожно укладывают на носилки и выносят к машине.

Возникает вполне естественный вопрос: кому сопровождать пострадавшего? Директор болеет, завуч полагает, что она должна быть в школе, учителя на уроках. Остается Энгельсон. Ему она и предлагает отвезти Высево в больницу. Он свободен. Он знает, что произошло. Он учитель. Совершенно естественно сопровождать Высево в больницу следует ему. Но Геннадий Зиновьевич категорически отказывается. Поехал Анищенко. Ученик, товарищ по классу, свидетель происшествия. И в больнице, не мудрствуя лукаво, подробно рассказал, как, при каких обстоятельствах получил черепно-мозговую травму доставленный больной. Его показания вскоре оказались в милиции, а затем и в прокуратуре. Так было возбуждено уголовное дело по обвинению Геннадия Зиновьевича Энгельсона в умышленном нанесении телесных повреждений ученику десятой средней школы Владимиру Высево. Как установила экспертиза, травма относилась к категории тяжких — перелом костей свода черепа, сотрясение мозга, кровоизлияние. Не забыли эксперты упомянуть и ссадину на внутренней стороне щеки — след от удара рукой.

Почти неделю Высево не приходил в себя, не узнавал никого из ребят, посещавших его, и до сих пор не помнит, что с ним

произошло. Он помнит только до того момента, когда кончились занятия в спортивном зале. И долго не мог понять, почему оказался в больнице.

Итак, Высево увезли, Энгельсон остается в школе. Ему необходимо было остаться. Первым делом — к учительнице физвоспитания.

— Нина Николаевна,— говорит он,— вы были в зале и ничего не видели, да?

Она растерянно кивает, не поняв сразу сути вопроса.

Потом Геннадий Зиновьевич вспомнил, что в момент происшествия через вестибюль пробежала другая учительница — Пуховская. Он вызывает ее прямо с урока.

— Вы что-нибудь видели? Ну, как все произошло там, на площадке?

— Нет... Я была в вестибюле... И видела только, как упал Высево.

Оставался пустяк — потолковать с ребятами, невольными свидетелями его «разговора» с Высево. С учениками Геннадий Зиновьевич говорить умел и не сомневался в том, что ему удастся убедить их дать нужные показания. События поторапливали его. На три часа следующего дня было назначено заседание месткома, на который были приглашены Галиновский, Анищенко и Зеневич. В нарушение всех школьных правил, писанных и неписанных, Геннадий Зиновьевич вызывает их с урока и приглашает в свою лаборантскую, известную в школе под названием «каморка Энгельсона».

Галиновский. Он у нас ничего не преподавал и долго рассказывал, какой он хороший учитель, как все его ценят, рассказал, что вся школа держится на нем, как он беспокоится не столько о себе, сколько о престиже школы. Он сказал, что мы здорово подведем и школу, и своих товарищей, и директора, если скажем, что видели, как он ударил Высево.

Зеневич. Он предложил нам сказать, что мы ничего не видели, настаивал на том, что Высево сам упал с лестницы. Мол, если мы скажем, что нам показалось, что сомневаемся, то этого будет вполне достаточно.

Анищенко. Когда мы отказались принять его требования, он закрыл нас в лаборантской на несколько часов, чтобы мы посоветовались и подумали над его словами.

Ребята подумали над словами Геннадия Зиновьевича и вести дальнейшие переговоры отказались. Энгельсон предложил им перед самым заседанием месткома встретиться в соседнем парке, на-

десять использовать последнюю возможность склонить учеников к лжесвидетельству. Ребята в парк не явились. Они отправились на местком и подробно рассказали обо всем, что видели в тот день. Там же, на месткоме, Энгельсон впервые публично изложил свою версию. Суть происшедшего в изложении Геннадия Зиновьевича заключалась в том, что он схватил Высево за руку и дернул вниз, когда тот обгонял его. Высево потерял равновесие и рухнул на площадку. Но через некоторое время в кабинете следователя он уже скажет, что за руку Высево не дергал, а только слегка коснулся его одежды. На суде же Геннадий Зиновьевич вообще заявит, что он вовсе не касался парня, что только окликнул его, а тот возьми и упади.

Маленькая деталь. Размер лестничной площадки — примерно четыре на четыре метра. Спрашивается: как нужно опрокинуться с третьей ступеньки, чтобы, пролетев над площадкой, удариться головой в дверь? И следователь, и суд пришли к заключению, что так поскользнуться пострадавший не мог.

Об этой версии, возможно, и говорить не стоило бы, но дело в том, что, держась за нее до последнего дня суда, Геннадий Зиновьевич, не задумываясь, обвинял в сговоре, лжесвидетельстве, непорядочности людей, с которыми не один год проработал бок о бок, которые были искренне расположены к нему, уважали его.

Вот здесь мы подошли еще к одной проблеме, из-за которой тоже стоит рассказать всю историю. Надо признать, что ни одна профессия, какой бы уважаемой она ни была, как бы ни ценилась в народе, еще не предохраняет человека от хулиганских выходок, аморального поведения, ошибок и злоупотреблений, если его духовная культура низка, если его внутренний мир узок и куц, а поступками и словами руководит чувство превосходства над «обыкновенными смертными», простоватыми и неуклюжими. Здесь, судя по всему, мы столкнулись именно с таким случаем.

Вот мнения его коллег...

О. Р. Пушкаревич. Энгельсон считался у нас неплохим учителем, но многих коробило его стремление всегда и везде подчеркнуть свое превосходство. Ему говорили об этом, но результатов мы не замечали.

Н. И. Беликова. Он всегда старался быть на виду, ставил себя выше всех.

В. А. Капустинская. Энгельсон постоянно подчеркивал свое превосходство. И, даже рассказывая об опыте работы, давал понять, что только у него все так хорошо может получаться. Одни стара-

лись этого не замечать, другие относились иронически, а были и такие, которых это уязвляло.

А вот личные впечатления. Наш разговор с Геннадием Зиновьевичем начался несколько необычно.

— А вы знаете,— спросил он,— что меня награждали за работу в школе?

— Да, знаю.

— А вы знаете, что я изобрел новую конструкцию классной доски и у меня есть авторское свидетельство?

— Знаю.

— А о том, что я представлялся еще на одну награду и не получил ее совершенно случайно?

— Да, я слышал об этом.

— А вы знаете, кто моя теща?

На все это можно было бы не обратить внимания, в конце концов нет ничего страшного в том, что человек рассказывает о своих успехах, гордится своими родственниками. Одни это делать стесняются, не находят нужным, другие — наоборот. Но в словах Геннадия Зиновьевича вдруг почувствовалось, может быть неосознанное, желание заявить о праве на особое отношение к себе, о том, что все это позволяет ему надеяться на некую благосклонность со стороны правосудия.

Более того, чем тщательнее знакомишься с делом, чем больше разговариваешь с людьми, знавшими Геннадия Зиновьевича, тем больше появляется оснований сделать предположение: происшествие на лестничной площадке — не случайность в полном смысле этого слова.

В деле, среди показаний Энгельсона есть оченьстораживающая фраза: «Ученики в основном меня боялись... У меня были свои правила воспитания». Что же это за правила такие? Во время нашей довольно продолжительной беседы Геннадий Зиновьевич пояснил свою мысль.

— Прежде всего,— сказал он,— у ученика должен быть страх перед учителем. Потом этот страх переходит в уважение. И уже на следующем этапе начинается перевоспитание, перековка.

Вот такие дела. Учитель математики средней школы города Минска изобрел новую систему воспитания. Впрочем, сказать, что он ее изобрел, будет, наверно, не совсем точно. Система эта придумана давно, давно осмеяна и запрещена как вредная, как система, подавляющая личность, как система, создающая лживые, трусливые, угодливые характеры. Правда, она несколько облегчает работу учителя, поскольку раздавленные страхом ученики не дерзят,

не озоруют, чинно стоят вдоль стен коридора на перемене, чинно заходят в класс после звонка...

А может, оговорился человек? Может, неточно сформулировал свою мысль, сказал не совсем то, что думал? Чего не бывает... Но нет, оказывается, все правильно. Судя по некоторым документам, Геннадий Зиновьевич начал внедрять свою систему в самом начале педагогической деятельности. В деле подшита копия приказа, в котором Энгельсону выносится строгий выговор с занесением в личное дело за избиение ученика. Тогда тоже мальчишка после удара, пролетев несколько метров, распахнул своим телом дверь и вывалился в коридор. А как же система выглядит сейчас, в наши дни?

В школе рассказывают такую историю. Постоянные номера школьных концертов — несколько коротких интермедий. Однажды была поставлена интермедия примерно такого содержания.

Сидит на сцене за партой ученик, склонившись над тетрадь. Входит учитель.

— Убрать Квазимодо! — кричит он. И подскочив к ученику, упирается коленкой в его лопатки, начинает выправлять осанку.

— Энгельсон! — радуются в зале, узнавая знакомые повадки.

Разумеется, интермедия — это всего лишь интермедия, где допустимы преувеличения, гротеск. Но возникновение самой темы сценки, ее восприятие говорят о многом.

Известен в школе еще один педагогический прием Геннадия Зиновьевича. Когда вызванный к доске ученик не может ответить урок, то не исключено, учитель предложит ему спеть что-либо на потеху всему классу. А в заключение представления ставит много-страдальцу тройку.

Тут уж ничего не скажешь — необычно. Раскованно. Кое-кому нравится. В классе оживление, смешки, реплики. Некоторые смотрят на учителя чуть ли не с восторгом. Это же надо — такое отмотать! Но опять возникает настороженность. Да, привнесение в преподавание математики эстрадных приемов — новое слово, возможно, этот метод что-то дает, во всяком случае ученики не скучают. Но отыскать здесь уважение к ученику, предмету, согласиться, трудно. Трудно разглядеть в этом нововведении искреннюю заботу об успеваемости. Вот пренебрежение есть. И доля жестокости тоже есть — ведь над парнем смеется весь класс. Когда он оправится от этого удара, какие методы изберет, чтобы вновь завоевать уважение одноклассников, одноклассниц? А может быть, и попытаться не будет? Замкнется, уйдет в себя...

Надо отдать Геннадию Зиновьевичу должное — как натура энергичная, на достигнутом он не останавливается. В классе, где он был руководителем, у него появляется помощник — самый крупный, самый сильный ученик Валерий Савицкий. В учении он не блистал, последние два года его переводили в следующие классы условно. Энгельсон понимал, что он будет послушным и исполнительным. И вот время от времени на пару с помощником Геннадий Зиновьевич приглашал к себе в лаборантскую очередного нарушителя, закрывал дверь на ключ и... Здесь, наверно, лучше всего будет точно воспроизвести фразу из уголовного дела: «Энгельсон надевал длинные белые перчатки и демонстрировал готовность к избиению». Нет, нет, до избиения дело не доходило. Но надо учесть, что мальчишки тоже, очевидно, видели фильмы, где люди в белых перчатках «демонстрировали готовность к избиению». Были слезы, покаяния, заверения больше не бегать по коридору, не опаздывать, не отвлекаться на уроках. Это был показатель того, что ребята «созрели» для следующей стадии — им предлагалось писать расписку такого примерно содержания: «В случае повторения нарушения я допускаю применение ко мне любых мер физического воздействия». Были варианты — «допускаю применение ко мне антипедагогических мер воздействия». Поскольку расписки оставались у Энгельсона, они, естественно, «не сохранились». Но все прошедшие через каморку помнят их наизусть.

Вопрос следователя Виктору Тоболичу. Как вы понимали слова об антипедагогических мерах воздействия?

Ответ. Я понимал, что меня избьют.

Давайте отвлечемся на минуту, чтобы вспомнить вашего школьного учителя, классного руководителя, с которым вы расстались пять или двадцать пять лет назад. Допустим, он пригласил вас к себе в кабинет, запер дверь и стал бы надевать белые перчатки, показывая пресловутую готовность «по Энгельсону». Ваша реакция? Уверен — здесь можно удивиться, рассмеяться, выразить, так сказать, недоумение... Но плач, слезы, просьбы и мольбы... Какая же должна быть среди учеников репутация у Геннадия Зиновьевича, чтобы эту очередную его интермедию с белыми перчатками из серии «черного юмора» воспринимать всерьез!

Показания Валерия Савицкого. Я являюсь личным помощником Энгельсона. Он действительно берет расписки у ребят. Брал, например, у Панасенко, Тренина, Нечаева, Парфеновича... Совместно со мной он заводил этих учеников в каморку, там у него были белые перчатки, которые он надевал, и угрожал избиением. Говорил: врежу, если будете баловаться. Говорил, что Тоболича бить не сто-

ит, потому что он маленький и может «подохнуть», а вот Нечаева — надо бы...

Показания Александра Нечаева. Он надел белые перчатки и сказал, что Тоболича бить не будет, потому что тот сразу подохнет, а вот мне он подкинет... Он говорил, что после первого удара я потеряю сознание, потом он меня откачает и нанесет второй удар...

Следует только добавить, что далеко не всегда дело ограничилось «демонстрацией силы». Многочисленные показания свидетелей и потерпевших не оставляют на этот счет никаких неясностей. Свою постоянную готовность к избиению Геннадий Зиновьевич не один раз доказывал и на уроках, и в коридоре, и в школьном туалете. Постепенно давать волю рукам становилось все легче, проще, это переставало быть событием для него самого, становилось будничным.

Так было ли происшествие на лестничной площадке случайным, необъяснимым, неуправляемым срывом Геннадия Зиновьевича? Конечно, Энгельсон не мог предполагать, к какому результату приведет его удар, не мог желать этого результата. Но в то же время надо признать, что случившееся вполне закономерно. Конечно, Высево мог и устоять на ногах, мог отделаться синяками и ссадинами, однако на этот раз случилось худшее. Но худшее могло случиться и в следующий раз, и в прошлый раз. Например, когда он, войдя в туалет на переменке, крикнул: «Руки вверх!» и, увидев в пальцах у ученика дымящуюся сигарету, не раздумывая, ткнул его кулаком под дых так, что тот некоторое время не мог разогнуться.

Учитель на скамье подсудимых — сама фраза звучит неестественно, дико. Состоявшийся недавно в Минске суд признал Энгельсона виновным по всем пунктам обвинения и вынес свой приговор. А что же сам Геннадий Зиновьевич, как он оценивает все случившееся, как он ведет себя в этой непривычной для себя роли обвиняемого, подсудимого, осужденного? Закусил удила. Наверно, эти слова лучше всего передают смысл всех его многочисленных заявлений, протестов, жалоб, его логику, содержание ответов следователю, прокурору, судье.

Да, отрицать очевидное, подтвержденное едва ли не десятками свидетелей, обвинять всех в сговоре, в непорядочности — тоже способ защиты, но уж больно несимпатичный какой-то... Все-таки и на скамье подсудимых можно вести себя более пристойно.

— Уж если вы свою вину отрицаете, то чем в таком случае можно объяснить показания свидетелей? — спрашиваю Энгельсона.

— Они сговорились.

— Зачем? Почему?

— Хотел бы я знать, почему... Ведь эти ребята, между нами говоря, люди довольно невысокого пошиба... Высево и не мог дружить с настоящими товарищами. Хулиганье, двоечники, выпивают...

— Позвольте! Но характеристики из школы! Они все прекрасно учатся, Галиновский — староста класса. Они болеют за честь школы, занимаются спортом, Анищенко увлекается музыкой, театром, все начитанны...

— Сговорились, чтобы оклеветать меня.

— Но они вас не знают! Вы у них ничего никогда не преподавали!

— Это и меня удивляет.

— Хорошо, когда же они сговорились? Через несколько минут все знала завуч, она вызвала «скорую помощь». Анищенко дал показания в больнице, Галиновский и Зеневич в тот же день все рассказали дома. Показания совпадают в мельчайших деталях. Сколько же это нужно сговариваться, чтобы продумать все событие? Ведь не могли же они знать заранее, что у них будет столь неожиданная встреча с вами на лестнице. И учительница Гончарик подтверждает показания ребят.

— Она лжет. Она ничего не видела.

— А директор?

— У нас с ней давно нелады. Она подключилась в общую кампанию, чтобы свести со мной счеты. Вот завуч Дудникова выступила в мою защиту, и ее тут же выкинули со школы.

— Ничего подобного, Геннадий Зиновьевич. Завуч Дудникова подала заявление об уходе по собственному желанию на следующий день после случившегося. Вы слышите? На следующий же день, когда еще не было заведено дело, когда и надобности не было защищать вас, она, чтобы уйти от ответственности за этот случай, подала заявление. Директор уговаривала ее остаться. А Дудникова это поняла по-своему — ее, мол, оставляют для того, чтобы было на кого свалить вину.

— Нет, ее выкинули, когда она вступилась за меня. Так же как выбросили со школы лучшего учителя физики Эдуарда Яковлевича Крупника. Его тоже удалили за принципиальность и порядочность.

Несколько слов о принципиальности и порядочности «лучшего учителя физики» Эдуарда Яковлевича Крупника. Узнав о том, что ребята дали показания против его друга Энгельсона, как он его неизменно называет, Крупник решает помочь коллеге. Эта затея не кажется ему слишком сложной, поскольку ребят он знает, пре-

подает им физику. Задержав под благовидным предлогом старосту класса Олега Галиновского, он говорит ему следующее:

— Вот что, Олег, тебе и твоим товарищам необходимо отказаться от своих показаний. Иначе я не смогу относиться к вам хорошо. Другими словами, я сделаю все, чтобы вы не получили аттестатов. Если же вы откажетесь от показаний или измените их, я помогу вам и с отметками, и с поступлением в вуз. Подумайте.

Ребята подумали-подумали и в целях самозащиты на очередную беседу с Крупником взяли магнитофон. И записали откровения Эдуарда Яковлевича, его рассуждения о жизни, о ценностях, о принципах, которыми он руководствуется. И сочный голос Эдуарда Яковлевича со всеми эмоциональными и смысловыми оттенками прозвучал в зале суда. Давайте послушаем его, такие откровения услышишь не каждый день...

Крупник. Это скорее несчастный случай. Подумай, ведь речь идет о лучшем преподавателе города. Школа сколько потеряет! Подумай о престиже школы!

Галиновский. А если мы скажем правду?

Крупник. Я не знаю правды. Я знаю то, что мне сказал Геннадий Зиновьевич.

Галиновский. Но это же ложь на всю жизнь! Это же на всю жизнь! Как Высево будет смотреть на нас? Как мы будем смотреть ребятам в глаза?

Крупник. Да брось ты, «на всю жизнь»... Как будто ты всегда был кристально честен!

Галиновский. Но это — большой случай.

Крупник. Да ну! Какой случай! Рядовой, обычный рядовой случай — и все! Любой поймет ваши добрые побуждения... Иногда бывает — ложь переходит в добро... Если ты изменишь показания, школу спасешь. Потому что если он уйдет, то и я уйду.

Галиновский. Недавно с нами Тамара Трофимовна говорила о правде, лжи...

Крупник. Не будем детские речи повторять! Если ты все сделаешь по-хорошему, я помогу тебе подготовиться в вуз, и все, что от меня зависит, я тебе сделаю положительно. И оценку повышу в аттестате. А если нет, я сделаю так, как сказал.

Надо признать, что ребята с честью устояли перед этим беспардонным шантажом. Что говорить, им еще нет семнадцати. Решение далось не легко. Ведь на чашу весов были брошены такие понятия, как честь школы, забота о ближнем, сострадание, великодушие. Но тем важнее их решение, давшееся в борьбе с собственными сомнениями и колебаниями. Кто знает, может быть, этот

«большой случай», как выразились ребята, станет в их жизни не менее значительной вехой, чем получение аттестата.

Это нужно сказать прямо и недвусмысленно, потому что и сейчас еще находятся люди, которые, не зная существа дела или же не желая его знать, нет-нет да и бросят обидное слово — вот, мол, осрамили хорошего учителя. Если быть точным, то надо сказать, что Крупник осрамился сам, по собственной, так сказать, инициативе. А ребята разоблачили самоуверенного и наглого обывателя, который, прикрываясь званием, положением учителя, пытался посеять в душах подростков ложь и приспособленчество. Солги, и я повышу тебе отметку,— трудно придумать для учителя слова страшнее.

— Наши учителя тоже не все сразу смогли разобраться в Энгельсоне,— говорит директор школы Олимпиада Романовна Пушкаревич.— Его уважали, и я долгое время была искренне расположена к нему. В людях всегда больно разочаровываться. Вы пропадете, если не будете защищать меня,— сказал он мне. Я не стала его защищать, поскольку верю ребятам, верю нашему правосудию. И, как видите, не «пропала».

Наверно, каждый согласится, что само звание учителя в нашем обществе пользуется большим уважением. Доверие, признание, ответственность, любовь — все высокие слова применимы, когда говорят об учителе. Ему доверено воспитывать, растить детей. Учить не только правилам грамматики или основам математики. Учитель своим положением, знаниями, авторитетом прививает детям уважение к законам, по которым живет наше общество, уважение к его идеалам. Потом, после школы, будет жизнь, сложная, противоречивая, требующая жертв и мужественных решений, на которые нелегко пойти. И от учителя во многом зависит, войдет ли человек в эту сложную, взрослую жизнь вооруженный твердыми убеждениями, четкими представлениями о порядочности, честности, принципиальности, или же он сойдет со школьного порога жалким приспособленцем, мыкающим при каждом дуновении ветерка, готовым продать, предать, солгать из-за каких-то сиюминутных выгод. Будет ли он иметь твердые понятия о гражданственности, или же это будет некое перекаати-поле, которое одинаково легко катится в любую сторону, под любым ветром...

Все это во многом зависит от учителя.

Из всего рассказанного видно, что учитель может даже попытаться поколебать честное, искреннее, гражданское отношение ребят к жизни, поколебать то, что есть в них, что заложено не им...

Впрочем, это уже не учитель.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

НОВОЕ
в законодательстве

Дополнительные льготы работникам угольной и сланцевой промышленности

В утвержденных XXV съездом КПСС «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» значительное место уделено, в частности, обеспечению страны сырьевыми ресурсами. При этом предусмотрено ускорить темпы роста добычи угля, значительно повысить производительность труда в угольной промышленности, развивать добычу горючих сланцев в европейской части страны. Будут разрабатываться и внедряться новые средства обеспечения безопасных условий труда на предприятиях угольной и сланцевой промышленности.

В предсъездовские дни Центральный Комитет КПСС и Со-

вет Министров СССР приняли постановление «О предоставлении дополнительных льгот работникам угольной и сланцевой промышленности и шахтного строительства». 12 февраля 1976 года были изданы Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении максимального размера пенсии по старости работникам угольной и сланцевой промышленности и строительства угольных и сланцевых шахт» и постановление Совета Министров СССР, которым внесены необходимые изменения в Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий.

В этих документах предусматривается перевод рабочих, занятых на подземных работах

на действующих и строящихся угольных и сланцевых шахтах с особо тяжелыми условиями труда, на 30-часовую рабочую неделю и горных мастеров, занятых на подземных работах на этих шахтах, на 35-часовую рабочую неделю. Перевод этих работников на сокращенную рабочую неделю имеется в виду осуществить по мере подготовки действующих и строящихся шахт, с тем чтобы обеспечить выполнение установленных планов добычи угля, капитального строительства, создание безопасных условий труда и улучшение технико-экономических показателей работы предприятий.

Предусмотрено также повысить выплату вознаграждения за выслугу лет. Признано необходимым выплачивать одновременно вознаграждение за выслугу лет работникам, занятым на подземных работах и связанным с подземными работами на действующих и строящихся угольных и сланцевых шахтах с особо тяжелыми условиями труда после первого года работы (вместо двух лет — по ранее действовавшему положению) в зависимости от стажа, дающего право на получение вознаграждения. В стаж работы, учитываемый при начислении единовременного вознаграждения за выслугу лет рабочим и горным мастерам, работавшим на подземных ра-

ботах в угольной промышленности и шахтном строительстве, призванным на действительную срочную военную службу и возвратившимся после увольнения в запас на указанные работы, включается время действительной срочной военной службы.

Повышаются на 10 процентов дневные тарифные ставки рабочих действующих и строящихся угольных и сланцевых шахт, занятых на работах в очистных, подготовительных и горно-капитальных забоях с особо тяжелыми условиями труда.

Предусмотрена бесплатная выдача угля (сланца) работникам шахтостроительных организаций угольной промышленности, а также пенсионерам по старости, проживающим в угольных районах, если они пользовались этим правом до ухода на пенсию.

Для руководящих и инженерно-технических работников угольной и сланцевой промышленности и строительства угольных и сланцевых шахт и разрезов, а также для студентов горных институтов (факультетов) и учащихся горных техникумов вводятся форменная одежда и знаки различия.

Увеличена выплата денежного вознаграждения учащимся профессионально-технических училищ за время их производственной практики на подзем-

ных работах в угольной и сланцевой промышленности и шахтном строительстве.

Установлено, что лицам, окончившим профессионально-технические училища и заключившим после увольнения в запас из рядов Вооруженных Сил СССР договор на 3 года о работе на предприятиях и стройках угольной и сланцевой промышленности по приобретенной в профессионально-техническом училище специальности, выплачивается единовременное пособие до 1000 рублей на хозяйственное обзаведение.

Рабочим и служащим, проработавшим в угольной и сланцевой промышленности и на строительстве угольных и сланцевых шахт не менее 15 лет на подземных работах на шахтах с особо вредными и с тяжелыми условиями труда и в должностях, связанных с подземными работами на этих шахтах, по списку производств, цехов, профессий и должностей, утверждаемому Советом Министров СССР, устанавливаются такие максимальные размеры пенсии по старости: проработавшим на указанных работах и в должностях от 15 до 20 лет — 140 рублей и свыше 20 лет — 160 рублей в месяц.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 февраля 1976 года введен в действие с 1 апреля 1976 года. Он распространяется на рабочих и

служащих, которые ко дню введения его в действие или позднее были заняты на работах и в должностях, предусмотренных этим Указом. Пенсионерам, возвратившимся на указанные работы после издания данного Указа, пересчет ранее назначенных пенсий производится на условиях, предусмотренных статьей 54 Закона СССР о государственных пенсиях, то есть если пенсионер проработал после назначения пенсии не менее двух лет с более высоким заработком, чем тот, из которого была исчислена пенсия.

Установлено также, что пенсионерам, продолжающим работать на подземных работах на угольных и сланцевых шахтах и на строительстве угольных и сланцевых шахт с особо тяжелыми условиями труда, пенсии по старости выплачиваются полностью независимо от зарплаты.

Определение прав на пенсию по старости в максимальных размерах, установленных за работу на шахтах с особо вредными и тяжелыми условиями труда, производится в соответствии с перечнем таких шахт, утверждаемым Госкомтрудом и ВЦСПС по представлению Министерства угольной промышленности СССР.

П. СЕДУГИН,
кандидат юридических наук

**Читатель
на приеме
у юриста**

**Прошу рассказать
о том, какими
льготами пользуются
в нашей стране доноры.**

**К. Миронов,
Ленинградская область.**

Переливание крови—важное средство в борьбе за сохранение жизни и здоровья человека при различных заболеваниях, травмах, отравлениях, ожогах. Все шире применяются в медицине препараты, изготовленные из донорской крови. Поэтому донорство как проявление социалистического гуманизма и товари-

щеской помощи всемерно поощряется нашим государством.

Согласно статье 114 Кодекса законов о труде РСФСР и соответствующим статьям КЗоТ других союзных республик рабочие и служащие, желающие сдать свою кровь для переливания, в дни медицинского освидетельствования и в дни сдачи крови беспрепятственно освобождаются от работы. Причем в день сдачи крови доноры освобождаются от работы независимо от того, в какой смене (дневной, вечерней или ночной) они заняты, а также независимо от того, в какое время (рабочее или нерабочее) они сдают кровь. За дни, в которые доноры проходят медицинское освидетельствование и сдают кровь, им сохраняется средний заработок.

После каждой сдачи крови донору полагается для отдыха один свободный от работы день, за который также выплачивается средний заработок. В тех случаях, когда рабочие и служащие сдают кровь в день, предшествующий их дополнительному дню отдыха, установленному в связи с переходом на пятидневную рабочую неделю, им предоставляется другой день отдыха. Если, например, работник сдал кровь в пятницу, а выходные дни у него — суббота и воскресенье, день отдыха должен быть предоставлен в понедельник. По желанию донор может использовать этот день не сразу, а присоединить к ежегодному отпуску. (День сдачи крови к отпуску ни в каких случаях не присоединяется).

Если донор сдает кровь во время своего ежегодного отпуска, то отпуск должен быть продлен на один день с выплатой за него среднего заработка.

Основанием для освобождения доноров от работы в дни обследования и в дни сдачи крови и для сохранения за ними заработной

платы в эти и в последующие дни отдыха являются вызов и справка медицинского учреждения, подтверждающие присутствие донора на обследовании или взятие у него крови.

Когда распределяются путевки в дома отдыха и санатории, при прочих равных условиях предпочтение отдается донорам, систематически сдающим кровь.

Порядок предоставления донорам путевок за счет средств государственного социального страхования (бесплатно или с частичной оплатой их стоимости) определяет фабричный, заводской, местный комитет профессионального союза.

Перечисленные льготы распространяются на всех доноров, независимо от того, получили ли они денежную компенсацию или сдали кровь безвозмездно.

Донорам, сдавшим кровь безвозмездно первый раз, вручается значок «Капля крови», а сдававшие кровь безвозмездно неоднократно награждаются значком «Донор СССР». Доноры, многократно сдававшие кровь и активно вовлекавшие население в ряды безвозмездных доноров, награждаются знаком «Почетный донор СССР».

Активных доноров награждают также грамотами комитетов обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и значком «Отличнику санитарной обороны СССР».

Л. ЦАРЕВА,
юрист

Б. Калитин
из Воронежской области
просит рассказать об
увольнении работников
по инициативе
администрации
в порядке
дисциплинарного
взыскания.

Трудовым законодательством предусмотрено увольнение рабочего или служащего в порядке дисциплинарного взыскания. Основанием для этого может служить систематическое неисполнение работником без уважительных причин обязанностей, возложенных трудовым договором или правилами внутреннего трудового распорядка, если ранее применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания, а также

прогул. Увольнение в порядке дисциплинарного взыскания является самой серьезной, крайней мерой наказания за нарушение трудовой дисциплины. При этом особо тщательно проверяются все факты и конкретные обстоятельства дела, учитывается личность виновного.

Подчеркнем, что увольнять администрация вправе за систематическое неисполнение именно трудовых обязанностей. Нарушения, например, общественного порядка или невыполнение работником поручений профсоюзной организации не могут служить основанием для расторжения с ним трудового договора. Увольнение, кроме того, возможно лишь тогда, когда работник не выполняет возложенных на него обязанностей по своей вине. Если же он, скажем, не выполнил какое-либо производственное задание из-за отсутствия инструментов или сырья, это не считается нарушением дисциплины, так как здесь нет вины работника.

Закон, как уже сказано, допускает увольнение при систематическом нарушении трудовой дисциплины, если за это ранее применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания. Под общественным взысканием понимаются меры, примененные к работнику товарищеским судом, общественными организациями в соответствии с положениями и уставами, определяющими их деятельность. Такие взыскания могут быть наложены профсоюзным собранием, комитетами и советами профсоюзов, комсомольским собранием.

Не принимаются во внимание взыскания, которые были в установленном порядке погашены давностью, сняты, отменены. Взыскание считается автоматически погашенным, если в течение года со дня его объявления на работника не накладывалось новое. Нельзя учитывать и взыскания, которые не были своевременно, то есть сразу после их вынесения, доведены до сведения работника.

Прогул — это неявка на работу в течение всего рабочего дня без уважительных причин. Появление на работе в нетрезвом состоянии также считается прогулом, независимо от того, в какое время это произошло — в начале, середине или в конце рабочего дня.

Кроме того, прогулом считается оставление работы:

— без предупреждения работником администрации о расторжении трудового договора;

— до истечения двухнедельного срока после такого предупреждения, если администрация не согласна на увольнение раньше, чем через две недели;

— человеком, заключившим срочный трудовой договор, до истечения срока без разрешения администрации или решения компетентного органа;

— молодым специалистом до истечения установленного трехлетнего срока и выпускником профессионально-технического училища до истечения предусмотренного срока.

Так как увольнение в рассмотренных случаях — это дисциплинарное взыскание, необходимо соблюдать все общие правила нало-

жения дисциплинарных взысканий. Администрация обязана затребовать от нарушителя объяснение в связи с проступком. Не допускается увольнение по истечении одного месяца со дня обнаружения проступка и в любом случае позднее шести месяцев со дня его совершения. Если на работника уже было наложено какое-либо взыскание, увольнять его за этот же проступок нельзя.

Увольнение за нарушения трудовой дисциплины возможно лишь с предварительного согласия фабричного, заводского, местного комитета профсоюза.

М. БАРЦЕВСКИЙ,
юрист

В. Краснову из Магаданской области интересуется, сохраняются ли у женщины, работающей в районе Крайнего Севера, стаж, необходимый для получения северных льгот, если она на время оставляет работу для ухода за ребенком.

Для женщин, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним, установлена особая льгота. Эти женщины могут увольняться с работы для ухода за ребенком до достижения им школьного возраста и возвращаться на работу, не теряя стажа, необходимого для получения северных льгот (надбавки к заработной плате, льготы по отпускам, доплаты к заработной плате при временной нетрудоспособности и так далее).

Увольнение производится по заявлению женщины. Если она работает по договору на неопределенный срок, то увольняется в соответствии со статьей 31 Кодекса законов о труде РСФСР, предупредив об этом администрацию за две недели. По договоренности между женщиной и администрацией увольнение может быть произведено и до истечения двухнедельного срока. Если женщина работает по срочному трудовому договору, она увольняется по статье 32 КЗоТ РСФСР. В том и в другом случае в трудовой книжке делается запись о том, что женщина уволена в связи с необходимостью ухода за ребенком дошкольного возраста.

При увольнении женщины, работающей по срочному трудовому договору, компенсационные суммы, которые она получила, заключая договор, с нее не взыскиваются.

Женщина—молодой специалист, обязанная по распределению поработать не менее трех лет в районах Крайнего Севера и в местно-

стях, приравненных к ним, также может уволиться с работы для ухода за ребенком дошкольного возраста. Для этого она должна обратиться с просьбой об увольнении в министерство (ведомство), которому подчинено предприятие, учреждение или организация, куда она направлена.

Уволившаяся для ухода за ребенком дошкольного возраста женщина, по общему правилу, должна выйти на работу сразу же после поступления ребенка в школу. Если ребенок к началу занятий не достиг школьного возраста и по этой причине не был принят в школу, то стаж, дающий право на получение северных льгот, сохраняется до 1 сентября следующего года.

Женщинам, оставившим работу в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним, в связи с состоянием здоровья детей школьного возраста (по заключению лечебного учреждения), стаж для получения северных льгот сохраняется при возвращении на работу в указанные районы и местности не позднее чем через два месяца после выздоровления ребенка. При этом необходимо представить справку медицинского учреждения.

Суммированный стаж, дающий женщинам, уволившимся для ухода за ребенком дошкольного возраста, право на получение северных льгот, учитывается и при оплате администрацией проезда в отпуск и обратно один раз в три года.

На исчисление трудового стажа для получения пособия по государственному социальному страхованию изложенный порядок не распространяется.

Е. ХЛЫСТОВА,
юрист

Усилился идейно-политический кризис буржуазного общества. Он поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные нормы. Коррупция становится все более явной, даже в высших звеньях государственной машины. Продолжается упадок духовной культуры, растет преступность.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

ВАСИЛИЙ СМИРНОВ

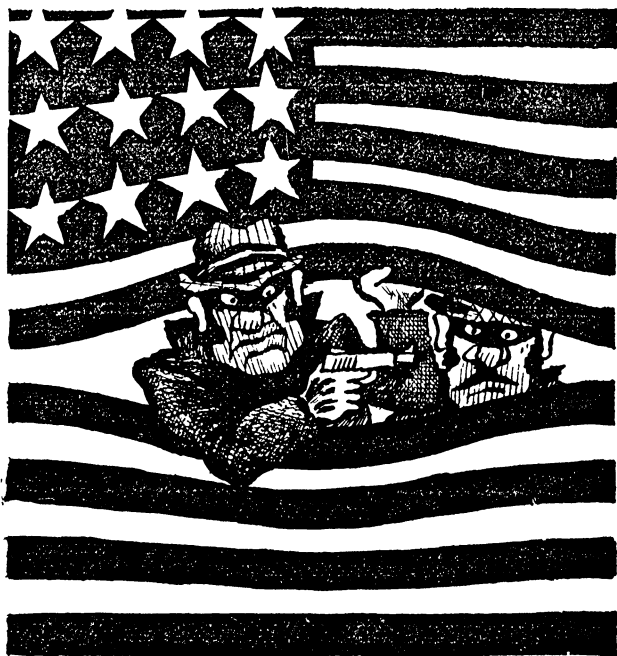
ПРЕСТУПНОСТЬ В США —

НЕВОПЛОЩЕННЫЕ ИДЕАЛЫ

В эти дни в Соединенных Штатах отмечается 200-летие существования американского государства: ровно два века назад появилась на свет Декларация независимости, а несколько позднее была принята и конституция.

Ныне, в юбилейный для США год, официальная пропаганда ведет усиленную кампанию по рекламированию демократических «достижений» и «преимуществ» американского образа жизни. Апологеты буржуазно-демократических порядков пытаются доказать, что стремления, выраженные в Декларации независимости и конституции, воплощены в современном американском обществе, говорят о США как о «самой свободной» стране, эталом «эталоне» демократии.

Действительно же положение дел свидетельствует о том, что страна далека от тех идеалов, которые выразили в документах со-

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА №1

«ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ»

здатели молодого независимого государства, или, как их величают американцы, «отцы-основатели». Сообщения о нарушениях прав личности, закрепленных в первых десяти поправках к конституции США — «Билле о правах», все чаще встречаются на страницах прессы. И эти сообщения резко контрастируют с тем торжественным слогом, которым открывается американская конституция: «Мы, народ Соединенных Штатов*, в целях образования более совершенного союза, установления правосудия, обеспечения внутреннего спокойствия, принятия мер по совместной обороне, поднятия общего благосостояния и обеспечения нам самим и нашему потомству

* Ирония данной части преамбулы заключается в том, что филладельфийский конвент, издавший конституцию в 1787 году, состоял из представителей лишь имущих слоев, весьма далеких от народа.

благ свободы издаем и устанавливаем эту Конституцию для Соединенных Штатов Америки.

В этой статье мы расскажем о том, насколько в сегодняшней Америке реализованы цели и идеалы, выраженные в первых же строках конституции США — ее преамбуле. Речь пойдет об «обеспечении внутреннего спокойствия».

Итак, «внутреннее спокойствие» и «более совершенный союз» в семидесятих годах двадцатого столетия.

ЧТО ГОВОРЯТ АМЕРИКАНЦЫ

Обратимся сперва к мнению рядовых американцев, непосредственно сталкивающихся с насилием и преступностью. Такую возможность нам предоставляют вездесущий институт Гэллага, специализирующийся на опросах общественного мнения, и журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», опубликовавший немногим более года назад обзор «Настроение Америки».

Результаты опроса показали, что американцы считают преступность социальной проблемой № 1. Даже безработица, инфляция и высокая стоимость жизни по сравнению с ней выглядят для жителей городов менее угрожающими.

Большинство опрошенных считает, что положение продолжает ухудшаться. 50 процентов уверены, что в районах, где они живут, совершается больше уличных преступлений, чем год назад. Почти половина опрошенных предпочитает не появляться на улице с наступлением темноты, а 19 процентов заявили, что в вечернее и ночное время не чувствуют себя в безопасности даже в стенах собственных домов. Каждый восьмой горожанин в страхе перед преступниками не появляется на улице вечером и в равной степени не чувствует себя в безопасности дома.

Страх, как и следовало ожидать, распространен особенно среди женщин: 63 процента не появляются на улице вечером и ночью, а в больших городах с населением свыше 500 тысяч человек эта цифра достигает 77 процентов.

Негритянка Марва Лэнгдон из города Гэри (штат Индиана) заявила журналистам: «После наступления темноты я одна не выхожу. Я не ношу с собой много денег». Торговец фруктами из Нового Орлеана Дэниел Шауб говорит, что на улицах «с каждым годом становится все хуже. Люди страдают ни за что, и ничего в связи с этим не делается...». Виктория Вашингтон, официантка из Тампы (штат Флорида), вместе с полуторагодовалым малышом покидает,

как это делают в страхе перед преступниками многие американцы, обжитое место: «Мне надо уехать, пока ребенок не стал намного старше. Когда я сюда приехала, это было действительно прекрасное место... Сейчас здесь каждый день вторжения в квартиры, разбои, кражи кошельков и на улицах избияния людей...»

И наконец, вот что сказал о проблеме преступности сам президент Форд в выступлении на праздновании 150-летия знаменитой школы права Йельского университета: «...Я прошу вас поразмыслить вместе со мной о проблеме, беспокоящей так много американцев,— о проблеме преступности. И давайте начнем с великой преамбулы к нашей конституции, которая ставит целью обеспечить внутреннее спокойствие. Достигли ли мы на наших улицах и в наших домах чувства внутреннего спокойствия, так необходимого для стремления к счастью?»

...Если за показатель взять уровень преступности, ответ должен быть «нет».

Число насильственных преступлений постоянно растет, а в последнее время мы испытали чувство национального стыда за нарушения законности на высоких постах. Насильственные преступления на наших улицах и в наших домах делают чувство страха всепроникающим. Они подрывают сами основы жизни общества; они разрывают узы, что объединяют нас как сограждан; они заставляют граждан бояться друг друга.

Преступность на высоких постах, будь то в федеральном правительстве, правительстве штата, местном органе власти либо в сфере бизнеса или в профсоюзе, служит примером, который все более затрудняет воспитание духа законопослушания у рядовых граждан...»

СЛОВО СТАТИСТИКЕ

Какие бы оценки состоянию преступности ни давали американцы — от «человека с улицы» до президента,— то, что они говорят, это скорее, так сказать, эмоциональная сторона дела. Для полноты картины, очевидно, следует обратиться к цифрам. Американцы — люди деловые и любят счет.

Есть статистика и по интересующему нас вопросу. В национальном масштабе ее собирает, обобщает и публикует Федеральное бюро расследований. Так вот, по данным ФБР, в 1974 году на каждые 100 тысяч человек населения крупных городов совершалось 5622 серьезных преступления; эта цифра для западных штатов страны составила 6501.

*Почти 21 тысяча убийств
только за 1973 год
совершена в США,
или 1 убийство
каждые 27 минут...
За мрачной статистикой
стоят кровь, горе
и страдания.*

(Фото из журнала «Спринг 3100»).

К серьезным преступлениям, учитываемым на федеральном уровне, ФБР относит умышленные убийства, изнасилования, разбой, нападения при отягчающих обстоятельствах, незаконные вторжения в помещение с целью совершить тяжкое преступление, хищения имущества, похищения автомобилей. Этих преступлений в 1974 году (последний год, за который имеются опубликованные данные) в США было совершено, согласно отчету ФБР, 10 192 020 — на 1 525 800 преступлений больше, чем в 1973 году. Из них почти миллион составляют насильственные преступления. Кривая преступности продолжала неуклонно ползти вверх и в 1975 году: только на первые девять месяцев число серьезных преступлений увеличилось на 11 процентов по сравнению с тем же периодом 1974 года... Так что у официантки из Флориды были действительно серьезные основания беспокоиться за себя и своего малыша: как утверждают ученые-математики из Массачусетского технологического института, сделавшие с помощью компьютеров соответствующие расчеты, число убийств в Соединенных Штатах растет настолько быстро, что американцу, родившемуся в 1974 году в крупном городе, грозит большая опасность стать жертвой убийства, чем американскому солдату во второй мировой войне погибнуть в бою...

ПОКАЗАТЕЛЬНЫ ЛИ ПОКАЗАТЕЛИ!

Итак, более 10 миллионов преступлений, или 20 600 умышленных убийств, 55 210 изнасилований, 441 290 разбойных нападений, 452 720 нападений при отягчающих обстоятельствах, более 3 миллионов вторжений в жилища, более 5 миллионов хищений имущества, почти миллион похищений автомобилей.

Цифры тягостные, но тем не менее они не полностью отражают действительное состояние преступности в Америке. Во-первых, ФБР публикует данные только по семи видам преступлений. За пределами ежегодного отчета остаются многие другие. Во-вторых, полицейские органы штатов (ФБРовские данные основываются на информации с мест) нередко манипулируют цифрами отчетности, завышая или занижая показатели в зависимости от конъюнктурных политических или материально-финансовых соображений. В-третьих, многие преступления не становятся известными полиции и, соответственно, не попадают в сводки. По данным института Гэллага, полиция получает сведения только о шести из десяти уличных преступлений. Не-

*Арест правонарушителя..
Как мы видим на снимке,
аресту часто
сопутствуют жестокость
и насилие. Это ожесточает
людей и ведет к эскалации
насилия в стране.
(Фото из журнала «Ньюсуик»),*

желание потерпевших сообщать об инцидентах в полицию во многом объясняется тем, что граждане считают безнадежным розыск правонарушителя через полицейские органы: та же ФБРовская статистика говорит о чрезвычайно низком уровне раскрываемости преступлений в США — в среднем раскрывается около 20 процентов преступлений.

Наконец, последнее. Статистические отчеты ФБР молчат о таком наиболее быстро сейчас распространяющемся виде преступности, как правонарушения власть и деньги имущих, или, как называют этот вид американцы, «беловоротничковая» преступность. В основном выпадает из статистических сведений ФБР и «американский феномен» — организованная преступность.

ГАНГСТЕРЫ, ПОЛИТИКАНЫ И ДЕЛЬЦЫ

Нет нужды подробно описывать деяния гангстерских синдикатов в США. Читатель хорошо знает — в этой стране организованная преступность настолько глубоко укоренилась и так процветает, что американскую мафию нередко называют «невидимой империей» или «государством в государстве». Набравшие силу в двадцатые-тридцатые годы на поставках и продаже запрещенного «сухим законом» спиртного, гангстерские синдикаты извлекают ныне баснословные барыши на содержании незаконных игорных предприятий, эксплуатации проституции, ростовщичестве, торговле наркотиками, вымогательстве.

Организованная преступность представляет собой четко налаженную, действующую на основе жесткой дисциплины и жестокости систему гангстерских синдикатов. Федеральные власти оценивают численность «руководящего костяка» организованной преступности примерно в пять тысяч человек. Этот «костяк» командует пятнадцатитысячной армией рядовых исполнителей. Доминирующее положение в этой широко разветвленной мафии занимают лица итальянского происхождения. Однако в сферу противоправных операций синдикатов втянуты люди самых разных национальностей. По некоторым подсчетам доходы организованной преступности превышают прибыли примерно трех таких американских воротил бизнеса, как, скажем, могущественная «Дженерал моторс». По данным экономического отдела журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», прибыль гангстерских синдикатов от игорного бизнеса, торговли наркотиками, незаконного ростовщичества и других видов подпольной деятельности в 1975 году составляла около 40 миллиардов долларов.

Безнаказанность гангстерских заправил объясняется тем, что их деятельность тщательно конспирируется, сбор доказательств по делам, связанным с организованной преступностью, по этой причине затруднен и в «капканы», расставляемые властями, попадает, как правило, «мелкая дичь» — рядовые исполнители. К тому же, средства, получаемые гангстерскими боссами в результате противоправных операций, вкладываются ими в легальный бизнес. Происходит, таким образом, проникновение организованной преступности в законную предпринимательскую деятельность. По данным одного государственного финансового ведомства, 98 из 133 известных крупных фигур организованной преступности участвуют в 160 деловых предприятиях. Многие содержат ночные клубы, бары, занимаются оптовой торговлей.

Трудность борьбы с организованной преступностью в США объясняют также и тем, что лица, пользующиеся «услугами» гангстеров, не признают противозаконного характера этих «услуг» и охотно к ним прибегают: бьющиеся в тисках растущей дороговизны надеются на «шальное счастье» в игорном притоне; разоряющийся хозяйчик, получив отказ в банковской ссуде, идет на поклон к местному ростовщику-«акуле»; разуверившийся молодой безработный обращается к дурману наркотиков, найти которые нетрудно у «толкачей»-синдикатчиков, околачивающихся в кварталах бедноты...

Наркотики, поставляемые организованной преступностью, — бич и беда Америки. Главным «врагом общества» окрестил наркоманию президент США пять лет назад. По данным одного из сенатских подкомитетов, около 35 миллионов американцев в тот или иной период своей жизни курили марихуану, более 10 миллионов потребляют ее постоянно, 100—150 тысяч человек в США — привычные потребители героина. Хроническому наркоману требуется в день пятидесятимиллиграммовая доза героина, что обходится ему в 65 долларов, а в год — около 24 тысяч. Чтобы раздобыть средства на наркотик, он идет на преступление — кражу, грабеж, разбой. Исследования, проведенные в Балтиморе и Нью-Йорке, показали, что наркоманы 60 процентов средств получают воровством. Официальные лица полагают, что большинство уличных преступлений совершается наркоманами в поисках денег для оплаты «услуг» синдикатчиков-«толкачей». Более 5 миллиардов долларов ежегодно получает мафия от торговли героином и другими сильнодействующими наркотиками. Прибыли огромны, огромен и ущерб стране — тысячи людей разрушают свое здоровье и, совершая преступления, угрожают безопасности сограждан. Организованная преступность тем самым порождает преступность на улицах...

Практически бесконтрольное распространение огнестрельного оружия в США — одна из причин разгула преступности и насилия в стране.

На снимке: сотрудники береговой охраны осматривают целый арсенал оружия, конфискованный у гангстеров.

(Фото из журнала «Спринг 3100»).

Трудность борьбы с организованной преступностью в США определяется не только строжайшей конспирацией гангстеров и благосклонностью многих граждан к их товарам и «услугам», но и тесными «дружественными» связями, существующими между гангстерскими боссами и должностными лицами в органах власти на местах. Синдикаты тратят баснословные суммы на подкуп государственного аппарата.

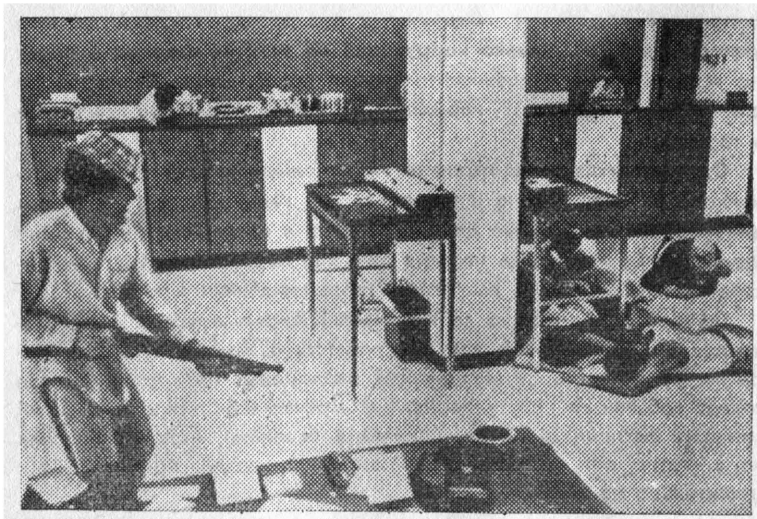
Каким же образом иные политики у власти получают возможность зарабатывать не только политический, но и материально ощутимый капитал, исчисляемый в реальных долларах?

Если такой деятель — законодатель, он может содействовать принятию закона, выгодного для тех фирм и компаний, от которых он получил взятку. Дэниэл Брюстер, бывший сенатор-демократ от штата Мэриленд, был приговорен к тюремному заключению по обвинению во взяточничестве. Он получил 14 500 долларов от одной из почтовых компаний в обмен на поддержку нового законодательства, выгодно для нее регулировавшего деятельность почт. Брюстер утверждал, что по меньшей мере двадцать других известных ему

законодателей, заседавших в конгрессе, «некоторые из наиболее уважаемых людей», замешаны в аналогичных махинациях, но никто из них не привлекался к уголовной ответственности. Федеральный судья Отто Кернер получал взятки в виде пакета акций в обмен на оказание поддержки некоторым фирмам в то время, когда он занимал должность губернатора штата Иллинойс. При попытке заключить контракт на строительство автострады с условием, что фирма в знак «благодарности» внесет 10 тысяч долларов в партийный фонд республиканцев, попался Пауль Шервин, занимавший пост секретаря штата Нью-Джерси — после губернатора второй пост в системе управления штата. Только в одном этом штате за последние годы были замешаны в коррупции более шестидесяти должностных лиц, в их числе — бывший член конгресса, два секретаря штата, казначей штата, три законодателя, восемь мэров, три судьи и бывший помощник обвинителя. Взяточники-политиканы обнаружались и в та-

Наибольшее число преступлений в США связано с незаконным присвоением имущества: разбоем, хищениями, ограблениями. На снимке, сделанном скрытой камерой, мы видим ограбление банка. Преступнику, очевидно, удастся уйти с мешком денег. Однако рост «беловоротничковой» преступности в США свидетельствует о том, что присвоению денег не обязательно сопутствует вооруженное ограбление, — спокойней грабить с помощью банковских махинаций и подлогов.

(Фото из журнала «Ньюсуик»).

ких крупных городах, как Нью-Йорк, Чикаго, Майами, Новый Орлеан, Сиэтл.

Показательным примером коррупции «на высшем уровне» может служить нашумевшая три года назад история бывшего вице-президента США С. Агню. Установлено, что Агню сначала на посту главы исполнительной власти графства Балтимор в 1962—1966 годах, а затем и на посту губернатора штата Мэриленд в 1967—1968 годах занимался вымогательством и постоянно клал в карман взятки в несколько десятков тысяч долларов.

Агню привлечен к ответственности по четырем обвинениям: взяточничество, вымогательство, уклонение от уплаты федерального подоходного налога и преступный сговор (по этому же делу были привлечены еще некоторые лица — друзья и политические сторонники Агню). Применяя различные «маневры» и «ходы», вице-президент и обвинение пришли к соглашению, что Агню подаст в отставку и признает себя виновным... по одному из пунктов обвинения. Бывший вице-президент был приговорен к трем годам тюрьмы условно и к штрафу в 10 тысяч долларов.

Взяточничество, вымогательство, подкуп, мошенничество — это одна сторона проблемы коррупции. Другая, более или менее тщательно маскируемая властелинами Америки, это политическая коррупция — распределение власти в данном звене управления между сторонниками одной или другой буржуазной партии и манипуляция властью в сиюминутных, тактических, узкопартийных интересах. Политической коррупции подвержены все звенья государственного управления США, однако коррупцией во всех ее формах и видах не исчерпывается «беловоротничковая» преступность. Основное ее содержание составляют нарушения в сфере предпринимательства и торговли.

Одна общественная организация составила обзор «беловоротничковой» преступности, и только за два года, 1973 и 1974, в нем фигурировали уголовные дела, в которых в общей сложности были замешаны более тысячи частных лиц, 150 корпораций, 160 администраторов корпораций, государственные чиновники и юристы.

Пагубное воздействие на моральный климат американского общества «беловоротничковая» преступность оказывает тем, что, подобно организованной, толкающей наркоманов на воровство, она питает «обычные» преступления. Как мрачно констатировал бывший министр юстиции Р. Кларк, неимущие осознают, что, «продолжая жить честно, они окажутся в дураках, тогда как другие наживаются решительно на всем».

«Беловоротничковая» преступность наносит огромный экономический ущерб стране и бьет по карману граждан — потребителей и налогоплательщиков. В 1973 году материальный ущерб от банковских подлогов и мошенничеств оценивался в 135,6 миллиона долларов, в то время как уличные ограбления «стоили» 22 миллиона долларов.

В целом преступность «обошлась» Америке в 1975 году в 100 миллиардов долларов — эта «материальная» оценка преступности дополняет ее «эмоциональную» и «количественную» стороны.

КТО ПЛАТИТ ПО СЧЕТУ

Кто платит по миллиардным «счетам», предъявляемым преступностью Америке? Попробуем разобраться.

Возьмем для начала преступность в сфере бизнеса. Источник ее — алчность капиталистов, погоня за прибылями. Их орудия — не нож и не пистолет, а бухгалтерская книга, ЭВМ, рекламные объявления и деловые документы. Противоправные операции, начиная от сговора о ценообразовании и банковских махинаций и кончая продажей испорченных продуктов и выпуском вредоносных лекарств, приносят миллионные барыши крупным предпринимателям и торговцам, а рядовым потребителям сокращают и без того опустошенный инфляцией бюджет. Именно огромная масса простых американцев — жертва «беловоротничковой» преступности.

Рядовой американец — главная жертва и организованной преступности. Игорные предприятия, национальные лотереи, «услужливость» торговцев героином и «акул»-ростовщиков служат тому, чтобы обмануть, обратить человека, очистить бумажник, поставить в долговую зависимость от синдиката или привязать его к зелью, над торговлей которым властвует тот же синдикат. Даже в тех случаях, когда гангстеры прибегают к вымогательству у торговцев или владельцев увеселительных заведений, потерпевшими оказываются не эти более или менее состоятельные люди. Ведь хозяин магазина, выплачивающий под угрозой насилия часть доходов гангстерам, перекладывает эту дань на покупателей. Страдает семейный бюджет — домохозяйка вынуждена прибегать к суровой экономии, не подозревая даже, что за очередным повышением цен в бакалейной лавке стоит не только инфляция, но и «счет», предъявляемый мафией.

Уличная преступность... Стереотипное представление подсказывает, что скорее всего «грабят тех, у кого есть много». В случае с организованной и «беловоротничковой» преступностью мы видим, что «грабят те, у кого есть много».

А кто жертва уличной преступности? Кто платит по ее «счетам»? Можно было бы начать с того, что даже материальное бремя борьбы с растущей преступностью несут на себе рядовые налогоплательщики, в основном они и расплачиваются за содержание не столь уж эффективных в обеспечении «внутреннего спокойствия» судебно-полицейских органов. Эта статья расходов растет с каждым годом. Если в 1960 году на полицию, органы обвинения, суды и исправительные учреждения всех уровней — федерального, штатов и местных — ассигновалось из казны, пополняемой налогами трудовой Америки, примерно 3,5 миллиарда, то к прошлому году сумма увеличилась и достигла почти 15 миллиардов долларов.

Но дело не только в этом «счете». Для оценки природы американской уличной преступности необходимо иметь в виду, что она направлена против рядовых американцев, против их здоровья, жизни, имущества.

Вот что писал по этому поводу уже цитированный нами Р. Кларк: «В Соединенных Штатах преступность в большинстве случаев возникает в атмосфере, насыщенной бедностью и ее последствиями... Вероятно, из пяти серьезных преступлений четыре совершается в местах, отмеченных крайней бедностью, причем большинство их направлено против людей, которые там живут. И однако большинство из тех, кто прозябает в бедности, никогда не совершает серьезных преступлений.

...В наибольшей степени и самым трагическим образом от преступности в Америке страдает бедняк, житель трущоб» (Выделено мной.— В. С.).

Р. Кларк в свое время занимал, как уже упоминалось, пост министра юстиции, и можно с уверенностью предполагать, что в его распоряжении достаточно информации, чтобы делать вполне компетентные выводы...

Конечно, грабители и взломщики не обходят своим «вниманием» зажиточные кварталы и богатые городские предместья. Однако, защищенные услужливо бдительной полицией, дорогостоящей сигнализацией и хитроумными замками, эти районы меньше страдают от преступности.

ПОПРАННОЕ ПРАВО

За преступность расплачиваются массы рядовых американцев. Потери, которые они несут, выражаются в расходах на судебно-полицейский аппарат, медицинскую помощь потерпевшим, в потере заработка, переплате лавочникам, долгах ростовщикам. Но неизмери-

мы горе и страдания жертв преступлений, членов их семей, неизмерим моральный ущерб обществу, пораженному страхом перед преступностью и насилием. Еще президент Франклин Д. Рузвельт говорил о праве американского гражданина на «четыре свободы»: свободы от нужды и страха, свободы слова и вероисповедания. Можно с уверенностью сказать, что в сегодняшней Америке вряд ли найдется человек, который осмелился бы утверждать, что гражданское право на свободу от страха американцам гарантировано. Многим из них гарантировано скорее обратное — постоянное чувство страха, заставляющее половину американцев с наступлением темноты сидеть дома за запорами, а каждого пятого — опасаться преступников и в стенах дома, за замками...

Наконец, американцы платят преступности не учтенным статистикой и не измеряемым в долларах важнейшим правом гражданина — правом на личную безопасность и неприкосновенность имущества, правом на свободу от грабителей с ножом и грабителей в офисах корпораций, от «акул»-ростовщиков и «толкачей» героина. Иначе говоря, американец расплачивается обещанным ему два века назад правом на «внутреннее спокойствие», и плата увеличивается вместе с ползущей вверх кривой разгула преступности.

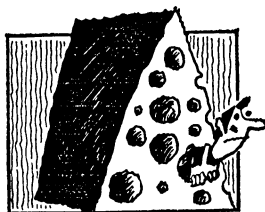
Статистика, факты, оценки, исследования говорят, что у «более совершенного союза» сегодня нет того «внутреннего спокойствия», о котором грезил «отцы-основатели». Американцы воочию убеждаются в том, что идеалы буржуазно-демократической государственности неизмеримо далеки от своего реального воплощения.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ДЫРКИ В СЫРЕ

Знаменитый эмментальский сыр славится своим вкусом и крупными, как вишни, дырками, возникающими в процессе созревания продукта. В связи с делом одного баварского сыровара, который решил украсить партию неудавшихся сыров искусственными дырками, выдолбленными специальной ложечкой, верховный суд Баварии (ФРГ) вынес недавно решение о том, что дырки в сыре должны быть естественного происхождения, а не сделаны с по-

мощью каких-либо инструментов. «Изобретатель» такого метода «облагораживания» сыров был приговорен к штрафу в три тысячи марок.

ЗНАМЕНИТЫЙ НЕРО

В городе Дейтон-Бич в штате Флорида размещен оружейный

склад национальной гвардии, резервного отряда правительственных войск США. Карабины, автоматы, пулеметы и другое оружие стерег огромный свирепый пес по кличке Неро. Однажды вечером в помещение проникли воры и похитили... Неро. Оружие они не тронули, его у них, видимо, предостаточно.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Какой водитель не остановится, если красивая девушка попросит подвезти ее?.. У итальянского шофера Константина Изола тоже не каменное сердце. Когда юная красавица подала ему знак рукой и при этом очень мило улыбнулась, он немедленно остановил свой грузовик. Подбежав к кабине, девушка вынула вдруг из сумочки пистолет и направила его на водителя. Одновременно, словно из-под земли, появились две ее сообщницы. Через несколько минут Изола печально провожал глазами свой грузовик, на-

груженный дорогим швейцарским шоколадом. Машину разыскать не удалось.

Рис. Н. КАЛУГИНА.

— Давай никогда не ссориться...

Сразу видно, что культурный человек: два института окончил!

Рис. В. ВЛАДОВА.

Кому он нужен, этот Васька?

Рис. В. ВОЕВОДИНА.

Потому что день рождения только раз в году!

